

Munich Personal RePEc Archive

Methodological approach to the analysis of socio-economic systems

Filippova, Irina

Vladimir Dahl East-Ukrainian National University

2012

Online at <https://mpra.ub.uni-muenchen.de/46767/>

MPRA Paper No. 46767, posted 10 May 2013 13:31 UTC

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ, МОЛОДЕЖИ И
СПОРТА УКРАИНЫ
ВОСТОЧНОУКРАИНСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. В. Даля

Филиппова И.Г.

**МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ
АНАЛИЗА СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ**

Луганск 2012

Рекомендовано Ученым советом
Восточноукраинского национального университета им. Владимира Даля
(Протокол № 9 от 27.04.2012 г.)

Рецензенты:

Петрушина Т.О., д.соц.н., заведующая отделом экономической социологии
Института социологии НАН Украины, г. Киев

Петенко И.В., д.э.н., проф., академик Академии экономических наук
Украины, зав. каф. «Управление персоналом и экономика труда» Донецкого
государственного университета управления, г. Донецк

Назарова Г.В., д.э.н., проф., академик Академии экономических наук
Украины, зав. каф. «Управление персоналом» Харьковского национального
экономического университета, г. Харьков

Швец И.Б., д.э.н., проф., зав. каф. «Управление персоналом и экономика
труда» Донецкого национального технического университета

Тарасевич В.Н., д.э.н., проф., зав. каф. политической экономии Национальной
металлургической академии Украины, г. Днепропетровск

Филиппова И.Г.

**Методологическая концепция анализа социально-
экономических систем:** монография / И.Г. Филиппова. —
Луганск: изд. ВНУ им. В. Даля, 2012. — 264 с.

ISBN 978-966-590-940-8

Целью монографии является развитие методологии анализа социально-экономических систем. С этой целью в работе предлагается целостная концепция, в которой формируется система взаимоувязанных понятий и категорий, раскрываются глубинные механизмы, причинно-следственные связи и закономерности протекания социально-экономических процессов.

Метою монографії є розвиток методології аналізу соціально-економічних систем. З цією метою в роботі пропонується цілісна концепція, в якій формується система взаємопов'язаних понять і категорій, розкриваються глибинні механізми, причинно-наслідкові зв'язки і закономірності протікання соціально-економічних процесів.

ISBN 978-966-590-940-8

УДК 316.3:330.341.2:304.5

© И.Г. Филиппова, 2012

© Восточноукраинский национальный университет им. Владимира Даля, 2012

Автор выражает глубочайшую признательность
Сумцову Виктору Григорьевичу,
своему наставнику, участнику многих совместных работ.

Его деятельность как ученого, руководителя, уникальные и глубочайшие познания, замечательные человеческие качества стали для многих своеобразным эталоном, соответствие которому стало для автора этих строк важным ориентиром в процессе формирования системы научных принципов и общечеловеческих ценностей. Данный труд своим появлением во многом является результатом стимулирующего творческую активность и научную честность влияния, которое оказал на меня этот замечательный человек.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	7
ГЛАВА 1. СОЦИАЛЬНАЯ СИСТЕМА: ПРОБЛЕМЫ ЦЕЛОСТНОСТИ И УСТОЙЧИВОСТИ	11
1.1. Общество как социальный организм	11
1.2. Принципы системной интеграции социума и его структура	39
1.3. Социальный контроль как принцип системной интеграции	56
ГЛАВА 2. СТРУКТУРА ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА	68
2.1. Институциональная матрица социальной системы	68
2.2. Экономическая система и проблемы отчуждения	86
ГЛАВА 3. ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ КОМПОНЕНТЫ ТРУДОВОГО ПОТЕНЦИАЛА ОБЩЕСТВА	94
3.1. Демографическая система как носитель трудового потенциала	94
3.2. Оценка трудового потенциала: специфика предметной области	105
3.3. Существующие подходы к оценке трудового потенциала	112
3.4. Капитал и трудовой потенциал: связь и пределы роста	116
3.4.1. Институциональная природа и превращение форм капитала	116
3.4.2. Труд и капитал как элементы производительных сил	141
3.5. Институциональные условия формирования трудового потенциала Украины	152
3.5.1. Неформальные негативные институты	152
3.5.2. Институт государственной власти и трудовой потенциал	156
ГЛАВА 4. ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ И СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ КОРРЕКТНОСТЬ ПОДХОДОВ	167
4.1. Экономический детерминизм теории человеческого капитала	167

4.1.1. Противоречие между трудом и капиталом	167
4.1.2. Непроизведенные ресурсы	169
4.1.3. Приобретение или утрата?	172
4.1.4. Товарные формы труда и вмененные издержки работника	177
4.1.6. Факторные доходы	181
4.1.7. Противоречивость подходов	184
4.1.8. Дуализм концепции	191
4.1.9. «Человеческий» и имущественный капитал индивида	196
4.1.10. «Непостижимый остаток»	199
4.1.11. Невоспроизводимость «человеческого капитала»	202
4.1.12. Человеческий потенциал	203
4.1.13. Предельная эффективность «человеческого капитала»	207
Резюме	213
4.2. «Человеческий капитал» и уровень человеческого развития в Украине: институциональные аспекты	215
4.2.1. Динамика «человеческого капитала» Украины	215
4.2.2. Гражданское общество и права человека	222
4.2.3. Уровень жизни и доходы населения в Украине	228
4.2.4. Депривация и индекс многомерной бедности ПРООН	242
4.2.5. Наука и образование	247
4.3. Социальный капитал как системное качество	254
4.4. Экономическая составляющая социального капитала	270
ГЛАВА 5. СОЦИАЛЬНЫЙ ПРОГРЕСС И СОЦИАЛЬНЫЕ ИЗДЕРЖКИ	276
5.1. Социальный прогресс как научная категория	276
5.2. Социальные издержки и энтропия социальной системы	282
5.2.1. Понятие социальных издержек	282
5.2.2. Измерение социальных издержек	287

ЗАКЛЮЧЕНИЕ	298
ЛИТЕРАТУРА	301

ВВЕДЕНИЕ

Предлагаемый вниманию уважаемого читателя труд представляет собой не просто критический обзор различных научных подходов к анализу социально-экономических систем; не хотелось бы также, чтобы читатель воспринял излагаемые здесь мысли как *votum separatum*¹ автора. Многие выдающиеся ученые отмечают нарастание негативной социальной динамики, которая приобретает неуправляемый характер; имеется в виду отсутствие механизмов социальной солидарности, рост издержек правительственных и международных организаций на нейтрализацию или хотя бы смягчение ее² последствий.

Все более актуальной становится проблема управления социально-экономическими процессами на основе четкого понимания скрытых глубинных механизмов, порождающих социальную динамику; однако управление подразумевает, во-первых, четкую постановку цели, во-вторых, «обратную связь» с «управляемым объектом», т.е. мониторинг социальной реальности на основе четкой системы индикаторов, характеризующих направленность социальной динамики. Хочется надеяться, что большинство коллег согласятся с тем, что в этом ракурсе главной целью регулирования должен быть социальный прогресс на основе подчиненного ему экономического роста, что выводит на первый план проблему четкого определения содержания этого понятия. Мониторинг социальной реальности также предполагает решение ряда задач, связанных с определением основных индикаторов, по которым будет осуществляться «обратная связь». Среди множества измеряемых

¹ особое мнение (лат.)

² социальной динамики

или качественно оцениваемых параметров социальной динамики следует выделить те, вариация которых наиболее однозначно характеризует результативность управления социально-экономической реальностью. Таким образом, если главной целью исследования полагать повышение управляемости социально-экономических процессов, то необходимо, во-первых, понять их глубинные механизмы и влияющие факторы, во-вторых, четко обозначить основные индикаторы, в-третьих, сформулировать принципы, на основе которых должно осуществляться регулирование.

Повергая критике *sancta sanctorum*³ экономического детерминизма, мы опираемся на труды как всемирно известных ученых прошлых столетий, так и на современные достижения научной мысли. Однако сформированная в монографии концепция существенно отличается от всех существующих. Ядром ее является определение таких общих категорий анализа, как институциональная матрица и социальная система; установление четких критериев дифференцирования понятий «труд» и «работа»; аналитическое обоснование институциональной природы трудового потенциала и капитала; критика концепции «человеческого капитала» и дальнейшее развитие концепции социального капитала; формулировка и обоснование понятия социальных издержек и т.д. Наиболее важным элементом концепции является тезис о системообразующем характере базисного института труда и вторичности всех остальных базисных институтов.

Ключевым методологическим принципом концепции является анализ формирования и развития социальной системы и ее базисных институтов как результата определенного этапа отчуждения.

³ святая святых (лат)

В предлагаемой концепции методологическому принципу индивидуализма противопоставляются связующие принципы социальной ответственности и социального контроля как необходимое условие нормального функционирования общественного организма. Мы не рассматриваем социальную солидарность⁴ как принцип, поскольку в данной концепции она является целью, достижение которой возможно только при условии соблюдения связующих принципов системной интеграции. При этом в концепции обосновывается симметричность социальной ответственности, подразумевающая невозможность соблюдения этого принципа только одной из сторон отношений.

Рассматривая отчуждение труда, мы делаем акцент на вмененных издержках работников, которые не компенсируются в процессе трансакций на рынке труда, предметом которых является рабочее время. Причиной изначально дискриминационного характера отношений, складывающихся на рынке труда, является специфическая особенность ресурса рабочего времени работника, которое не может «накапливаться» и восполняться; дискриминация приводит к нарушению принципа социальной ответственности в трудовых отношениях. Единственным способом устранения дискриминации является признание нетоварной природы рабочего времени; общественная ценность труда должна определяться не рыночным механизмом, а системой социальных институтов, происходящих от базисного института труда.

Проблемы современного социума в данной концепции рассматриваются как результат деформации институциональной матрицы общества. Эта деформация проявляется в той или иной степени вытеснения базисного системообразующего института труда при

⁴ интеграцию

отсутствии адекватной альтернативы, т.е. института или их совокупности, способных в полной мере заменить системообразующий пра-институт.

Некоторые аспекты предлагаемой концепции могут показаться читателю дискуссионными; предполагая, что критика неизбежна, мы, однако, надеемся, что она будет конструктивной, направленной на поиск разумной альтернативы методологии экономического детерминизма. Поэтому автор заранее выражает признательность всем коллегам, которые примут участие в развитии данной концепции или корректировке отдельных ее положений.

ГЛАВА 1. СОЦИАЛЬНАЯ СИСТЕМА: ПРОБЛЕМЫ ЦЕЛОСТНОСТИ И УСТОЙЧИВОСТИ

1.1. Общество как социальный организм

«Сегодня нет ничего более очевидного для думающих людей, чем потребность последовательной и объективной точки зрения на общество, его настоящие и будущие возможности». — Карл Манхейм [89, С. 468].

Возникновение общества связано с двумя процессами отчуждения: сначала — отчуждением человека от природы, затем — отчуждением человека от человека. Отчуждение человека от природы — процесс, непосредственно обусловленный трудом как деятельностью, предметом которой является эта самая природа. Перестав быть ее частью, вступив с ней в определенные отношения, человек обрек себя на долгие мучительные поиски оптимальности как в плане организации собственного жизненного бытия, так и в отношениях с природой. «Оптимальность», обусловленная природой, его не устроила; у него были растущие потребности, которые она не планировала удовлетворять. Тогда человек решил заставить ее это сделать.

Итак, труд лежит в основе возникновения общества; если бы человек не начал трудиться, используя и преобразуя вещества и элементы природы в соответствии со своими потребностями и фантазией, он так и остался бы ее неотчужденным элементом. Поэтому первым социальным институтом был институт труда: он регулировал отношения человека с природой, взаимодействия индивидов в процессе творческого преобразования продуктов природы, распределения полученного продукта и его потребления, определял роли и статусы индивидов. Таким образом, институт труда способствовал

формированию «социального организма» – совокупности человеческих особей, отделившихся от среды своего обитания. Ощущая сильную зависимость от своей сплоченности перед лицом грозных сил природы, люди в большей степени стремились к сохранению целостности своих сообществ, чем к реализации индивидуальных интересов. Новые отношения между человеком и природой, возникшие в результате трудовой деятельности, были важнее отношений между индивидами [26, С. 63]:

«...в условиях, когда все было направлено на самосохранение человечества как биологического вида, категория "свобода воли" не котиновалась. Интересы одного индивида были полностью подчинены интересам всех».

Разделяя цивилизации на общинные и гражданские, Валентей С.Д. и Нестеров Л.И., полагают, что [там же]:

«...в основе выделения различных типов цивилизаций лежат принципиальные различия в отношениях, складывающихся в системе «природа – общество – человек».

К сожалению, авторы не рассматривают труд как условие возникновения общества и формирования его отношений с природой; в качестве первого «важнейшего» института они рассматривают общину, т.е. производную института труда; затем – семью и государство. Очевидно, что при таком подходе из поля зрения исследователей выпадают причинно-следственные связи; ни один из социальных институтов не мог появиться ранее, чем человек отделился от среды своего обитания, когда и появилась необходимость в социальных институтах, заменяющих законы природы. Именно труд стал причиной этого отчуждения, и именно институт труда был первым социальным институтом, поскольку результатом отчуждения было возникновение отношений между человеком и природой, и эти отношения

естественным образом оформлялись институционально, т.е. в виде «правил игры».

Таким образом, по логике вещей, труд является «краеугольным камнем» общества; не было бы труда – не было бы и общества как социального организма, жизнеспособность которого обеспечивалась его единством⁵. Формирование института труда произошло, безусловно, значительно раньше институтов собственности, власти и управления. По сути, его главенствующая роль в этом «квартете» имеет историческую определенность; так сказать, «по праву первородства».

Отчуждение человека от человека – процесс, связанный с утратой чувства общей опасности; социум начинает «распадаться» за счет возрастающего значения индивидуальных интересов. Энтропия социальной системы – результат усиления позиций человека в его отношениях с природой, действительного или воображаемого; перестав реагировать на внешнюю опасность, человек начинает воспринимать «опасности» внутренние, происходящие от таких же, как он, субъектов социума; их интересы вступают в противоречие. При этом, как отмечает К. Манхейм [89, С. 286–287]:

«...усиление технического господства над природой безгранично опередило развитие моральных сил и знания людьми того, как следует сохранять порядок и управлять обществом».

По мере отчуждения человека от человека возникают отношения присвоения–отчуждения продукта труда, обусловившие появление

⁵ Или солидарностью – по Дюркгейму; правда, Дюркгейм рассматривал солидарность первобытных обществ как механическую, а солидарность, связанную с разделением труда – как органическую. На наш взгляд, именно в общинах была органическая солидарность; разделение труда приводит, напротив, к механической солидарности, обусловленной отчуждением рабочих функций от их носителя; социальный организм общин трансформировался в механическое соединение работников в процессе производства

института собственности, и отношения принуждения, требующие института власти.

Парадокс в том, что труд, ставший причиной отчуждения человека от природы, в дальнейшем сам стал объектом отчуждения. Это третий этап отчуждения⁶, который приводит к формированию института управления, функцией которого становится целеполагание, организация, координация трудовой деятельности.

Регламентированный труд утрачивает свои изначальные свойства и вырождается в работу⁷. Итак, разделение труда и его отчуждение необходимо приводит к окончательному становлению институтов собственности, власти и управления. При этом институт труда утрачивает свои основные функции: функция целеполагания переходит институту управления, который обуславливает также отчуждение процесса труда за счет его регламентации; функция распределения переходит институту собственности; институт власти осуществляет функцию принуждения, которая становится необходимой в условиях отчужденного труда, превращенного в работу, и в условиях действующего института собственности, отчуждающего продукт труда от его создателей.

Собственность вообще является «гордиевым узлом», теоретическим «камнем преткновения», водоразделом различных направлений научной мысли; исчезновение общинной собственности и возникновение института частной собственности связано с желанием индивидов «владеть лично», «не делить ни с кем». В этом своем сущностном проявлении институт частной собственности является

⁶ Первый этап – отчуждение человека от природы, второй – отчуждение человека от человека

⁷ Далее мы более подробно будем рассматривать этот процесс

дезинтегрирующим изначально; в нем проявилось творческое бессилие человеческого сообщества, которое не смогло «найти» иных институциональных форм для обеспечения индивидуальной автономии личности, и реализовало ее в форме автономии имущества. Наиболее четко это постулирует либеральная доктрина, в которой «личность» является «набором потребностей»; отчужденные потребности овеществляются в имуществе, которое «олицетворяет» индивида, становится основанием для определения ролей и социальных статусов – абсурд с точки зрения сущности человека как совокупности неотчуждаемых индивидуальных качеств, не измеряемых его имуществом.

Связь между отчуждением и развитием института собственности отмечает Иммануил Валлерстайн, ссылаясь на К. Маркса [27, С. 214]:

«...отчуждение есть тот недуг, который, в своем главном воплощении – собственности – разрушает цельность человеческой личности. ...глубинной причиной всех значительных социальных возмущений нашего времени является не что иное, как отчуждение».

Шпенглер, противопоставляя прусский социализм английскому⁸ и французскому, выделяет два подхода к пониманию собственности [175, С. 139]:

«...понятию собственности, за которым стоит деловой либерализм, ныне противопоставляется прусское понятие: собственность не как частная добыча, а ...как доверенное благо, в управлении которым собственник обязан давать отчет государству».

В «прусском» подходе Шпенглера очевидно прослеживается совсем иная природа института собственности, базирующаяся не на личности, а на социальной ответственности. Можно предположить, что в

⁸ «английский социализм есть реформированный капитализм» [98, С. 133]

таком варианте этот институт выполнял бы позитивную, интегрирующую функцию.

Что касается отчуждения процесса труда и «изъятия» функции целеполагания институтом управления, Карл Манхейм, анализируя состояние «массового» общества, одним из характерных признаков которого он считает «кризис оценок»⁹, отмечает [89, С. 425]:

«...мы ...смутно представляем себе смысл и ценность труда и досуга. Система труда ради прибыли и денежного вознаграждения находится в процессе дезинтеграции. Люди стремятся достичь стабильного уровня жизни, однако, кроме этого, они хотят чувствовать, что они – полезные и важные члены общества, имеющие право понимать смысл своей работы и общества, в котором они живут».

Последняя часть высказывания вызывает желание согласиться; но наблюдения показывают, что человек сам по себе не может хотеть того, о чем он даже не задумывается, если доминирующая идеология¹⁰ направляет его в иную сторону. Манхейм сам отмечает, что социальное бытие определяет сознание. Из этого логически следует, что в обществе, идеология которого культивирует «потребительскую» функцию субъектов, трудовая функция становится второстепенной; человек работает не потому, что этим приносит пользу сообществу, к которому принадлежит, а для того, чтобы обрести возможность «потреблять», поскольку именно таким образом он становится полноценным членом этого сообщества. Это является еще одним доказательством изменения статуса института труда: человек не реализует свою социально значимую функцию посредством трудовой деятельности; он реализует ее посредством потребления. Поэтому институт труда в рыночной экономике подменяется артефактом – «институтом потребления». Этот

⁹ Манхейм имеет ввиду систему ценностей общества, т.е. идеологическую и культурную сферу.

¹⁰ Экономический детерминизм

артефакт – производная института собственности; таким образом, институт частной собственности «вытесняет» институт труда из институциональной матрицы. Но на этом процесс «вытеснения» не заканчивается.

Предположим, что в «нормальном» варианте¹¹ институциональная матрица имеет практически «плоскую» форму, в которой все четыре базисных института¹² являются равнозначными; однако по мере гипертрофированного развития института собственности матрица деформируется. По мере того, как труд превращается в товар, институт труда окончательно лишается смысла; его заменяет институт рынка. Однако функция регуляции отношений с природой, которая изначально выполнялась институтом труда, в новом варианте институциональной матрицы осталась не унаследованной ни одним из вытеснивших его институтов; формально они «распределили» эту функцию между собой, но фактически она выпала из поля зрения исследователей вместе с институтом труда.

Институт собственности, регламентирующий отношения субъектов социума при «дележе» продукта труда, «развивается» опережающими темпами; это обусловлено тем, что сама собственность как объект присвоения–отчуждения становится одновременно критерием этих отношений: больше собственность – значит, больше прав на «очередную порцию». К. Маркс по этому поводу писал¹³:

«Частная собственность сделала нас столь глупыми и односторонними, что какой-нибудь предмет является нашим лишь тогда, когда мы им обладаем, т.е. когда он существует для нас как капитал, или

¹¹ Вообще говоря, на наш взгляд, в нормальном варианте институциональной матрицы доминирующим должен быть институт труда

¹² Собственности, власти, управления и труда; базисные, поскольку определяют структуру вмененных доходов

¹³ Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. — М., 1956. — С. 592.

когда мы им непосредственно владеем, едим его, пьем, носим на своем теле, живем в нем и т.д. – одним словом, когда мы его потребляем... Поэтому на место всех физических и духовных чувств стало простое отчуждение всех этих чувств – чувство обладания».

К. Манхейм, рассматривая «систему оценок, связанную с идеей частной собственности», отмечает качественное изменение самого института собственности [89, С. 430]:

«...принцип частной собственности на средства производства подразумевает право эксплуатации большинства меньшинством. ...[он] превращается из инструмента социальной справедливости в инструмент эксплуатации».

Стоит обратить внимание на то, что процесс производства «предмета дележа» выпадает из сферы действия института собственности: здесь сфера действия институтов труда и управления. Институт собственности регулирует сферы распределения и обмена. Согласно неоклассической теории, операции обмена вполне успешно контролируются рыночным механизмом, т.е. институтом рынка (производным от института частной собственности, поскольку рыночные транзакции происходят между собственниками). А вот в отношении распределения все намного сложнее: присвоение и отчуждение – процессы, которые вряд ли когда-либо могли протекать мирно, при полном согласии сторон, не будь института, обеспечивающего принуждение одного из субъектов этих отношений. Вот тут как раз проявляется обусловленность института власти институтом собственности. Чем более институт собственности ориентирован на принудительное отчуждение, тем больше он нуждается в сильном институте власти. К. Поланьи по этому поводу рассуждал следующим образом [211; 116, С. 41]:

«Власть и экономическая система ценностей – это, поистине, парадигма социальной реальности. Ни власть, ни экономическая система ценностей не вытекают из человеческого желания этого; только коллективные действия могут справиться с этими проблемами. Функцией

власти является обеспечивать такую меру подчинения, которая нужна для выживания группы... Экономическая система ценностей в любом обществе обеспечивает полезность произведенных товаров, это печать, поставленная на разделение труда. ...Идеал, который запретит власть и принуждение обществом по своему существу недействителен. Игнорируя это ограничение по отношению к подразумеваемым желаниям человека, рыночный взгляд на общество открывает свою важнейшую незрелость».

Таким образом, «плоская» институциональная матрица «вытягивается» по вертикали, вершиной которой становится институт собственности; под ним – необходимый ему институт власти; ниже – институт управления, определяющий цель и регламентирующий процессы труда; и в самом низу, почти неразличимый ввиду его теоретического «уничтожения» и практического отчуждения – институт труда. Это и есть деформация институциональной матрицы, приводящая к энтропии социальной системы, которую отмечал К. Манхейм [89, С. 440]:

«...в массовом обществе социальные механизмы, которые должны обеспечивать посредничество и интеграцию, постоянно подавляются».

Очевидно, что социальные механизмы, обеспечивающие интеграцию – это механизмы института труда; таким образом, изменение статуса института труда, подчинение его институтам собственности и власти приводит не только к снижению социальной сплоченности, но и к подавлению механизмов, ее обеспечивающих. Очевидно, что это результат деформации институциональной матрицы, в которой дезинтегрирующие институты¹⁴ заняли доминирующее положение.

Карл Манхейм отмечает кризис института власти, связанный с системой ценностей «массового общества» [89, С. 433]:

¹⁴ Собственности и власти

«Когда нет признанной системы ценностей, то власть рассеивается, методы оправдания становятся произвольными, и никто не несет ответственности».

Здесь также следует согласиться: действительно, в рыночной системе институт власти выполняет вполне четко определенную функцию принуждения, необходимую для «нормального» функционирования института частной собственности¹⁵; все прочие функции института власти становятся «рудиментарными», а социальная ответственность — лишним, «мешающим» элементом социального сознания. Иммануэль Валлерстайн замечает, что во все эпохи [27, С. 46]:

«...универсальность государств на практике выражалась в забвении многих представителей низших слоев населения или репрессиях, проводимых против них».

С течением времени институт власти меняет формы и методы влияния, действуя уже не путем физического принуждения, но «прикрываясь» демократией; новые формы института власти все эффективнее используют не только такой мощный механизм принуждения, как закон, но и средства идеологического влияния на массовое сознание через систему ценностей, о чем Манхейм писал [89, С. 434]:

«...человек ...понял, что, сознательно направляя закон, он может оказывать влияние на перемены в обществе [и]...управлять процессом создания ценностей»

Именно это управление процессом формирования системы ценностных ориентиров, о котором говорит Манхейм, способствует деформации институциональной матрицы; так происходит «крушение» исторически первого института, породившего социум, определяющего нормы и правила взаимодействия между людьми в процессе труда и по

¹⁵ На средства производства

поводу труда. Изначально именно институт труда выполнял функцию целеполагания; в результате изменения его статуса эта функция переходит институту управления, подчиненному институту собственности и институту власти. Происходит не просто изъятие части функций, а фактическое вырождение труда в работу, что усилило процесс «выталкивания» института труда из институциональной матрицы общества. В результате матрица оказывается без «краеугольного камня»; образовавшуюся «брешь» невозможно «залатать» ни возникшими позднее институтами собственности, власти и управления, ни, тем более, артефактами – искусственно созданными институциональными «производными». Не существует и никаким образом не может возникнуть институт, который в состоянии заменить базисный системообразующий институт труда, уникальность которого обусловлена следующим.

Во-первых, в процессе труда человек находился в определенных отношениях с природой; в процессе работы этих отношений нет и быть не может, что отражается на отношении человека к природе и за пределами рабочего процесса. Регуляция отношений с природной средой, разделенная между институтами собственности, власти и управления, явно не приводит к их гармонизации: институт собственности, обеспечивающий рентные доходы собственникам природных факторов, не ограничивает этих собственников в праве разрушительного влияния на объект собственности; институт власти, функцией которого, по идее, должно быть сдерживание разрушительного влияния общества на природную среду, оказывается не способным к этому [27, С. 39–40]:

|| «С самого зарождения нынешней исторической системы
|| предприниматели–капиталисты жили за счет экстернализации издержек.
|| ...Поскольку предприниматели не занимались восстановлением экологии,

а правительства (во всем мире) не были готовы ввести достаточное для этой цели налогообложение, экологическая база мироэкономики постоянно сокращалась».

Во-вторых, в процессе труда люди вступали в отношения, связанные общей целью; в процессе работы такого единения нет. Сколько ни говори «социально-трудовые отношения», во рту слаще не станет. Рабочие связи и социальные отношения разделились; коллеги и сотрудники – это неустойчивые связи, следовательно – не отношения по определению¹⁶. Что же касается работодателя и наемного работника – о каких социально-трудовых отношениях здесь можно говорить, если труд – товар, а отношения между ними сведены к обмену¹⁷? Обмен – это рыночная операция, а не отношения. И далее между ними нет устойчивых связей: рыночная система не допускает этого; либеральная модель этих «отношений» заведомо предусматривает их краткосрочность и неустойчивость, усиливаемые растущей мобильностью рабочей силы.

Происходит методологическое стирание грани между транзакциями и отношениями; однако целостность социума обеспечивается не транзакциями, а именно отношениями как устойчиво воспроизводимыми взаимодействиями¹⁸ между субъектами; постепенное вытеснение отношений транзакциями приводит к неустойчивости

¹⁶ Отношения складываются в результате устойчиво воспроизводящихся взаимодействий; ощущение «временности» и краткосрочности взаимодействий обуславливает отсутствие отношений как системных устойчивых связей в социуме

¹⁷ Вряд ли кто-либо из работодателей согласился бы с тем, что между ним и кем-либо из его наемных работников существуют «отношения»

¹⁸ Очевидно, что транзакции не отвечают этому требованию: операции обмена устойчиво воспроизводятся на макроуровне (между макросубъектами), но на уровне индивидов постоянство партнерских взаимодействий маловероятно.

социальной системы, росту «объема принуждения»¹⁹ и возрастанию роли института власти.

Социально-трудовые отношения – это отношения, регулируемые институтом труда, не просто социальным, а социализирующим, т.е. системообразующим; рабочие отношения регулируются институтом управления. Он же выполняет функцию целеполагания, регламентации, нормирования, исключая, тем самым, главные признаки труда; институт собственности регулирует процесс отчуждения–присвоения продукта труда; институт власти принуждает работника смириться с отчуждением. Вот триада, подменившая институт труда; в таком «исполнении» институциональной матрицы он становится «лишним звеном». Итак, понадобилось три базисных института, чтобы заменить один системообразующий; при этом очевидно, что они не справляются с его функциями; при этом эта триада оказывает дезинтегрирующее влияние на социум, т.е. главная функция института труда не выполняется, так же, впрочем, как и его функция регуляции отношений с природной средой.

В-третьих, институт труда уникален в своей социальной функции: самореализация индивида – это процесс не экономический, а социальный; уникальность человеческой личности может быть реализована в процессе труда, но никак не в процессе работы, в котором любой работник легко заменяется другим работником; социальная значимость индивида заменяется экономической оценкой его «человеческого капитала» или рабочей силы. Десоциализация – непереносимое следствие вырождения института труда. Индивид

¹⁹ Здесь мы имеем в виду, что объем принудительных мер «сверху вниз» возрастает; все меньше остается реальной свободы личности, действующей по собственной воле, а не по необходимости или прямому принуждению

испытывает острое ощущение своей полной заменимости, усиливается тем, что предприниматели искусственно стимулируют безработицу, чтобы снизить расходы на оплату труда; безработица обеспечивает «гибкость» рабочей силы, вынуждает наемных работников быть «сговорчивее» в вопросе оплаты их труда [8, С. 158]:

«Капитал, некогда готовый задействовать трудовые ресурсы во все возрастающих масштабах, сегодня нервно реагирует на известия о сокращении безработицы; через своих биржевых «уполномоченных» он «вознаграждает» компании, сокращающие персонал и рабочие места».

Негативное следствие этого заключается в том, что индивид не только отторгается экономической системой, но и, ввиду доминирующей идеологии, становится «ненужным» обществу; человек, не имеющий работы, не имеет дохода; он не может реализовать свою потребительскую функцию; он теряет те неустойчивые связи с другими субъектами социума, которые обусловлены его экономической активностью; все это приводит к тому, что, как отмечает Р. Дарендорф [54, С. 14]:

«...те, кто терпит самую сильную нужду, становятся скорее апатичными, чем активными».

Что такое рыночное ценообразование, если заглянуть дальше, чем простирается сама сделка? По сути, продается овеществленный труд; под действием стихийных рыночных сил устанавливается цена труда, овеществленного в продукте; с точки зрения неоклассической теории, это стимулирует производителя снижать расходы на оплату труда, чтобы снизить себестоимость, и это провозглашается как благо для общества в целом. Однако уже сегодня, как отмечает Бауман, общество столкнулось с проблемой «излишка труда» [8, С. 158, 159]:

«...Сегодня на повестке дня стоит вопрос об искоренении привычки к постоянному, ежедневному, равномерному и регулярному труду».

...«На ежегодном заседании, проходившем в 1997 г. в Гонконге, руководство Международного валютного фонда и Всемирного банка подвергло жесткой критике проводимую во Франции и Германии политику, призванную вернуть к работе как можно больше людей. Они рассматривали эти усилия как препятствие «гибкости рынка труда».

За «издержками», которые «снижает» рыночная система, стоят живые люди; усиливается тенденция определять «стоимость» человека как вещи: сначала – на рынке труда, где оценивается его рабочая сила, затем – на рынке товаров и услуг, где оценивается его овеществленный труд. Рыночная система подчинила человека: она функционирует «рационально», выбирает только «целесообразные варианты»; отдельно взятым человеком можно пренебречь; он – бесконечно малая величина в либеральной доктрине. Иммануэль Валлерстайн формулирует свое отношение к этому следующим образом [27, С. 250–251]:

«Рациональность – сама по себе ценностно нагруженное понятие, если вообще имеет какой-то смысл, и ничто ...не может быть рациональным вне ...контекста человеческой социальной организации».

К. Поланьи формулирует определение рационального следующим образом [119, С. 64]:

«...«рациональное» не характеризует ни цель, ни средства, но, скорее, выражает соответствие средств целям. ...Следовательно, логика рационального действия применима ко всем мыслимым средствам и целям, охватывающим чуть ли не бесконечное множество человеческих интересов».

Таким образом, принцип рациональности вступает в противоречие с принципами системной интеграции социума; антисоциальное действие может рассматриваться как рациональное, если средства соответствуют цели. Здесь Поланьи раскрывает сущность одного из фундаментальных принципов неоклассической доктрины, показывая его антисоциальную суть.

Итак, в современном обществе человек перестал быть хозяином созданного им механизма; он стал рабом экономической системы, рабом

ее так называемых «объективных» законов. Напрашивается вопрос: чем лучше это новое рабство по сравнению с подчиненностью силам и законам природы, от которой человек так стремился избавиться?

Возвращаясь к «крушению» системообразующего института труда, необходимо включить в рассмотрение экономическую подсистему общества, сыгравшую свою «роковую роль» в этом процессе.

С позиции социетального подхода, свойственного экономической мысли до Джозефа Таусенда и Роберта Мальтуса, экономика рассматривалась как вспомогательная сфера общественной жизни; в частности, Адам Смит считал, что интересы купца и интересы общества противоположны, в силу чего функция государства – представлять интересы последнего. Именно Таусенд, а затем – Мальтус «инициировали» процесс выделения экономической сферы общественной жизни в нечто автономное, давящее над социумом, с чего и началась «полнокровная жизнь» принципа «laissez faire»²⁰ в его современном понимании. Следует отметить, что ни физиократы, впервые употребившие этот термин, ни Адам Смит, которому он чаще всего приписывается, не подразумевали под этим, что рынок является «сферой существования» общества, и законы его функционирования должны определять законы жизнедеятельности социума. Один из представителей направления демографического детерминизма Джозеф Таусенд²¹ первым возвел экономическую целесообразность в базовый принцип социальной организации, провозгласив автономию рынка труда; Мальтус «последовал» за ним, развив тезис о том, что автономия

²⁰ Позвольте делать – принцип невмешательства в рыночную экономику

²¹ «Исследование законов о бедных доброжелателем человечества» (1786)

экономической сферы жизнедеятельности общества утверждается якобы самой природой, т.е. не является искусственной.

У Риккардо этот подход получил дальнейшее развитие: в его понимании общество уже «поглощается» экономической системой; здесь легко заметить, как зарождаются и получают «путевку в жизнь» ошибочные представления, как ложные посылки становятся фундаментом монументальных теоретических трудов и на многие десятилетия определяют доминирующее направление научной мысли. Дж. Ю. Стиглиц пишет по этому поводу [134, С. 68]:

«Сама точка зрения, что можно отделить экономику от политики или – в более широком смысле – от общества, иллюстрирует узость взглядов».

Карл Поланьи аргументирует свои доводы против теории «экономического человека» следующим образом [116, С. 35]:

«Если бы так называемые экономические мотивы были бы естественны для человека, то мы могли бы говорить обо всех ранних и примитивных обществах, как о совершенно противоестественных».

Социетальный подход вновь получает свое развитие у К. Маркса, однако не с точки зрения общества в целом, а с точки зрения наиболее многочисленного на тот исторический момент класса – пролетариата. Маркс показал, что рыночная система не является безальтернативной; он «обнажил» природу социальных (классовых) противоречий, которые ведут к разрушению существующей²² экономической системы, будучи порождены ею же. Таким образом, Маркс показал зависимость экономической подсистемы общества от социальной, т.е. фиктивность ее автономии. В его понимании население

²² капиталистической

«...есть основа и субъект всего общественного процесса производства», и к нему следует подходить «как к богатой совокупности, с многочисленными определениями и отношениями»²³.

Специфическая особенность подхода К. Маркса заключается в представлении классовой структуры общества; можно было бы сказать, что прогрессирующее разделение труда привело сегодня к такому типу стратификации общества, когда оно представляет собой скорее конгломерат, чем двуполярную структуру. Например, Шпенглер замечает по поводу «классовой теории» Маркса [175, С. 114]:

«класс... понятие чисто хозяйственное... Сословный идеал обратился в классовый интерес. Только в Англии ...средний класс включал в себя тех, кто жил своим трудом, не будучи бедным. Высший класс был богат, не работая. Низший класс работал и был беден. В Пруссии гранью, разделявшей классы, было служебное положение... был класс чиновников, следовательно, вообще не хозяйственная единица, а функциональное единство. ...существенную особенность современной Франции составляет отсутствие настоящих классов. Нация представляет собой беспорядочную массу, из которой выделяются богатые и бедные, однако, не образуя при этом класса.

...Маркс мыслит чисто по-английски. Его система двух классов выведена из уклада жизни народа купцов... Здесь существуют только «буржуа» и «пролетарий»...»²⁴

Однако Иммануэль Валлерстайн, рассматривающий мироэкономику как новое явление, меняющее социальную реальность, замечает по поводу критиков теории классового антагонизма Маркса, что [27, С. 213]:

«Социальную поляризацию можно отрицать, лишь давая истинной буржуазии и пролетариату чересчур узкие определения».

²³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — Т. 12. — С. 726–727.

²⁴ Шпенглер вообще резко критикует теорию Маркса, утверждая, что истинный социализм может быть только немецким; Маркса он обвиняет в том, что тот проповедует смену диктатуры буржуа диктатурой пролетариата, и проявляет пренебрежение к труду.

По поводу антагонизма интересов «верхов» и «низов» он отмечает, что «на уровне мироэкономики обнищание постоянно» [там же].

При этом один из основоположников неоклассической теории Леон Вальрас, критикуя определение предмета политической экономии Жана Батиста Сая как «естественной науки», выразил следующую мысль [28, С. 9]:

«Как политическая экономия может быть одновременно наукой естественной и наукой моральной?... С одной стороны, есть наука о морали, чья цель – определить, как богатство должно быть самым справедливым образом распределено; с другой, есть естественная наука, чья цель – определить, как богатство самым естественным образом производится».

Таким образом, Вальрас проводит четкую демаркационную линию там, где провести ее невозможно даже в рамках либеральной доктрины; общепризнанным считается, что производство, распределение, обмен и потребление представляют собой единый процесс общественного производства, т.е. выделение фазы распределения как предмета отдельной («моральной») науки представляется методологически невозможным. Однако Вальрас настаивает на разделении экономической науки, права и науки о морали [28, С. 30]:

«...способ присвоения зависит от наших решений... Какой способ присвоения хорош и справедлив? ...Вот проблема собственности. Собственность – это справедливое и рациональное присвоение, присвоение законное. Присвоение – это простой безусловный факт; собственность, являющаяся фактом закона, – это право. Между фактом и правом – место теории морали.

Выбор – это результат наличия права принятия решений, а в современном мире это право все более принимает имущественную форму. Нетрудно заметить, как сужается выбор индивида при снижении его дохода; возможности влиять не только на собственную жизнь, но

также и на жизни других людей растут вместе с ростом имущественного капитала.

Выбор между «хорошо» и «плохо» возможен при существовании общепризнанных критериев; критерии определяются системой ценностей общества, т.е. идеологией. Как в рамках концепции рационально действующего индивида, максимизирующего собственную полезность, может существовать единая система ценностей, критериев «хорошего» и «плохого», если изначально интересы индивидов находятся в противоречии? «Хорошее» для одного становится «плохим» для другого; реальный выбор своего собственного «хорошо» есть у того, кто располагает полномочиями принятия решений, т.е. определенной властью.

В своих дальнейших рассуждениях Вальрас еще более «перекладывает ответственность», опираясь на лозунг субсидиарной идеологии [28, С. 15]:

«Человеческая личность... несет на себе бремя по самостоятельному достижению цели, она ответственна за исполнение своей судьбы...»

Вальрас не рассматривает при этом неравенство возможностей, обусловленное как процессом концентрации капитала, так и любыми видами дискриминации; ответственность, как известно, должна соответствовать полномочиям, а полномочия — это власть. Субъект, ограниченный в праве принятия решений, не может нести то же бремя ответственности за свою судьбу, как тот, в чьих руках сосредоточены властные полномочия.

Аргументируя свое разделение предмета политической экономии на науку о производстве и «моральную» науку о распределении богатства, Вальрас выделяет два вида отношений [28, С. 15]:

||| Надо различать, с одной стороны, ...отношения между людьми и вещами. Надо различать, с другой стороны, ...отношения между людьми».

Однако так называемые «отношения» между людьми и вещами заключаются в присвоении и отчуждении, т.е. установлении и разрыве связей, или же в распоряжении, т.е. временной связи; в принципе, любая связь человека с вещью является временной, со стороны вещи – пассивной, поэтому называть это «отношениями» представляется некорректным. Отношения могут существовать только между субъектами; эти отношения, в том числе, могут быть по поводу вещей, и регулироваться институтом собственности. В таком ракурсе вообще непонятно, как представлял себе Вальрас выделение двух вышеупомянутых видов отношений.

По мнению Вальраса, человек отличается от вещи тем, что обладает свободой воли; не раскрывая того, как может индивид противостоять институту собственности, Вальрас настаивает на доминирующей роли человека не только в производстве, но и в распределении общественного богатства [28, С. 28]:

||| «...мы никак не можем приписать естественнонаучный характер ни проблеме производства, ни проблеме распределения общественного богатства. Воля человека свободна в своем проявлении в отношении как производства, так и распределения общественного богатства. Но только во втором случае она должна руководствоваться соображениями справедливости, а в первом – соображениями интереса».

Остается невыясненным вопрос, как примирить «соображения справедливости» и «соображения интереса», если первое подразумевает общепризнанную систему ценностей, а интерес, напротив, предполагает расхождения в оценках [89, С. 439]:

||| «...борьба за достижение согласованности в оценках идет рука об руку с борьбой за социальную справедливость».

С 1968 года – в США, а позже (в 80-х годах) – в остальных странах начинает возрастать неравенство в доходах, причем не только между различными группами (слоями населения), но и внутри однородных групп, т.е. работников одного уровня квалификации, образования, возраста, пола; при этом с 1973 г. рост ВВП сопровождается снижением реальной заработной платы. Процессы, происходящие в сфере оплаты труда, никак не могут быть объяснены экономической конъюнктурой: наблюдается устойчивая тенденция снижения расходов на оплату труда, не связанная с ростом его производительности в результате технологических новаций. Вновь актуальным становится марксовский термин «люмпен-пролетариат»; растет число социальных отщепенцев, бездомных, преступников. Экономическая система не нуждается в этих «элементах» социума, которые оказываются изолированы от большинства необходимых благ и от общества [203].

Возвращаясь к определению социума и его роли в современной экономической теории, следует отметить, что доминирующим направлением научной мысли остается экономический детерминизм, рассматривающий субъектов социума как автономных («атомизированных») индивидов, имеющих только экономические мотивы и цели. В такой трактовке социальная система отсутствует вообще, поскольку из рассмотрения полностью исключаются социальные связи; без них общество просто не существует.

Кризис этого подхода, а так же современного общества, отмеченный в работах Ральфа Дарендорфа [54], Эмиля Дюркгейма [60, 61], Иммануэля Валерстайна [27, 224, 225], Карла Полаanyi [116, 117, 118, 119, 209, 210, 211], Герберта Спенсера, Энтони Гидденса [45], Зигмунта Баумана [8, 9, 10], Карла Манхейма [89], Джозефа Юджина Стиглица [134, 135, 220, 221] свидетельствует о том, что существующая

парадигма научного познания социально-экономической реальности не жизнеспособна.

В моделях неоклассиков рассматриваются рыночные транзакции, а не отношения; основные споры ведутся по поводу приоритетности таких институтов, как государство и рынок; наемные работники определяются как владельцы фактора «труд», а не субъекты социальной системы [117, С. 15]:

«Причина крайней искусственности рыночной экономики коренится в том факте, что сам процесс производства специфически организуется в ней в форме купли и продажи».

Фактически речь идет о взаимоотношениях институтов собственности и власти, а так же о развитии института управления; усилия экономистов направляются на экономический рост, эффективность и рыночное равновесие, однако, как отмечает Юджин Стиглиц [134, С. 111]:

«...отсутствие озабоченности судьбой бедных исходило не только из взглядов на рынок и государство, согласно которым рынок сам все расставит по местам, а государство будет только мешать; это было вопросом системы ценностных ориентаций, вопросом о том, насколько мы должны заботиться о бедных и кто должен нести бремя рисков».

Т.е. связь между эффективностью экономической и эффективностью социальной, к сожалению, остается проблемной областью, поскольку социальная эффективность находится вне экономической сферы и выражается не показателями роста ВВП, а степенью интеграции социума, устойчивости социальных связей. Ограниченность либерального подхода отмечает и Энтони Гидденс [45, С. 91]:

«Нельзя считать, что в обществе существует только два сектора – государство и рынок, или общественный и частный сектора. Между ними лежит сфера гражданского общества, включающая семью и иные институты, не связанные с экономикой».

По своей сути, механизм рыночной конкуренции базируется на принципе дезинтеграции; заявленный как «необходимый» с точки зрения экономического эффекта «для общества», этот механизм становится причиной «маркетинговых войн»²⁵. Дифференциация доходов и имущественная стратификация общества – также результат действия института частной собственности и закона накопления капитала; в основе – не стремление к интеграции, а стремление к прибыли.

Таким образом, либеральная доктрина фактически определяет распад социума как условие экономического роста. Действительно, одной из базовых целей социальной системы является выживание, поскольку именно эта цель объединяет всех ее субъектов. Это подразумевает защиту от внешних и внутренних угроз и удовлетворение физиологических потребностей. Таким образом, необходимым, но не достаточным условием целостности социальной системы является обеспечиваемый ею уровень безопасности субъектов. Вторым необходимым условием устойчивости является развитие.

На индивидуальном уровне развитие предполагает такие социальные отношения, которые обеспечивают потенциальную возможность для каждого субъекта улучшения своего социального статуса, условий жизни, творческой реализации. Развитие социальной системы в целом – это гармонизированное развитие большей части (желательно всех) ее субъектов, что весьма проблематично по причине неизбежного конфликта их интересов. Если часть субъектов системы улучшают свои условия жизни за счет ухудшения условий жизни других

²⁵ Р. Сингх и Ф. Котлер «Способы ведения макркетинговых военных действий в 1980-е гг.»; Эл Райс и Джек Траут «Маркетинговые войны» и т.д.

субъектов, то это означает деградацию системы. Устойчивость социальных отношений снижается в результате снижения лояльности «обделенных» субъектов, а общий уровень развития снижается в результате роста бедности и нищеты. Дифференциация доходов, ограничение доступа к образованию, услугам здравоохранения, к политической деятельности, социальным взаимодействиям – дестабилизирующие факторы социальной системы.

Туроу анализирует влияние экономической стратификации и индивидуалистической идеологии на распад базовых социальных связей, в первую очередь – института семьи, и формулирует четкий вывод, что семейным ценностям угрожает не что иное, как экономическая система [203].

Зигмунт Бауман [8, 9, 10] акцентирует внимание на специфических особенностях процессов стратификации в современном²⁶ обществе, обусловленных глобализацией; он показывает, что наиболее острую форму стратификация принимает в связи с различной пространственной мобильностью «элит» и остальной части населения [8, С. 32]:

«Элиты перемещаются в пространстве, и перемещаются быстрее, чем когда-либо; но охват и плотность сплетаемой ими паутины власти не зависит от этих перемещений. Благодаря вновь обретенной «бестелесности» власти в ее главной, финансовой форме, властители приобретают подлинную экстерриториальность, даже если физически остаются «на месте». Их власть полностью и окончательно становится «не от мира сего» – не принадлежит к физическому миру, где они строят свои тщательно охраняемые дома и офисы, которые сами по себе экстерриториальны, защищены от вторжения нежеланных соседей, отрезаны от всего, что связано с понятием «местное сообщество», недоступны тем, кто, в отличие от носителей власти, к этому сообществу привязан».

²⁶ точнее, пост-современном

В результате растущей конфликтности социальных отношений система все менее способна выполнять свои основные функции, что приводит к лавинообразному процессу нарастания напряженности социальных отношений, т.е. неустойчивости системы.

Вывод, который делает Туроу, заключается в том, что в условиях высокой мобильности капитала европейская система социального страхования не сможет продержаться долго: компаниям проще перемещаться в регионы с более дешевой рабочей силой и меньшими законодательными ограничениями в сфере трудовых отношений. Более того, он отмечает, что Европа «расплачивается» за высокий уровень оплаты труда высоким уровнем безработицы [203].

Так происходит превращение экономической реальности в социальный кошмар; однако этот кошмар воспринимается как «неизбежное зло», которое «служит во благо» экономического роста. Как отмечает И. Валлерстайн [27, С. 248]:

«Капиталистическая мирозкономика столь настойчиво следовала своей логике бесконечного накопления капитала, что стала приближаться к своему теоретическому идеалу – превращению всего и вся в товар».

Но проблема не в том, что условия экономического роста вступают в противоречие с условиями социального прогресса; на самом деле вопрос в том, что понимается под экономическим ростом.

Экономический рост можно рассматривать в двух аспектах: традиционно он измеряется чисто экономическими показателями²⁷, при этом экономическая система рассматривается автономно от социальной; более того, социальная система рассматривается как нечто вторичное, менее значимое, обязанное «подчиниться» экономическим законам и реалиям рынка. Определяемый в такой концепции экономический рост

²⁷ например, относительный прирост ВВП на душу населения

не приводит к улучшению условий жизни большинства, что, в свою очередь, способствует нагнетанию социальной напряженности [27, С. 247]:

|| «...больше людей ...отказываются терпеть основное условие капиталистического накопления – низкую оплату труда».

Рыночная система гибко реагирует на изменение покупательной способности: услуги капитала перемещаются от тех, чья покупательная способность снижается, в сторону тех, чья покупательная способность растет. Таким образом, в условиях растущей дифференциации доходов экономическая система начинает «игнорировать» (в смысле удовлетворения потребностей, как формулируют ее главную цель представители либеральной доктрины) подавляющее большинство субъектов социума.

Лестер Карл Туроу²⁸ называет распределение доходов и богатства «экономической поверхностью земли», ассоциируя ее изменения с «тектоническими движениями», которые связаны с движением «экономических плит», а кризисы – с экономическими «землетрясениями». Туроу отмечает, что не обладающие покупательной способностью индивиды в некотором вполне реальном смысле попросту не существуют [203].

Однако если переставить акценты, т.е. заменить концепцию экономического детерминизма социетальной концепцией, и социальную систему рассматривать как «заказчика», а экономическую – как «подрядчика», то экономический рост может быть зафиксирован тогда и только тогда, когда социальная система «подпишет акт приемки-сдачи», т.е. не всякий рост и не любой ценой может быть «принят» обществом.

²⁸ Lester C. Thurow The Future of Capitalism. How Today's Economic Forces Shape Tomorrow's World. — Penguin books, 1997. — 385 p.

В данном случае мы подразумеваем оценку экономического роста не показателями прироста ВВП или национального дохода, и даже не ростом потенциала экономики, а приростом социального капитала и человеческого потенциала общества [134, С. 108]:

«...статистика роста в разных странах показывает, что возможен рост без сокращения бедности, а ряд стран даже оказался успешнее в деле сокращения бедности при любом данном темпе роста, чем другие. ...В некотором смысле противопоставление бедности росту беспредметно».

Изменение «доктрины», возврат к социетальной традиции – это не эволюционный процесс; это должен быть процесс сознательно управляемый. Само по себе общество не обретет той формы социального бытия, в которой исчезнут конфликты интересов. Вот тут-то и встает вопрос о роли институтов как регуляторов социальных взаимодействий; более того, речь идет о том «скелете», на котором держится вся система институтов; о «способе мышления», формирующем общественное сознание; речь идет об институциональной матрице.

Рассматривая в качестве одной из причин кризиса современного общества кризис системы ценностей, Манхейм отмечает, что [89, С. 428]:

«...здоровая экономическая система – обязательное условие выхода из кризиса, однако этого вовсе не достаточно, поскольку есть множество других социальных условий, влияющих на процесс создания и распространения ценностей...».

Когда институциональная матрица имеет «правильную» форму, когда она сбалансирована, то все институты согласовано и устойчиво выполняют свою интегрирующую функцию, и социально-экономическая система управляется недискреционно; деформация матрицы приводит к разбалансированности системы институтов и необходимости управления

«вручную», которое никогда не будет вызывать доверие и согласие, поскольку люди [45, С. 88]:

«...не верят в способность политиков справиться с силами, определяющими развитие нашего мира».

1.2. Принципы системной интеграции социума и его структура

Социальные отношения обеспечивают определенный уровень устойчивости системы, предсказуемости ее состояний при различных поведенческих проявлениях субъектов. Гидденс пишет об устойчивости неформальных институтов (традиций), отмечая их ориентирующую функцию [45, С. 58]:

«Традиции отличаются тем, что они определяют некие истины. Человек, следующий традиционному образу действий, не задается вопросом об альтернативных вариантах. Как бы они ни менялись, традиции являются руководством к действию, как правило, не вызывающим сомнений».

Однако полностью детерминировать поведение людей невозможно, поэтому степень предсказуемости состояний социальных систем ограничена. Отсюда вытекает, что неустойчивость социальной системы является ее объективным свойством и выражается в изменении самой природы социальных отношений, в растущей неудовлетворенности субъектов своим социальным статусом и качеством жизни, что приводит к конфликтам и нарушению процедур взаимодействия, т.е. нормального функционирования системы.

Бауман отмечает, что дезинтеграция общества усиливается за счет «рационализации пространства» [8, С. 35]:

«Это дополняется и другим процессом: городские пространства, где жители из разных районов могут встречаться лицом к лицу, случайно сталкиваться, приставать друг к другу и состязаться, беседовать, ссориться, спорить или соглашаться, поднимая свои личные проблемы на уровень общественных вопросов и превращая общественные вопросы в личные заботы, ...быстро сокращаются в размерах и количестве. Те

немногие из них, что сохранились, все больше превращаются в пространства для избранных, усиливая, а не восполняя ущерб, наносимый действием дезинтеграционных сил».

Широко распространенным является определение социальных отношений как отношений по поводу условий формирования и развития личности и социума. Это определение скорее описывает предмет отношений, не затрагивая при этом даже такой важный аспект, как конечная цель, не говоря уже о фактическом результате; ведь они могут в равной степени ухудшать и улучшать эти условия. Представляется, что в подобном подходе скрыта методологическая ловушка: «плюс» и «минус» остаются «за скобками», в силу чего рассматриваются беззнаковые понятия; однако именно знак в данном случае играет решающую роль.

Рассматривая социальные конфликты с различных позиций (т.е. как «знаковые») Ральф Даррендорф формулирует следующую мысль [54, С. 42]:

«...общество означает господство, а господство значит неравенство, ...неравенство порождает конфликты, которые служат источником прогресса, в том числе расширения жизненных шансов людей»

Проблему Дарендорф [там же] видит в том, чтобы:

«...обуздать господство так, чтобы добиться оптимальных жизненных шансов ...предметом дискуссии становятся сами правила игры, которым должны следовать власть и общество»

Принимая во внимание, что социальная система является диссипативной и обладает свойством эмерджентности, а социальная динамика является процессом ее самоорганизации и развития в условиях диалектического единства разнонаправленных процессов (явлений) микроуровня, может сложиться мнение, что любое сознательное вмешательство в социальную реальность лишено смысла, поскольку не может привести к планируемым результатам. Однако наличие

институциональной системы как встроенного «регулятора» социальных процессов является свидетельством того, что социальная реальность не столь уж стихийна, а «социальный организм» обладает «разумом», развитие которого связано с диалектикой структуры институциональной матрицы. Диалектическое единство противоположных по своей функции (интеграции или дезинтеграции) базисных институтов является условием развития, исключая застой и деградацию системы. Однако законы диалектики диктуют необходимость равнозначных полярных сил, т.е. любое нарушение принципа равновесия между интегрирующими и дезинтегрирующими базисными институтами будет приводить к нарушению принципов целостности и саморазвития системы. Таким образом, социальная система является саморазвивающейся при условии единства и борьбы противоположностей, и базисные институты труда, собственности, власти и управления должны образовывать сбалансированное институциональное пространство, в котором тенденции интеграции и дезинтеграции обеспечивают целостность и развитие. В этом смысле деформация пропорций базисных институтов неизбежно приводит к нарушению этих принципов [89, С. 146]:

«Государство», «договор», «институционализация», «свобода», «обязанность», «власть» и т.д. — это комплексы, которые должны быть подвергнуты в своем конкретном функционировании тщательному наблюдению и переосмыслению как экспоненты сил или их взаимодействие».

При этом социальная система является системой разумных элементов, способных к самопознанию, что означает — хотя бы теоретически — возможность консенсуса в вопросах управления социальной реальностью [27, С. 48]:

«Время хаоса представляет собой кажущийся парадокс, поскольку оно наиболее чувствительно к сознательному вмешательству людей. Именно в периоды хаоса, а не во времена относительного порядка

|| (относительно определенного порядка) вмешательство людей приводит к наиболее значительным изменениям».

Если рассматривать социальную систему с точки зрения синергетики, то есть принять за основу, что хаос выступает необходимой фазой спонтанно возникающего порядка, то человека следует рассматривать как пассивный элемент, не способный сознательно влиять на протекание процессов самоорганизации социума. Тогда и роль науки сводится к наблюдению и констатации фактов. Но вся история человечества является свидетельством присущего людям творческого начала не только в отношении природы, но и в отношении самоорганизации, или в «искусстве ассоциации», как это называет А. Токвилль [139].

Исходя из этого, принципы системной интеграции социума следует рассматривать как осознанно формулируемые параметры самоорганизации. В этом смысле их следует разделить на три группы: базовые безальтернативные принципы, действие которых является необходимым условием существования социальной системы, вторичные, отличающиеся тем, что они представляют собой пары альтернативных вариантов²⁹, и связующие, обеспечивающие соответствие вторичных принципов базовым.

Как социальный организм, общество формируется, развивается и функционирует в соответствии с определенными принципами системности, среди которых принципы целостности, развития и конечной цели³⁰ являются базовыми, поскольку соблюдение этих принципов гарантирует сам факт существования социума как

²⁹ Теоретически это могут быть не пары, а тройки, четверки и т.д.

³⁰ под конечной целью здесь подразумевается человек, его развитие и самопознание, достижение определенной гармонии с окружающей природной средой и в отношениях между людьми

динамичной неравновесной системы активных элементов. Принцип развития неотделим как от принципа конечной цели, так и от принципа целостности, поскольку развитие предполагает не только четко заданное направление, но и устойчивость внутренних связей при различных трансформациях формы. С другой стороны, условием целостности является наличие упорядоченной динамики, т.е. динамики, имеющей доминирующий вектор; это означает необходимость выполнения принципов развития и конечной цели. Аналогично, принцип конечной цели может выполняться только для целостной развивающейся системы. Таким образом, три вышеназванных принципа системной интеграции социума являются взаимнообусловленными, взаимодополняющими и системообразующими. Строгая необходимость их соблюдения позволяет рассматривать их как базовые принципы системной интеграции. Причина нарушения базовых принципов системной интеграции социума заключается в разбалансированности институциональной среды, вызванной нарушением пропорций в институциональной матрице [89, С. 440]:

|| «...в массовом обществе социальные механизмы, которые должны обеспечивать посредничество и интеграцию, постоянно подавляются».

Вариация вторичных принципов обуславливает многообразие форм социальной реальности. Их точнее было бы назвать принципами социального действия, поскольку они реализуются в институциональных подсистемах, управляющих социальными процессами.

Принципы централизации или децентрализации, демократии или авторитарности, элитарности или эгалитарности – это пары альтернативных принципов, определяющих формы и способы системной интеграции, институциональные критерии, ценности и нормы. Эти

принципы не имеют системообразующего характера. Однако в результате длительного доминирования тех или иных вторичных принципов институциональная среда становится «вязкой», не динамичной, в результате чего нарушается принцип развития и могут усиливаться тенденции дезинтеграции.

К базовым принципам системной интеграции социума следует отнести также принцип обратной связи: индивид не может быть пассивным элементом социальной системы, не утрачивая при этом свойство принадлежности; при этом активные элементы социальной системы характеризуются уровнем гражданской активности, снижение которого является одним из симптомов возрастания энтропии. Нарушение принципа обратной связи может стать следствием доминирования вторичного принципа элитарности, которое приводит к необратимым последствиям, описываемым Бауманом [8, С. 37]:

«Крепости», возводимые элитой, и «самозащита через агрессию» со стороны тех, кто остался за их стенами, оказывают взаимоусиливающее воздействие, точно предсказанное Грегори Бейтсоном в его теории «схизмогенетических цепей». Согласно этой теоретической модели, вероятность появления расколов и их развития до степени необратимости увеличивается, если возникает положение, при котором «поведение типа X, Y, Z – это стандартный ответ на X, Y, Z... тогда каждая группа втянет другую в чрезмерное следование модели, процесс, который, если его не остановить, может привести лишь к все более и более экстремальному соперничеству, а в конечном итоге – к враждебности и крушению всей системы».

Многообразие точек зрения в отношении тех или иных вторичных принципов системной интеграции социума является движущей силой развития форм социальной реальности; так реализуется принцип диалектики (развития). При этом соблюдение базовых принципов целостности и развития обеспечивается балансом интегрирующих и дезинтегрирующих элементов институциональной матрицы, представленных полярной парой: институтами труда и собственности.

Институты власти и управления являются компенсирующими и связующими элементами институциональной матрицы, функцией которых является обеспечение необходимых пропорций (баланса сил) между ее «полюсами». Если эти компенсаторные связующие институты не выполняют своей функции, то в системе начинают преобладать тенденции застоя (нарушается принцип развития) или тенденции распада (нарушается принцип целостности).

Проблемы самоорганизации современного общества рассматривались и рассматриваются многими выдающимися учеными. Так, рассуждая о двух принципах социальной организации³¹, Манхейм рассматривает свободу в аспекте уклонения от влияния планирующей системы (центра); при этом эффективность планирования зависит от масштабов регулируемого объекта [89, С. 404]:

«С социологической точки зрения, свобода есть не что иное, как диспропорция между ростом радиуса организуемого центром механизма воздействия, с одной стороны, и увеличением групповой единицы, являющейся объектом воздействия, – с другой».

При этом Манхейм рассматривает планирование как способ самоорганизации современных обществ [89, С. 417]:

«...не всякое планирование – зло. Мы должны различать планирование ради подчинения, и ради свободы и многообразия».

В отношении такого вторичного принципа системной интеграции социума, как демократия, Энтони Гидденс замечает [45, С. 85–86]:

«Парадокс демократии³² заключается в том, что, пока она... распространяется по всему миру, в зрелых демократических государствах... растет разочарование в демократических процессах».

³¹ рыночной саморегуляции и планирования

³² «демократия – это система, связанная с реальным соревнованием политических партий в борьбе за власть» [45, С. 82].

Лестер Туроу, рассматривая развитие идеологического конфликта между эгалитарными принципами демократии и неэгалитарными принципами капитализма, отмечает тот факт, что капитализм базируется на собственной идеологии, без которой экономический рост был бы бессмысленен – идеологии, которая корысть рассматривает как добродетель [203].

Манхейм рассматривает проблему социальной реальности с точки зрения соблюдения принципа индивидуализма так [89, С. 36]:

«Общество, не способное при данном уровне разделения труда и дифференциации функций предоставить каждому индивиду проблемы и сферы деятельности, необходимые для развития его инициативы и формирования его суждения, также не может достичь действительно индивидуалистического и рационалистического мировоззрения, способного на определенном этапе превратиться в эффективную социальную реальность».

Однако «эффективная» социальная реальность – это, скорее всего, такая степень общности интересов, целей и ценностных установок, при которой достигается наивысшая степень целостности социума. Это означает, в первую очередь, наличие общепризнанных норм, которые управляют «социальной реальностью»; в противном случае ее «эффективность» всегда будет оцениваться в различных системах критериев, что признает и сам Манхейм [89, С. 433]:

«Когда нет признанной системы ценностей, то власть рассеивается, методы оправдания становятся произвольными, и никто не несет ответственности. Сосредоточение власти и распределение различных степеней ответственности между должностными лицами – предварительное условие функционирования общественной жизни».

Тогда индивидуализм как принцип социального действия должен быть ограничен социальными рамками, т.е. институционально; здесь уже возникает необходимость в таком связующем принципе, как социальная ответственность, который будет рассмотрен далее.

Так, в «демократическом» обществе равенство прав при неравенстве возможностей приводит к разбалансированности институциональной среды в значительно большей степени, чем в обществе, где имущественные права соответствуют гражданскому статусу индивида [54, С. 54]:

«В старом мире границы прав образовали кажущуюся неизменной структуру неравенства».

Валентей С.Д. и Нестеров Л.И. полагают, что проблема заключается в диффузии форм мышления и опыта за счет устранения изоляции между слоями общества [26, С. 63]:

«...многовариантность и социализация – это базовые основополагающие факторы истории человечества, в которой укрупненно можно выделить два этапа. В рамках первого общественное развитие определяли эволюция и взаимодействие двух практически обособленно развивавшихся типов цивилизаций – общинной и гражданской. Второй этап связан с формированием современного общества, в рамках которого наметилась интеграция ряда институтов двух упомянутых типов цивилизации.

...решительное изменение происходит тогда, когда ...возникает коммуникация между изолированными ранее слоями общества и начинает действовать социальная циркуляция. ...развивавшиеся до сих пор независимо друг от друга формы мышления и опыта проникают в одно и то же сознание и заставляют интеллект обнаружить непримиримость противоречивых концепций мира».

В результате «демократизации» общества имущественное неравенство воспринимается значительно острее, поскольку противоречит самой идее равенства в плане спектра возможностей, которыми располагает индивид для осуществления своего права выбора, т.е. нарушается принцип социальной справедливости, о котором пишет Манхейм [89, С. 430]:

«...при переходе от более простых условий к более сложным ...принцип частной собственности ...превращается из инструмента социальной справедливости в инструмент эксплуатации. ...необходима полная реформа этого понятия, если мы хотим воплотить в жизнь ...господство социальной справедливости».

Дарендорф также рассматривает права как социальный феномен, которому противостоит экономическая реальность в виде имущественных прав [54, С. 23, 24]:

«Права не являются ни благом, ни злом – это социально определенное средство доступа... На другом конце шкалы прочности права создаются реальной заработной платой (деньги, впрочем, вообще имеют характер права).

...слово «выбор» может означать как сам акт выбора..., так и предоставляемые на выбор предметы.... Обеспечение прав – это выбор только в последнем смысле. Иными словами, это существующий на данном поле деятельности веер альтернативных возможностей».

Учитывая определенный таким образом двойственный характер прав в современном обществе, можно сделать вывод о фактическом доминировании прав в экономическом смысле [54, С. 56, 58]:

«Демократия и благосостояние – две разные вещи, как обнаруживали с прискорбием все страны на своем пути к свободе».

«Пока каждый человек не может жить свободной от элементарной нужды и страха жизнью, конституционные права остаются пустым обещанием, и даже хуже – циничной уловкой, скрывающей фактическую защиту привилегий».

В результате имущественного неравенства демократические «свободы» на деле оборачиваются диктатом со стороны тех, кто обладает большим спектром возможностей, в том числе – использования социальных технологий для обеспечения своего господства [89, С. 415]:

«...происшедший в недалеком прошлом переход от демократической формы правления к тоталитарной объясняется не столько изменением идей в умах человечества, сколько изменением самих принципов и методов управления обществом. ... Характер социальной технологии³³ для общества даже более важен, нежели его экономическая структура или социальная стратификация. С ее помощью можно затормозить или изменить функционирование экономической системы, разрушить одни социальные классы и поставить на их место

³³ «Под социальной технологией я понимаю совокупность методов, оказывающих влияние на поведение человека и служащих в руках правительства сильным средством социального контроля». [89, С. 414]

|| другие. ... Главная особенность современной технологии состоит в том, что в ней содержится тенденция к усилению централизации и, следовательно, к укреплению власти меньшинства и диктатуре».

Что же касается «демократических свобод», то Валлерстайн рассматривает их как «подкуп», который утратил смысл с крушением социалистического блока, в результате чего насилие становится единственным средством удержания господства [27, С. 225]:

|| «Подлинный смысл краха коммунистических режимов – в окончательном крахе либерализма как идеологии-гегемона... В эту эпоху единственным эффективным оружием господствующих сил становится насилие».

Итак, современное общество характеризуется обострившимся противоречием между расширением гражданских прав и свобод и сокращением реальных возможностей выбора за счет имущественного неравенства [54, С. 45]:

|| «Два порога социального изменения... – от традиционной иерархии сословного или кастового общества к открытому расслоению современных обществ... Между этими моментами лежит долгая фаза, когда темой социального изменения служат гражданские права, а инструментом – классовая борьба. ...Источником классового конфликта служат структуры господства, которые больше не имеют абсолютного характера традиционной иерархии. Тема его – жизненные шансы».

Это приводит к поляризации общества в плане социальной и информационной мобильности, обесценивающей демократические свободы и гражданские права, о которой пишет Бауман [8, С. 24, 35]:

|| ...«реальность границ», как правило, была классово обусловленным явлением: в прошлом, как и сегодня, элита – богачи и власть предержащие – всегда отличалась большим космополитизмом, чем остальное население стран, где они проживали; во все времена они стремились к созданию собственной культуры, не признававшей границ, столь прочных для простолюдинов...»

|| «Экстерриториальность элит обеспечивается самым что ни на есть материальным способом – их физической недоступностью для всех, кто не обладает входным пропуском».

К. Поланьи, рассматривая рыночную экономику не только как способ организации хозяйства, но и как специфический уклад общественной жизни, отмечает следующее [119, С. 39]:

«Только потому, что рынку было позволено перемалывать человеческую ткань в нечто, разъеденное эрозией и бесформенно единообразием, институциональная активность человека оказалась в состоянии неопределенности и бездействия».

Все это свидетельствует о наличии серьезной проблемы системного характера, суть которой заключается в пропорциях и связях социальной и экономической реальности, составляющих предметную область анализа. Исходя из того, что общество не является порождением экономической сферы, а, напротив, его существование является *conditio sine qua non*³⁴ для нее, необходимо сформулировать четкое определение социальной системы для корректного понимания целого ряда явлений социально-экономической реальности в их взаимосвязи и диалектическом единстве.

Толкотт Парсонс [110, 109, 112, 111] рассматривает социальную систему как одну из первичных подсистем системы человеческого действия наряду с такими подсистемами, как организм, личность индивида и культурная система; она является интегративной подсистемой действия в целом, а остальные – культурная система, система личности и поведенческого организма – составляют главные ее окружающие среды. Общество Парсонс трактует как социальную систему самого высокого уровня самодостаточности по отношению к своему окружению [112]. Социетальная общность в его понимании создается структурированной нормативной системой порядка (т.е. институциональной средой, которую Парсонс рассматривает как ядро

³⁴ неперенным условием

общества), а также набором статусов, прав и обязанностей, соответствующих членству в подгруппе. Таким образом, в отличие от традиционного понимания общества, в парадигме Парсонса индивиды являются не его элементами, а его окружением (внешней средой). Представляется необоснованным предположение, что общество представляет собой самодостаточный по отношению к отдельно взятой личности тип социальной системы, а индивиды являются элементами «органической физической среды», связанными с социетальной системой общества через экономику как систему удовлетворения потребностей. Парсонс противоречит сам себе, поскольку утверждает далее [112], что общество должно иметь адекватный уровень интеграции (солидарности), что подразумевает включение тех самых индивидов, которых он оставил «вне» социума.

Итак, очевидно, что сам факт существования экономической системы является следствием существования социальной, целостность которой обусловлена тем, что Эмиль Дюркгейм называл «солидарностью». Первым сформулировавший «диагноз» современного демократического общества – «аномия», Дюркгейм выделял два типа социальной солидарности: механическую и органическую [60]. Согласно его теории, механическая солидарность, свойственная архаическим обществам, подразумевает поглощение индивида социумом за счет идентичности субъектов и их социальных функций, в то время, как органическая, основанная на разделении труда, предполагает дифференциацию функций и отделение индивидуального от общественного; здесь интеграция социума обеспечивается органической взаимосвязью субъектов в процессе общественного производства. Дюркгейм опровергает тезис о том, что коллективное сознание растет вместе с индивидуальным; он утверждает, что первое возрастает за счет

убывания последнего, и этот процесс необратим. Если механическая солидарность основана на сходстве, то органическая – на различиях, что обуславливает перманентно возрастающую подвижность («пластичность») общества как социального организма [60].

В таком подходе понятие органической и механической солидарности прямо противоположно тому, что нам представляется таковым. На самом деле, если рассматривать органическое соединение элементов как естественное, добровольное, обусловленное неким внешним фактором (в нашем случае – средой обитания), а механическую – как осознанно осуществляемую изнутри в соответствии с действующим надличностным принципом организации системы, то получается, что общины были общественными организмами, в то время как современное общество таковым не является, а скорее представляет собой механически организованную систему активных элементов; их интересы не совпадают, в силу чего органического соединения быть не может; целостность обеспечивается за счет механического соединения этих элементов в процессе общественного производства. Поскольку современный индивид, в отличие от члена первобытной общины, не осознает и не разделяет конечной цели функционирования системы и своей роли в этом процессе, он не интегрируется в систему сознательно и добровольно, а вынужден принять ту роль и функции, которые ему навязаны довлеющей над ним системой отношений и институтов. Если в общине человек «целиком» включался в социальный организм, то в массовом обществе он скорее рассматривается как механический элемент (его отчужденные функции и потребности); его индивидуальность не интегрирована в социум, она остается, так сказать, «свободной»; принцип индивидуализма разрушает социальный организм, образуя суррогатный заменитель – механически

организованную систему субъектов, описываемых поведенческими функциями, функциями предпочтений и т.д.

В данном исследовании социальная система рассматривается как совокупность субъектов³⁵, связанных социальными отношениями, т.е. отношениями, ограниченными рамками социальных институтов. Из этого определения вытекает, что основными элементами социальной системы являются индивидуальные и групповые субъекты (отдельные люди, группы, сообщества), а системность обеспечивается устойчивыми отношениями между ними. Действительно, если бы отношения имели неустойчивый характер, то совокупность субъектов не представляла бы собой систему, поскольку ее элементы не имели бы связей. Итак, совокупность субъектов становится системой при наличии устойчивых отношений (связей) между ними. Устойчивость отношений обеспечивается институтами, представляющими собой нормы и правила поведения субъектов, принятые формы взаимодействий между ними, механизмы, обеспечивающие соблюдение субъектами установленных институциональных рамок.

Основой социальной системы является демографическая система. Физический объем демографической системы характеризуется показателями естественной динамики, такими как численность населения, рождаемость и смертность, продолжительность жизни, миграции. Структура демографической системы описывается такими основными пропорциями, как половозрастной состав, территориальное рассредоточение населения, структура населения по роду занятий и уровню дохода. Качественными характеристиками демографической

³⁵ Субъект – носитель предметно-практической деятельности и познания (индивид или соц. группа); источник активности, направленной на объект

системы являются состояние здоровья, уровень образования, экономическая активность населения.

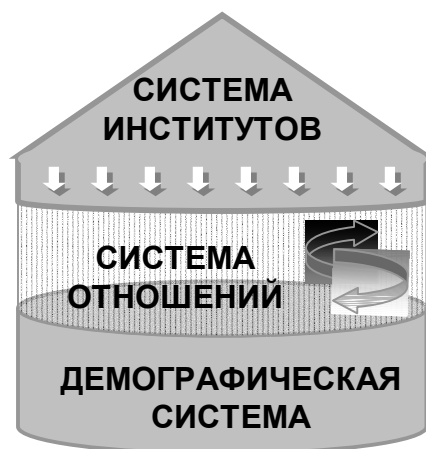

Рис. 1.1. Социальная система

Субъект по определению активен, т.е. осуществляет предметно-практическую деятельность, направленную на некий объект. В зависимости от количества единичных субъектов, принимающих участие в этом процессе, деятельность может быть индивидуальной (вся последовательность действий выполняется одним человеком) или групповой (отдельные действия выполняются различными людьми, но все действия согласованы).

Групповая деятельность подразумевает взаимодействия, в результате которых возникают отношения. Взаимодействия могут иметь дискретный и даже случайный характер, и тогда отношения между взаимодействующими субъектами неустойчивы; если же взаимодействия устойчиво повторяются, то роли и статусы субъектов этих отношений становятся детерминированными, а их поведение закрепляется в определенных «правилах игры».

Устойчиво повторяющиеся взаимодействия между несколькими единичными субъектами приводят к формированию отношений внутри

группы, распределению ролей между единичными субъектами группы, определению набора правил, регулирующих отношения между ними, и процедур, в соответствии с которыми осуществляется деятельность группы как коллективного субъекта. Таким образом, именно предметно-практическая деятельность – неотъемлемый атрибут субъекта – является необходимой основой формирования социальных отношений и социальных институтов.

Итак, устойчивые взаимодействия между субъектами социальной системы по поводу совместной деятельности, направленной на улучшение условий жизни, обеспечение безопасности и развития субъектов и системы в целом, базирующиеся на восприятии каждым субъектом себя как элемента системы, приводят к формированию социальных отношений. Заметим, что в этом определении в явном виде присутствуют базовые принципы системной интеграции социума: принцип конечной цели, принцип развития, принцип целостности и обратной связи; это означает, что социальные отношения – это отношения, формирующиеся при условии соблюдения базовых принципов системной интеграции.

Принцип социальной ответственности является связующим принципом системной интеграции, поскольку обеспечивает выполнение базовых принципов при различных комбинациях вторичных. Этот принцип системной интеграции не имеет парной альтернативы; однако помимо него к связующим принципам интеграции относится принцип социального контроля³⁶. Очевидно, что эти два связующих принципа

³⁶ привычнее звучит «механизм социального контроля»; введение его в качестве связующего принципа может показаться несколько искусственным, однако без него не обеспечивается полнота системы принципов, поскольку сам по себе механизм социального контроля возникнуть не может: он обеспечивает выполнение определенных «правил игры», т.е. необходимо сначала сформулировать эти правила в виде принципа

являются взаимодополняющими, а не альтернативными; и тот, и другой предполагают формирование соответствующих институтов, обеспечивающих нормативные рамки поведения субъектов на основе системы критериев, проистекающих из базовых принципов. Т.е. выполнение базовых принципов – целостности, развития, конечной цели и обратной связи – обеспечивается при различных комбинациях вторичных принципов системной интеграции только в случае институционально оформленных связующих принципов социальной ответственности и социального контроля. Результат нарушения базовых принципов системной интеграции социума достаточно емко описывает Валлерстайн [27, С. 248]:

«...озабоченность преступностью, озабоченность немотивированным насилием, озабоченность невозможностью добиться справедливости в судебной системе, озабоченность грубостью и жестокостью полиции – все это многократно умножилось в последние 10–15 лет. ...это форма хаоса в системе, вызванная истощением механизмов безопасности ...в связи с тем, что противоречия системы подошли к рубежу, где ни один из механизмов, предназначенных восстанавливать нормальное функционирование системы, не может далее работать эффективно».

1.3. Социальный контроль как принцип системной интеграции

Социальный характер поведения субъекта означает осознание им своей принадлежности социуму, невозможности выживания вне него, т.е. определенный уровень социальной ответственности [119, С. 34]:

«Аристотель был прав: человек – это не экономическое, а социальное существо. Его цель – это не охрана своих индивидуальных интересов в приобретении материальных владений, это, скорее, обеспечение доброй социальной воли, социального статуса, социальных достояний. Его стимулы носят «смешанный» характер, который мы ассоциируем со стремлением заручиться социальным одобрением – производственные усилия являются не более чем сопутствующими этому. Экономика человека, как правило, является погруженной в его

социальные отношения. Связанные с этим изменения в обществе, которое, наоборот, являлось погруженным в экономическую систему, было совершенно новым направлением развития».

При этом связующий принцип социальной ответственности обеспечивает соблюдение базовых принципов системной интеграции на микроуровне, где действуют вторичные принципы и производные институциональные подсистемы.

28 октября 2010 г. был опубликован Международный стандарт ISO 26000:2010 «Руководство по социальной ответственности», который представляет руководство по основным проблемам, касающимся социальной ответственности, и способам интеграции социально ответственного поведения в стратегии, системы, практики и процессы организации. Этот международный стандарт определяет ряд условий (принципов), определяющих социально ответственное поведение: подотчетность, прозрачность, этичность, уважение интересов сторон, верховенство закона, соблюдение международных норм и прав человека³⁷.

SA 8000 (Social Accountability 8000) – стандарт для оценки социальных аспектов систем управления. В основу этого универсального стандарта положены несколько конвенций Международной организации труда, Конвенция Организации Объединенных Наций по правам ребенка и Всемирная декларация прав человека, созданный компанией Social Accountability International, миссия которой состоит в продвижении прав человека для работников во всем мире..

Первостепенное значение связующий принцип социальной ответственности приобретает в институциональных подсистемах, порожденных базисными институтами собственности и власти. Экономическая подсистема сама по себе не имеет встроенных механизмов и институтов, обеспечивающих выполнение базовых принципов интеграции социума; напротив, ей свойственно порождать дезинтегрирующие процессы [27, С. 30]:

«...динамика развития на протяжении ближайшей половины столетия или около того, возможно, в гораздо большей степени чревата новыми чертами великого мирового хаоса... Капиталистическая

³⁷ http://www.iso.org/iso/iso_catalogue/management_standards/social_responsibility.htm

|| мирозкономика представляет собой систему иерархического неравенства распределения».

Институт власти, точнее – производная институциональная подсистема, при отсутствии механизма социального контроля имеет тенденцию генерировать избыточные полномочия принятия решений [54, С. 83]:

|| «Контроль над властью требует, помимо парламентской процедуры, наличия правовых и иных механизмов проверки решений, в том числе административных актов».

Юджин Стиглиц в своей работе «Экономика государственного сектора» так характеризует причины несостоятельности института государственной власти в плане регулирования процессов жизнедеятельности общества [135, С. 14]:

|| «Существуют четыре основные причины систематической несостоятельности государства в достижении поставленных целей: его недостаточная информированность, ограниченный контроль над реакцией частного сектора на его деятельность, слабый контроль над бюрократией и, наконец, ограничения, налагаемые политическими процессами».

Именно эта систематическая несостоятельность института государственной власти в сочетании с дезинтегрирующей ролью экономической сферы общества обуславливает необходимость корректирующей институциональной подсистемы, обеспечивающей недискреционное управление социально-экономической реальностью; речь идет о тех связующих принципах системной интеграции, которые соблюдаются в процессах принятия решений и, будучи воплощенными в соответствующей институциональной форме, детерминируют поведение субъектов социальных отношений.

Итак, отношения имеют социальный характер постольку, поскольку соблюдаются базовые принципы системной интеграции, однако интересы отдельного субъекта не идентичны интересам социума в целом, т.к. социум неоднороден. В общей формулировке анти-

социальное (деструктивное) поведение индивида можно определить как поведение, противоречащее базовым принципам системной интеграции социума. При этом не всякое антисоциальное поведение вызывает соответствующую реакцию со стороны общества именно в силу отсутствия четкого институционального оформления этих принципов: существующий механизм социального контроля ограничивается конкретным спектром поведенческих параметров, которые рассматриваются как угроза обществу или его членам. В частности, девиантное поведение не влечет уголовного наказания, поэтому его проявления достаточно часто встречаются в современных обществах. И наиболее опасным в этом смысле является поведение представителей крупного бизнеса, рассматривающих общество как пассивную среду реализации собственных интересов [54, С. 30]:

«Нет границ ни богатству богатых, ни их цинизму по отношению к бедным. Даже от прекрасно задуманных проектов Всемирного банка выигрывают, как правило, имущие, отчасти вследствие коррупции, отчасти потому, что только они могут этими проектами воспользоваться, тогда как положение неимущих не меняется. Если не сломаны традиционные структуры прав и не создано гражданское общество, макроэкономический рост для многих людей мало что значит, как бы ни радовала Международный валютный фонд глобальная статистика».

В большей части стран мирового сообщества, включая Украину, механизм социального контроля неразвит, его функции не распространяются на сферу деятельности крупного капитала. Не менее критичным с точки зрения соблюдения базовых принципов системной интеграции является отсутствие механизма социального контроля сферы государственной власти. Бауман отмечает, что мобильность капитала [8, С. 20]:

«означает ...поистине беспрецедентное в своей радикальной безоговорочности отделение власти от обязательств».

Итак, для идентификации анти-социального поведения и обеспечения безопасности социальной системы формируются формальные и неформальные институты – наборы правил, норм, процедур и т.д., а так же механизмов, обеспечивающих соблюдение субъектами социума этих норм, правил и процедур. Таким образом, с одной стороны, институты являются производными от отношений, поскольку закрепляют сложившиеся нормы взаимодействий и привычный образ действий, а с другой стороны, система социальных институтов представляет собой корректирующий механизм, а сами институты – «встроенные регуляторы» социальных отношений. Главной функцией социальных институтов является обеспечение безопасности (устойчивости) социальной системы за счет ограничения отношений между ее субъектами определенными рамками в интересах социума.

Отсюда вытекает неизбежное ограничение свободы индивида. «Кристаллическая решетка» социума формируется путем связывания отдельных «атомов» (субъектов), а количество таких связей определяет «степени свободы» субъекта. Свобода определяется объемом контроля, т.е. институтами власти и управления.

Очевидно, что чем выше «степень свободы» активного элемента системы, тем большую потенциальную угрозу он представляет для социума, поскольку слабо контролируемый субъект имеет возможность действовать в своих интересах, противоречащих базовым принципам системной интеграции социума. В действительности объем контроля в социуме распределяется обратно пропорционально объему полномочий принятия решений [8]. При этом меняются сами формы контроля: экономический контроль становится доминирующим, всеобъемлющим; он пронизывает структуру социального организма как раковая опухоль, постепенно уничтожая его изнутри, разрушая социальные связи путем

подмены их экономическими отношениями, которые регулируются институтом собственности [89, С. 436–437]:

«...должно существовать нечто, своего рода третий путь, проходящий между тоталитарной регламентацией, с одной стороны, и полной дезинтеграцией системы ценностей, характерной для стадии *laissez-faire*, – с другой. Этот третий путь ...состоит в нахождении новых путей для освобождения ...социального контроля от разрушительных последствий массового общества».

Как социальный организм общество является «здоровым» до тех пор, пока действие социальных институтов ограничивает оппортунистическое поведение отдельных субъектов.

Таким образом, принцип социального контроля должен рассматриваться как связующий принцип системной интеграции общества, обеспечивающий определенный уровень безопасности системы; он обеспечивает соблюдение базовых принципов и не имеет парной альтернативы, как вторичные принципы.

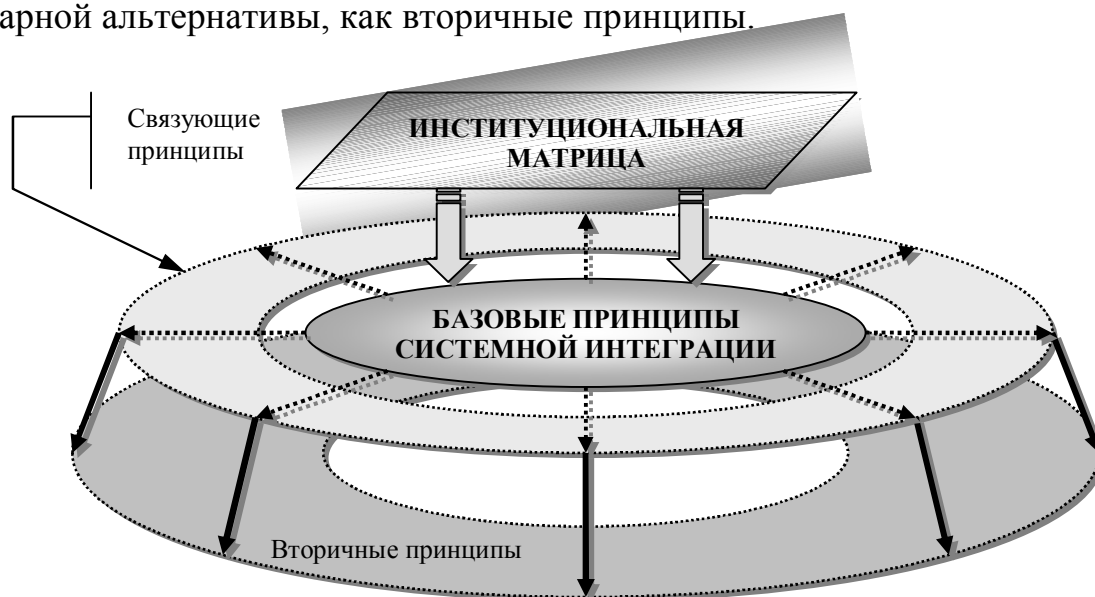

Рис. 1.2. Иерархия принципов системной интеграции социума

Как уже говорилось, он осуществляет связь между базовыми и вторичными принципами в том смысле, что институционально оформленный социальный контроль является достаточным условием

выполнения базовых принципов системной интеграции при различных комбинациях вторичных принципов.

Социальная ответственность и социальный контроль представляют собой те принципы системной интеграции, которые могут быть непосредственно реализованы в форме институтов (в отличие от базовых и вторичных принципов). Вторичные принципы порождают соответствующие институциональные подсистемы, в рамках которых они реализуются (причем для одного и того же варианта вторичного принципа реализующие его институциональные подсистемы могут существенно различаться в разных странах), однако непосредственно сами вторичные принципы не выступают в институциональной форме. Базовые принципы вообще реализуются (или нарушаются) на уровне институциональной матрицы, т.е. их соблюдение зависит от ее конфигурации.

Таким образом, связующие принципы необходимо приводят к образованию корректирующей институциональной подсистемы, обеспечивающей выполнение базовых принципов системной интеграции; формирование такой подсистемы³⁸ требует сбалансированности институциональной матрицы.

Отсутствие социального контроля чревато формированием неформальных негативных институтов – принятых в определенных кругах «правил игры», противоречащих интересам социума. В наиболее опасной форме такие институты проявляются тогда, когда они оказываются «встроенными» в институты власти и управления; в этом случае происходит подмена целей социальной системы целями отдельных групп или кланов.

³⁸ институтов социальной ответственности и социального контроля

Логично предположить, что чем больше влияние субъекта на развитие общества в целом, тем меньше должна быть степень его свободы, т.е. больше объем социального контроля и социальной ответственности [54, С. 143]:

«Есть только одна свобода, как бы многообразны ни были варианты ее выражения в реальных обществах. ...Решающая роль принадлежит институтам, позволяющим делать то, что представляется необходимым в данной конкретной ситуации, и прекращать эти действия, если большинство их больше не желает».

В случае, когда социальная организация строится по противоположному принципу, возникает мощный фактор неустойчивости, обусловленный высокой степенью вероятности формирования негативных неформальных институтов, обеспечивающих не просто доминирование частных интересов над общественными, но их разрушительное влияние на социальную систему в целом.

Проблему отсутствия контроля, «безграничной» власти «элит», обусловленной техническим прогрессом и приводящей к совершенно новому типу стратификации современного общества, рассматривает в своих работах Бауман [8, С. 28, 38]:

«...тесно спаянные сообщества» прошлого... возникли и существовали благодаря разрыву между почти мгновенной связью внутри небольшого сообщества... и громадным временем и расходами, необходимыми для передачи информации от одного сообщества к другому. ...хрупкость и недолговечность сегодняшних сообществ связана, прежде всего, с сокращением или полным исчезновением этого разрыва: связь внутри сообщества не имеет никаких преимуществ над обменом информацией между сообществами – и то, и другое осуществляется мгновенно».

«Если вновь обретенная экстерриториальность элиты ощущается как пьянящая свобода, то для остальных их территориальность не столько дом родной, сколько ... тюрьма. Это унижительное ощущение только усиливается от того, что другие на их глазах пользуются полной свободой передвижения».

В таком ракурсе институциональная система должна включать механизм, обеспечивающий недискреционное управление социальной

реальностью, или систему принятия решений, базирующуюся на сбалансированных принципах самоопределения личности, социальной ответственности и социального контроля [26, С. 82]:

«...обеспечить действие института демократии можно только через подавление части свобод».

В этом смысле каждый субъект должен рассматриваться, с одной стороны – как базовый элемент социума, т.е. иметь права на самоопределение и развитие; с другой стороны – как носитель полномочий принятия решений, затрагивающих интересы социума, где его свобода ограничивается тем больше, чем больше объем полномочий. Принцип социального контроля не может быть реализован иначе, как на уровне институциональной матрицы; действие этого принципа заключается в ограничении волюнтаризма субъектов, наделенных властными полномочиями, за счет совокупности норм и правил поведения, критериев оценки, форм контроля и механизмов принуждения, обеспечивающих соблюдение интересов социума субъектами власти и управления [54, С. 41]:

«...общество всегда предполагает нормирование поведения. В этом сходятся все исследования. Однако нормирование не может висеть в воздухе; не может оно и опираться на простую договоренность. Нормирование означает установление определенных критериев оценки»

Очевидно, что речь идет о социальном контроле, реализованном в институциональной форме, т.е. систему критериев оценки деятельности субъектов принятия решений в аспекте соблюдения базовых принципов системной интеграции, а так же соответствующий корректирующий механизм [89, С. 428–429]:

«процесс оценки – это ...аспект социального изменения во всех тех сферах деятельности, где желательно изменение поведения индивидов. ...оценки действуют в качестве социального контроля.

...Определенно существует взаимосвязанная система социальной и психологической деятельности, в рамках которой осуществляется

ценностная ориентация; ее наиважнейшими компонентами являются создание оценок, их распространение, согласование, стандартизация и усвоение. Имеются также определенные социальные условия, способствующие или препятствующие плавному ходу этого процесса».

Фактически Манхейм пишет о механизме социального контроля; при этом точнее было бы сказать, что не социальные условия, а институциональная среда обеспечивает ценностную ориентацию. Механизм социального контроля подразумевает сбалансированность институциональной среды, т.е. такое соотношение базисных институтов, при котором обеспечивается соблюдение базовых принципов социальной интеграции. Таким образом, принцип социального контроля является гарантией соблюдения базовых принципов системной интеграции социума; сам социальный контроль является функцией соответствующей институциональной подсистемы, а механизм социального контроля формируется или разрушается в результате трансформации институциональной матрицы и формирования институциональных артефактов.

Контроль необходимо предполагает оценку на основе определенных критериев³⁹. Манхейм выделяет ряд «социологических» факторов, влияние которых затрудняет процедуру оценки. Так, быстрое и бесконтрольное расширение общества⁴⁰, изменение роли института частной собственности, изменение ценности труда и досуга, развитие средств связи и рост социальной мобильности приводят к смещению ценностей без их ассимиляции, т.е. разрушению систему ценностей, превращению ее в аморфную массу противоречивых оценок [89, С. 431]:

«...машинный век оказался не способным создать новые адекватные ценности, которые могли бы сформировать процесс труда и

³⁹ в данном случае критерием будет степень соблюдения базовых принципов системной интеграции

⁴⁰ расширение сферы контактов

досуга и примирить между собой два различных набора противоположных идеалов, которые из-за своего антагонизма способствуют дезинтеграции человеческой личности».

В условиях глобализации проблема формирования системы ценностных установок и механизма социального контроля выходит за рамки институциональной среды отдельной страны (нации). Рассматривая общественный контроль за деятельностью правительств и международных организаций, влияющих на будущее народов, и критикуя способ действий последних, Стиглиц⁴¹ писал [134, С. 72–73]:

«...стиль операций МВФ таков, что граждане... не только отстраняются от обсуждения соглашений; им даже не сообщают, что эти соглашения из себя представляют. Преобладающий культ секретности настолько силен, что МВФ держал свои переговоры и некоторые соглашения в тайне даже от сотрудников Всемирного банка, участвовавших в совместных миссиях...

МВФ все еще формально не признает основное право граждан – «право знать»: не существует такого Акта о свободе информации, к которому американец или гражданин любой другой страны мог обратиться, чтобы узнать, что делается в этом международном общественном институте»

Создание и функционирование механизма социального контроля невозможно в условиях отчуждения науки от управления, в результате которого происходит подавление «разума» «инстинктами» в социальном организме. Функционирующий как совокупность разнонаправленных инстинктов, социальный организм всегда будет «разлагаться», поскольку интеграция отдельных его функций осуществляется на уровне институциональной матрицы, «знающей» конечную цель и принципы функционирования системы в целом. Объективизм науки как отделенного от индивида знания составляет ту часть социального капитала, которая способна обеспечить развитие общественного

⁴¹ Работал в качестве главного экономиста и старшего вице-президента Мирового Банка

организма – социальный прогресс как прирост индивидуальных возможностей каждого субъекта пропорционально его индивидуальному потенциалу.

Критическая функция науки является наиболее объективным элементом контроля в социальной системе.

Становление научного знания как инструмента социального контроля является важным этапом трансформации институциональной среды.

2.1. Институциональная матрица социальной системы

Методология любой науки опирается на определенные принципы и критерии классификации изучаемых объектов, процессов и явлений, благодаря чему создаются классы, категории, определяются базовые типы систем, устанавливается их иерархия; однако на стыке наук образуется «зона турбулентности», в которой иерархические принципы двух или более наук вступают в конфликт. Изучение социально-экономической системы общества представляет собой такую «зону турбулентности» до тех пор, пока остается невыясненным главный вопрос: определяет ли бытие общества (согласно доктрине либерализма) экономическая система, или социум является системой, обладающей «сознанием», системой, способной к самоуправлению на основе внеэкономических целей и принципов.

Э. Дюркгейм [60, 61] относил к «социальным фактам» способы мышления, деятельности и чувствования, находящиеся вне индивида и наделенные принудительной силой; фактически Дюркгейм имел в виду социальные институты, которые он отделял от социальной реальности, управляемой ими. В этом свете социальная реальность традиционно рассматривается как совокупность различных сфер: идеологии, политики, экономики; на основании такого «деления» социальной реальности ряд ученых⁴² определяют соответствующие этим сферам подсистемы институтов. Насколько условным является такое деление – это вопрос корректности методологии, поскольку дифференциация сфер

⁴² Бессонова О.Э, Кирдина С.Г

социальной реальности является явно не свойственной отдельно взятому индивиду, который вряд может так четко разграничить свои политические, идеологические и экономические мотивы и поступки⁴³. Если же, вопреки этому, мы будем дифференцировать эти сферы, опираясь на принцип различия свойств агрегата (социума) от свойств составляющих его элементов (индивидов), то необходимо, очевидно, доказать, что для социума действительно четко разграничиваются эти сферы. Такого доказательства в строгой форме до сих пор нет, что наводит на мысль о невозможности построения методологии изучения социально-экономических систем на основе классификации институтов по принципу «экономика – направо, политика – налево, а идеологию оставим посередине». Можно скорее доказать «от противного» неправомочность такого деления; можно на множестве примеров показать, что идеология, политика и экономика вообще не имеют четких «водоразделов»; мы видим сегодня торжество «экономической идеологии» в ряде стран, что является прямым следствием экономического детерминизма (торжества либеральной доктрины). Мы постоянно сталкиваемся с экономической политикой; политика есть скорее механизм реализации определенной идеологии, которая, в свою очередь, включает совокупность экономических принципов. Вообще сам принцип деления политики на социальную и экономическую наводит на мысль о том, что «водораздел» как раз находится именно здесь; именно здесь нужно искать методологическую основу для научного анализа форм социальной реальности и способов управления ею.

В данном исследовании институциональная матрица рассматривается как «коллективный разум» общества, и анализируется с

⁴³ К. Поланьи

позиции его влияния на развитие социального организма; вся система социальных институтов рассматривается как более или менее успешно развивающееся «сознание» общества. Разнообразие социально-экономических систем обусловлено не только исходным типом институциональной матрицы (эндогенным параметром системы), но и специфическими особенностями географии и природно-климатических условий среды обитания нации или народности, исторических условий (степень агрессивности окружения; доступ к тем или иным ресурсам, торговым путям и т.д. – экзогенными факторами). Традиции, культура, формирующиеся в результате самоосознания нации себя в структуре бытия, относятся к системе социальных институтов; однако как «способ мышления» эти институты одновременно являются эндогенными факторами системы социальных институтов; как наиболее инерционные эндогенные параметры системы, они трудно поддаются деформации и практически не могут быть трансплантированы.

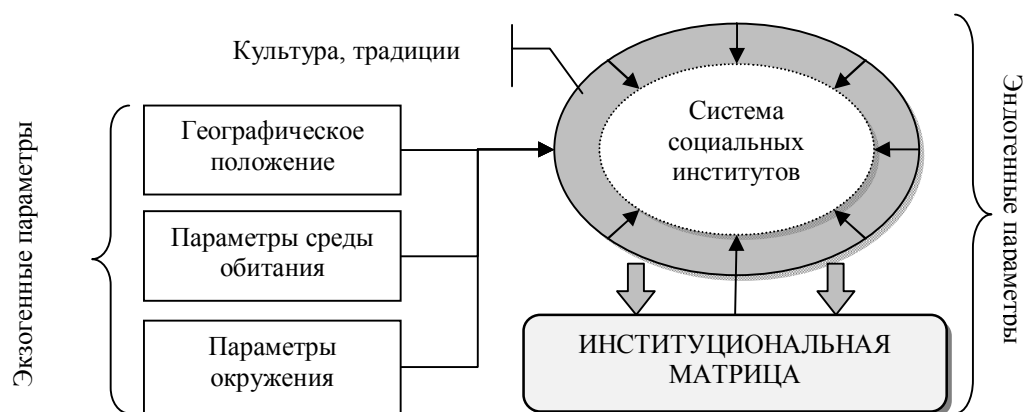

Рис. 2.1. Модель формирования системы социальных институтов

Итак, институциональная матрица выступает «мозгом», а оболочка системы социальных институтов – культура, традиции – выступают «способом мышления»; вся система социальных институтов является совокупностью «правил выживания социума» в заданных

внешних условиях, т.е. создается «мозгом» в соответствии с алгоритмом его мышления; остается проблемным происхождение самой институциональной матрицы.

В этом аспекте наиболее важным представляется выяснение сущности институциональной матрицы, ее структуры, ее базовых («чистых») типов (или прототипов реально существующих образцов).

Для управления жизнедеятельностью социального организма институциональная матрица в рамках существующего способа мышления (традиций и культуры) порождает иерархически упорядоченную систему институтов, обеспечивающую координацию и согласование процессов функционирования отдельных элементов социально-экономической системы. В основном все существующие классификации относятся к системе институтов, порожденных институциональной матрицей, а не к самой матрице; таким образом, классифицируются в основном результаты ее функционирования. При этом экономисты рассматривают механизмы управления экономической системой, а социологи концентрируют внимание на проблемных аспектах социальной; узкая специализация анализа на политической, юридической, социальной, экономической или культурной сфере общественных взаимодействий не позволяет понять принцип устройства и функционирования «коллективного разума» – институциональной матрицы общества.

Традиционно экономисты выделяют рыночный и нерыночный способ ведения общественного хозяйства; при этом нерыночная система называется по-разному: планирующей системой [53], централизованно-управляемой [104], редистрибутивной [116–118] или раздаточной экономикой [13, 14, 15, 16, 74, 71, 73, 72]. Суть этих расхождений не

только в различном именовании одного и того же явления, но и в различном подходе к его сущности.

К. Поланьи выделяет три типа интеграции в обществе [119, С. 68]:

«На эмпирическом уровне такими основными способами связи являются реципрокность, перераспределение и обмен⁴⁴. Реципрокность обозначает перемещения между соответствующими точками в симметричных группах; перераспределение (редистрибуция) представляет собой акты «стягивания» товаров центром с их последующим перемещением из центра; под обменом подразумеваются встречные перемещения из рук в руки в условиях рыночной системы. Следовательно, реципрокность предполагает наличие симметрично расположенных групп; перераспределение зависит от существования в группе определенной степени централизованности; обмен ...предполагает наличие системы ценообразующих рынков. Очевидно, что различные способы интеграции требуют определенной институциональной поддержки».

Дж. К. Гэлбрейт под планирующей системой подразумевал сферу влияния крупных монополий и транснациональных корпораций, а рыночной экономикой называл сферу свободной конкуренции мелких и средних товаропроизводителей [53].

Вальтер Ойкен называл централизованно управляемой экономикой такой тип организации хозяйства, когда управление осуществляется из единого центра, координирующего действия хозяйствующих субъектов и распределяющего ресурсы [104].

Талкотт Парсонс [109–112] в качестве основных сфер общества выделяет экономику, политику, право и социализацию, разграничивая эти сферы по их функциональным признакам: экономика выполняет функцию адаптации, политика – функцию целедостижения, право – функцию интеграции, социализация – функцию воспроизводства латентного образца⁴⁵. Сразу хочется отметить отсутствие в этой схеме

⁴⁴ reciprocity, redistribution, exchange

⁴⁵ схема AGIL

подсистемы целеполагания, без которой общество получается «всадником без головы»; очевидно также, что выделение правовой подсистемы в качестве интегрирующей весьма спорно и даже абсурдно: право, регулируя спорные вопросы во взаимоотношениях субъектов, разделяет их, всегда становясь на сторону одного против другого.

Парадигма нового подхода к исследованию социально-экономической реальности сформулирована О.Э. Бессоновой, которая развивает теорию «раздаточной экономики» [13, 14, 15, 16]. В рамках этой научной традиции Кирдина С.Г. [74, 71, 73, 72] описывает две модели институциональных матриц: восточную Х–матрицу и западную Y–матрицу (рис. 2.2), выдвигая тезис о том, что их основой являются исторические инварианты – базовые институты, остающиеся неизменными в процессе эволюции социально-экономической системы общества.

По мнению Кирдиной С.Г. [71, С. 67]:

«При структурно-системном подходе... объектом исследовательского интереса являются институты как глубинные социальные отношения, определяющие разнообразие проявляющихся на поверхности явлений, форм и организаций».

Трудно согласиться с тем, что институты являются «глубинными отношениями», поскольку более признанным и распространенным является все-таки понимание институтов как «правил игры», что исключает их из системы отношений, поднимая на надсубъектный уровень. Если отношения требуют наличия двух конкретных сторон (субъектов отношений) и являются способом связи между ними, то институты не связаны с конкретными субъектами, а являются рамками, в пределах которых субъекты могут действовать в соответствии со своим статусом.

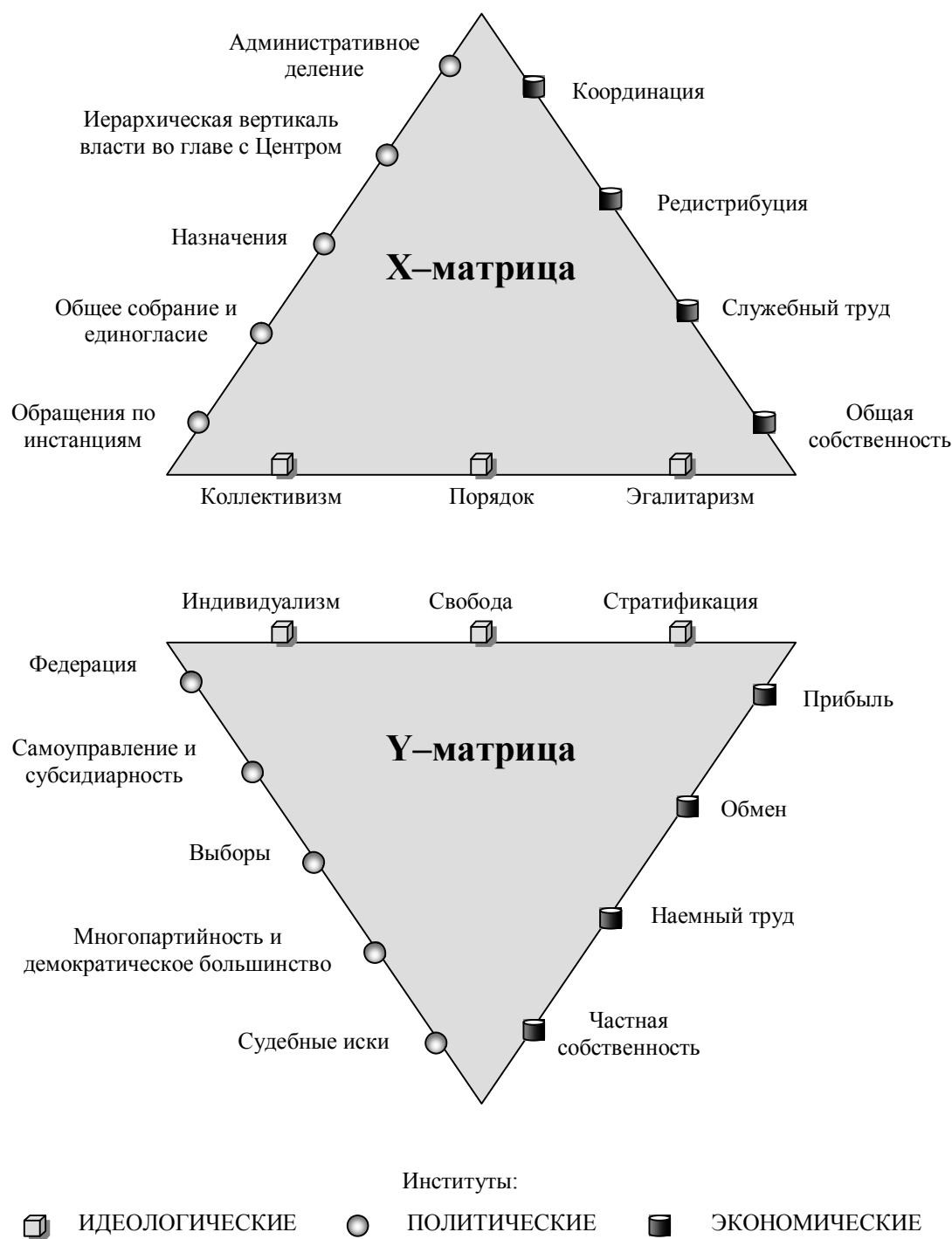

Рис. 2.2. Базовые типы институциональных матриц в концепции Кирдиной

Рассматривая схему рис. 2.2, можно убедиться, что авторы концепции не проводят четкой грани между институтами и встроенными

механизмами, обеспечивающими их работу; в действительности прибыль – это «сигнальная система» института рынка, а обмен – его функциональный механизм; ни то, ни другое не является институтом по своей сути, также, как не являются институтом судебные иски – это один из механизмов разрешения противоречий.

Методологически данная концепция изначально неверна в силу некорректности определений базовых институтов и отсутствия четкой аргументации предположения об их «базовости». Отнесение производного механизма или принципа к числу базовых институтов равносильно определению ветвей и листьев дерева как его корней. Как можно отнести к базовым «институтам» многопартийность и выборы, если первое, фактически, является вторичным принципом, а второе – реализующим этот принцип механизмом; независимо от разновидностей принципов и механизмов распределения властных полномочий, все они имеют одну цель, функционально однородны и различаются только широтой охвата субъектов социума (обеспечением доступа к власти более или менее широким массам с более или менее однородными убеждениями, интересами и т.д.).

Кирдина дает следующее определение [71, С. 24]:

«Институциональная матрица – это архетипическая триединая социальная форма; она представляет собой систему экономических, политических и идеологических институтов, находящихся во взаимно однозначном соответствии».

Как и Дюркгейм, Кирдина отделяет абстрактные социальные формы («социальные факты») от конкретных фактов и явлений («социальной реальности»). Институциональные матрицы Кирдина рассматривает как абстрактные воплощения социальной реальности, а базовые институты – как «сущностные связи между основными сферами

человеческой деятельности в обществе» [71, С. 130], в отличие от гибких институциональных форм.

Вообще трактовка «базовых институтов» в этой концепции представляется скорее фактологической, а не методологической; «административное деление» или «федерация» – это всего лишь отражение существующих форм пространственной организации, что отнюдь не означает невозможности возникновения альтернативы этим «инвариантам»; а что касается механизмов «редистрибуции» и «обмена», то Поланьи рассматривал также «дарообмен» который не вписывается в схему рис. 2.2, и уж, тем более, не согласовывается с тезисом «инвариантности». Спорной является методологическая корректность отнесения к базовым институтам вторичных принципов социальной интеграции, таких как «свобода», «индивидуализм», «самоуправление и субсидиарность», «стратификация», «коллективизм», «эгалитаризм» и т.д., а так же таких механизмов, как «обмен», «назначения», «судебные иски» и пр. (рис. 2.2). Можно оспаривать обоснованность положения об исторической инвариантности принципов и механизмов, представленных на рис. 2.2 – такой подход является опасным детерминизмом, поскольку лишает даже надежды на «обретение» той альтернативы существующему несовершенству общественных систем, о которой писал Поланьи.

На наш взгляд, институциональная матрица действительно инвариантна, но инвариантами здесь являются базисные институты собственности, власти, управления и труда, а так же базовые принципы системной интеграции социума. Вторичные принципы определяют совокупность конкретных производных форм социальных институтов (а других институтов, кроме социальных, быть не может, поскольку институты – это рамки социальных взаимодействий).

В теории общественно–экономических формаций институты труда и собственности определяют экономический базис: труд относится к производительным силам, институт собственности – к производственным отношениям (рис. 2.3). Институт власти рассматривается как элемент надстройки, а управление относится к хозяйственному механизму, связывающему надстройку с производственными отношениями.

В отличие от формационного подхода, в котором доминирующая роль отводится экономическому базису, институциональное направление исходит из доминирующей роли надстройки.

Рис. 2.3. Базисные институты в теории общественно-экономических формаций

В нашей концепции институциональная матрица, главной функцией которой является интеграция и поступательное развитие общества, – это система базисных институтов (рис. 2.4), обеспечивающих взаимосвязанное функционирование экономической и социальной систем общества.

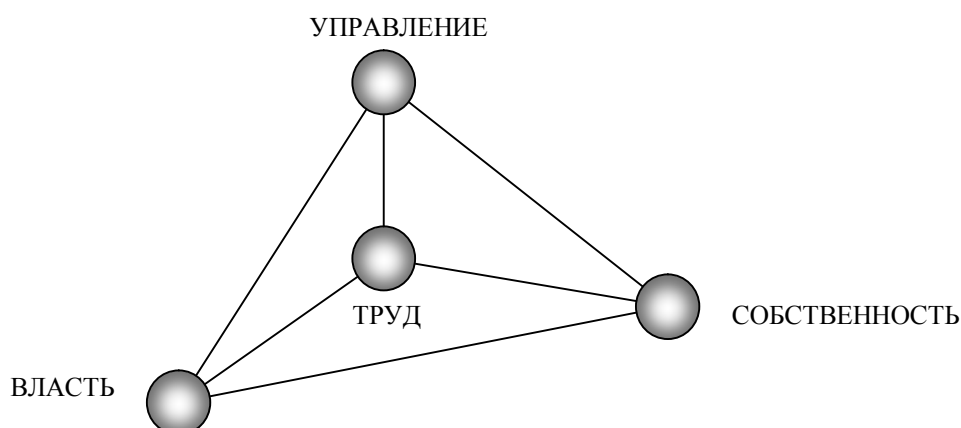

Рис. 2.4. Институциональная матрица социально-экономической системы общества

Как «коллективный разум», институциональная матрица обеспечивает согласование интересов / принуждение (институт власти); целеполагание и координацию действий (институт управления); регуляцию процесса распределения благ (институт собственности); интеграцию социальной и экономической систем (институт труда). Главным положением данной концепции является утверждение, что институт труда имеет системообразующий характер.

В рамках такого подхода два базовых прототипа социально-экономических систем (см. рис. 2.2) базируются на различных совокупностях вторичных (альтернативных) принципов системной интеграции и, соответственно, имеют различные производные институциональные подсистемы (модели, табл. 2.1).

Таблица 2.1.

Базовые типы институциональных моделей

	Собственность	Власть	Управление	Труд
Модель Y	Частная	Снизу вверх	Рынок	Товар
Модель X	Общественная	Сверху вниз	Государство	Обязанность

Предлагаемая классификация не претендует на историческую инвариантность, поскольку «азиатский способ производства» К. Маркса является прототипом Х–матрицы, но подразумевает несколько иные институты собственности (централизованная) и управления (сюзерен). Однако можно утверждать, что в реальной действительности существует два базовых типа институциональных моделей⁴⁶; они определяются вторичными принципами системной интеграции и представляют собой формирующиеся на их основе производные институциональные системы. Однако обе модели отражают, в первую очередь, пропорции (структуру) институциональной матрицы, степень соблюдения базовых принципов системной интеграции, а так же специфические особенности национального мышления, культуры, традиций. Взаимообусловленность конкретных форм реализации базисных институтов очевидна: невозможно заменить конкретную форму реализации базисного института модели Х на соответствующую институциональную форму модели Y, не меняя всю систему вторичных принципов системной интеграции. Образование «гибридных» производных институциональных форм приводит к появлению смешанных типов в координатах ХY–матриц (рис. 2.5).

На рис. 2.5 крестом отмечены точки, отражающие невозможность сочетания конкретных форм (институциональных подсистем) двух прототипов матриц; конкретная форма реализации института власти модели Х не сочетается с производной подсистемой института управления модели Y, и наоборот. Таким образом, изменение одного из вторичных принципов системной интеграции, приводящее к изменению

⁴⁶ Это не означает невозможность появления третьего варианта; более того, доказывая ограниченность этих «базовых типов», мы хотим показать необходимость поиска приемлемой альтернативы

производной институциональной подсистемы, автоматически влечет изменение всей системы.

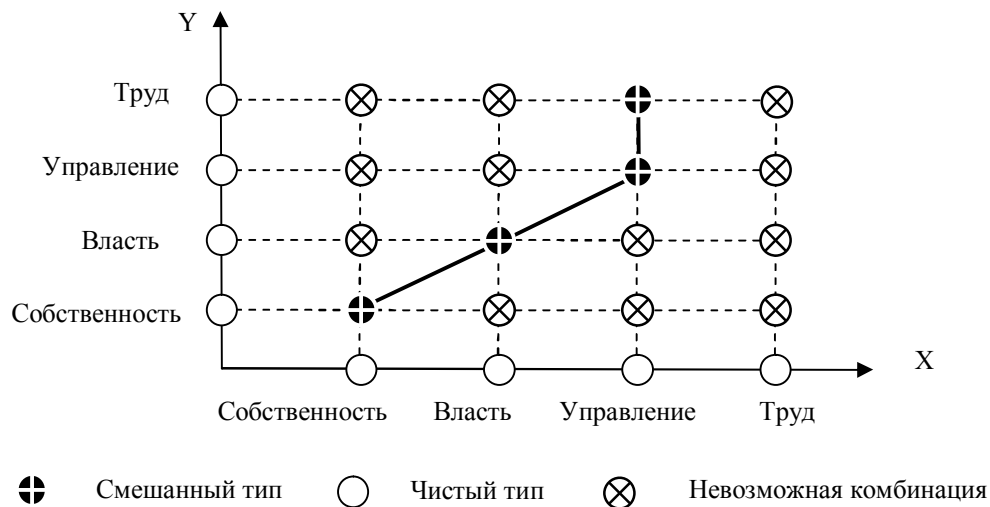

Рис. 2.5. Пространство типов институциональных систем

Реализация функции целеполагания институтом управления в модели X подразумевает, что интересы социума должны быть доминирующими; в этом смысле государство как результат социального договора является представителем общества в целом. В модели Y рыночное управление означает доминирование экономической подсистемы, т.е. такая модель управления является диаметрально противоположной модели X.

Следует отметить, что институт труда является единственным в системе базисных институтов, не допускающим смешанные формы реализации. Это определяет его особое значение в системе базисных институтов как системообразующего (определяющего тип интеграции социума⁴⁷).

⁴⁷ как «механических элементов» или как свободных индивидов

В модели Х труд является объектом общественной собственности, поскольку является обязанностью: владелец рабочей силы является скорее ее носителем, а не хозяином, поскольку ограничен в праве принимать решения относительно ее использования. В модели Y труд является товаром, владелец рабочей силы относительно «свободен» в принятии решений касательно ее использования.

Однако общим для обеих моделей является отсутствие влияния владельца рабочей силы на стоимость труда. Практически в обеих моделях цена труда устанавливается внешними по отношению к нему силами (общество или рынок). Но даже не этот факт определяет заведомую ограниченность двух «базовых типов» институциональных систем; наиболее важным является тот факт, что труд в обеих моделях вырождается в работу, утрачивая творческий характер путем регламентации и нормирования; цель труда (получение продукта) подменяется целью работы (получение оплаты); по сути, он становится обязанностью в обеих моделях с тем лишь различием, что в модели Х он является обязанностью изначально, а в модели Y он становится обязанностью после заключения трудового договора (контракта). Став товаром, труд перестал быть трудом; рабочая сила остается «рабом», поменяв хозяина: внешний хозяин сменился внутренним (голод, толкающий на заработок). Человек не «хочет трудиться», а «должен работать», и причина этого «должен» (внешняя она или внутренняя) не имеет решающей роли, поскольку это уже не свободный выбор индивида. Отсюда сам так называемый⁴⁸ «институт свободы» в схеме

⁴⁸ это не институт, а принцип системной интеграции

рис. 2.2 вступает в противоречие с так называемым⁴⁹ «институтом наемного труда».

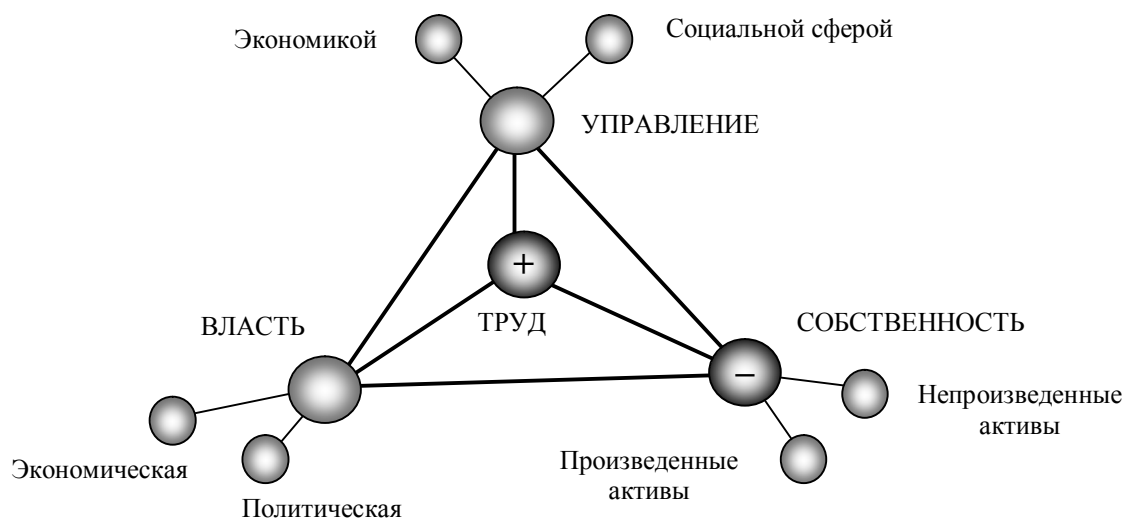

Рис. 2.6. Институциональная матрица как система базисных институтов

По своей изначальной сути труд не является ни товаром, ни обязанностью: он является средством самореализации индивида в его отношениях с природой; при этом субъект труда является, в первую очередь, целью существования и развития социальной системы. Превращая его в средство достижения цели, система уничтожает смысл своего существования, поскольку нарушается базовый принцип конечной цели. Безразличие обеих моделей институциональных матриц к проблеме социального прогресса – вот их общее детерминирующее свойство; таким образом, можно сделать вывод о наличии общей регрессивной функции, свойственной любым комбинациям (реальным

⁴⁹ это также не институт, а рыночный механизм

воплощениям) этих «чистых типов», т.е. обе модели являются «разумом, нацеленным на самоуничтожение».

В схеме рис. 2.7 институт труда является системообразующим, в то время как институты власти и управления – компенсаторными, главной функцией которых является не только связь между дезинтегрирующим институтом собственности и интегрирующим институтом труда, но и – в первую очередь – обеспечение баланса этих полюсов институциональной матрицы.

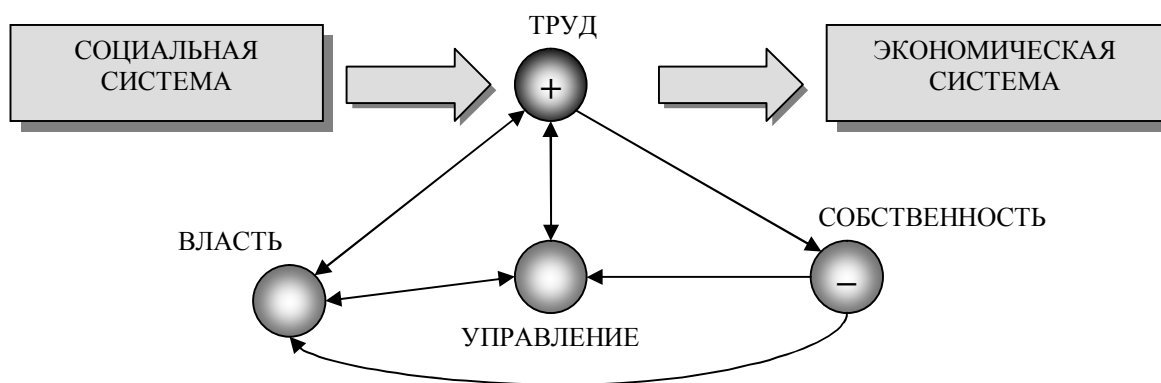

Рис. 2.7. Систообразующий характер института труда

При этом институт собственности имеет в равной степени экономический и идеологический характер. Как экономический институт, собственность выполняет функции регуляции отношений присвоения и отчуждения; как идеологический – определение общественной ценности тех или иных благ (произведенных и произведенных активов, труда). Поясним идеологический характер института собственности, чтобы еще раз доказать невозможность дифференцирования сфер общественной жизни на идеологию, политику и экономику, о чем мы уже говорили ранее.

Почему институт собственности определяет систему ценностей общества, т.е. идеологию? – Потому, что человек автоматически

«уходит» на второй (третий, четвертый и т.д.) план; он становится всего лишь субъектом отношений собственности; внимание акцентируется на активах, а не на личности. Институт частной собственности, способствующий имущественной стратификации, игнорирует внеэкономическую ценность субъекта; рождаясь в определенном социальном слое, субъект «наследует» социальный статус семьи, т.е. уже рождается несвободным. По мере усиления имущественной стратификации социальная мобильность снижается, неизбежно усиливается дискриминация малоимущих субъектов [134, С. 109]:

|| «Бедность передается от одного поколения к другому. ...Вместе с бедностью приходит чувство беспомощности».

С другой стороны, институт общественной собственности не обеспечивает стимулов для эффективного хозяйствования постольку, поскольку централизованная бюрократическая машина Х–матрицы не является нормальной системой управления «живыми» элементами в силу своей отчужденности от конкретной личности.

Системообразующий характер института труда проявляется в его интегрирующей функции – регуляции отношений между отдельными работниками, работодателями, средствами и предметами труда. Труд является основой функционирования экономической системы общества, которая без него представляет собой механическую совокупность произведенных и произведенных активов, т.е. не является системой по сути. Функционирование института труда обеспечивает тот или иной уровень эффективности общественного производства, что обуславливает его исключительную роль в институциональной матрице.

Хозяйственный механизм экономической системы общества, физической основой которой являются произведенные и произведенные активы, функционирует благодаря тому, что

социальная система, с одной стороны, поставляет фактор труд, с другой стороны – обеспечивает спрос на произведенные в экономической системе блага. Таким образом, экономическая система находится в прямой зависимости от социальной системы и является вспомогательной по отношению к ней. Институт собственности в данном контексте выступает в виде системы связей между субъектами социальной системы и активами экономической.

Подмена приоритета индивидуальных способностей (ценности личности) приоритетом собственности индивида (внешнего богатства) является прямым следствием деформации институциональной матрицы общества и затрагивает идеологическую сферу его существования, превращая материальные блага в высшую ценность по сравнению с ценностью личности как совокупности определенных качеств, позволяющих не только наращивать объем тех же материальных благ, но и обеспечивать социальный прогресс, т.е. рост духовности и творческого потенциала общества. Последнее означает, в первую очередь, снижение уровня преступности, наркомании, алкоголизма, самоубийств, отрицательное влияние которых на экономическую систему общества очевидно; повышение эффективности системы общественного воспроизводства связано со снижением издержек на преодоление тенденций дезинтеграции социальной системы.

Трудовые отношения в этом же контексте оказываются, с одной стороны, частью социальных отношений – связей между субъектами социальной системы в процессе труда и по поводу труда, а с другой стороны – опосредуют отношения между субъектами социальной системы и активами экономической в плане преобразования и использования этих активов для производства новых благ.

Системообразующий характер института труда выводит на первый план проблему его развития и подчинения ему всех остальных элементов институциональной матрицы.

2.2. Экономическая система и проблемы отчуждения

Альфред Маршалл в своей книге «Принципы экономической науки»⁵⁰ так очерчивал ее предмет [91, С. 113]:

«...экономическая наука — это, с одной стороны, наука о богатстве, а с другой — та часть общественной науки о действиях человека в обществе, которая относится к предпринимаемым им усилиям для удовлетворения своих потребностей в тех пределах, в каких эти усилия и потребности поддаются измерению в единицах богатства или его всеобщего представителя, т.е. денег».

Выраженная этим определением ограниченность предмета экономической отражает диалектическое противоречие социальной и экономической систем общества: с одной стороны — богатство, создаваемое в рамках экономической системы; с другой стороны — измеряемая его единицами деятельность человека по удовлетворению своих потребностей. Действительно, рантье не предпринимает усилий для удовлетворения своих потребностей; по крайней мере, подобные «усилия» не поддаются измерению в единицах богатства. Таким образом, «усилия» и «богатство» оказываются «по разные стороны баррикады».

А. Маршалл не относит к богатству такие важные компоненты человеческого благополучия, как дружба, привязанность и т.п.; всю совокупность потребностей человека, в его трактовке, удовлетворяют

⁵⁰ 1890 г.

блага, совокупность которых А. Маршалл не считает идентичной богатству ввиду их более широкого (внеэкономического) содержания.

Это подводит нас к пониманию того, что экономическая система, целью которой является удовлетворение потребностей, заведомо не способна удовлетворить их в полном объеме, поскольку не производит внеэкономических благ. Изначальная ограниченность экономической системы ставит ее в подчиненное положение по отношению к социальной, т.е. положение, не допускающее доминирования ее целей и автономности ее функционирования и развития. Отсюда автоматически следует, что любые теории «усовершенствования» экономической системы без учета их влияния на социум являются грубейшей ошибкой; развивать экономику ради экономики – занятие столь же бессмысленное, как стимулирование роста отдельно взятого органа человека (например, руки, которая, достигнув определенного размера и веса, станет неподъемной и лишит человека возможности свободно передвигаться). Вторичность экономической системы означает обязательность подчинения ее развития целям социума; в противном случае кухонный комбайн начнет управлять жизнью хозяев [117, С. 17]:

«...поскольку организация труда – всего лишь другое название формы жизни простого народа, то это означает, что развитие рыночной системы неизбежно сопровождается изменениями самой социальной организации. В соответствии с этим все человеческое сообщество постепенно превратилось в придаток экономической системы».

Карл Полаanyi в своем выдающемся труде «Великая трансформация» [116] отмечает ограниченность экономического детерминизма как в теоретическом аспекте, так и в историческом плане. Человек, подчиненный двум машинам – рынку и государству – перестает быть существом социальным, поскольку уже не социальные институты как исторически сложившиеся рамки общественного бытия, а

бюрократическая машина и рыночный механизм определяют его возможности, его настоящее и будущее.

Методология, основанная на признании экономической машины определяющей бытие социума, приводит сегодня к опасному вытеснению социальных взаимодействий рыночными транзакциями: даже институт семьи вытесняется сегодня брачным контрактом.

Поланьи отмечает специфическую особенность рыночной экономики – превращение в товар того, что не производилось на продажу, т.е. природных факторов и труда [117, С. 13]:

...труд и земля – это не что иное, как сами человеческие существа, из которых состоит любое общество, и естественное окружение, в котором оно существует. Включение их в рыночный механизм в качестве составных элементов означает подчинение субстанции самого общества законам рынка».

Разрывая исторически сложившиеся социальные отношения путем принудительного превращения системы социальных взаимодействий в систему рыночных транзакций, рынок сводит человеческую сущность до уровня рабочего вола или жадного хищника.

Манхейм также отмечает, что [89, С. 585]:

«В патриархальном или феодальном мире ...человек считается ...членом органической общности. В обществе, основанном на товарном производстве, он⁵¹ ...становится товаром»

Если вернуться к творческой природе труда, превращенного рыночной системой в товар, то времена дикости были гораздо более творческими по сравнению с нашим просвещенным веком: от личных способностей индивида зависел его успех, его статус в общине; он сам выбирал способ действий и не стремился получить за это плату; только достигнутый результат был мерилom его социальной ценности. Защита

⁵¹ человек

племени от внешних врагов и опасностей не являлась оплачиваемой работой; это была социальная функция наиболее приспособленных для этого индивидов. Каждый член общины чувствовал необходимость в социальных связях с другими; община была системой с высокой степенью интеграции индивидов при полном отсутствии экономической подсистемы.

Экономическая система как продукт «коллективного разума» социальной системы не может существовать отдельно от своего творца; именно творческие способности человека обуславливают ее появление и развитие; если же эти способности оборачиваются против социума как агрегатного носителя творческого (трудового) потенциала, то налицо «умственное расстройство» коллективного разума, его неспособность обеспечить здоровое функционирование социального организма [117, С. 13]:

«...ни одно общество не может обойтись без какой-нибудь системы, обеспечивающей порядок в сфере производства и распределения благ. Однако это еще не означает, что во всяком обществе существуют самостоятельные экономические институты, независимые от институтов социальных: экономический порядок обычно является функцией от социального, причем второй обеспечивает первый.

Эффективность как ключевое понятие экономической сферы жизнедеятельности общества перманентно «выпадает из контекста» социальной эффективности; в процессе развития экономической подсистемы общества, ориентированной на удовлетворение потребностей, происходит вытеснение целей социального прогресса [117, С. 13]:

«...Рыночная экономика может существовать только в рыночном обществе...»

Порожденная система, включающая только произведенные и непроизведенные активы и хозяйственный механизм, не обладает

«памятью» своего происхождения, поскольку лишена сознания; она механически функционирует, «потребляя» энергию и способности к труду субъектов социальной системы; без этой энергии экономическая машина не может функционировать.

Какую же роль в этой системе играет «предпринимательская способность»? Как способность индивида к творческой самореализации, она продуцируется социальной системой; как способность находить наиболее эффективное сочетание факторов она превращается в элемент хозяйственного механизма, лишенный «сознания» настолько, насколько эта способность отчуждена от целей социума и ориентирована на цели экономической подсистемы. Это наводит на мысль о том, что в равной степени «обесчеловеченные» экономической системой факторы – труд и предпринимательская способность – различаются по признаку их участия в процессе отчуждения человека: если отчужденный труд был, есть и будет только ресурсом, то предпринимательская способность, превращаясь в элемент хозяйственного механизма, способствует все большему отчуждению труда, вступая в антагонизм с целями продуцирующей ее социальной системы.

Таким образом, как это ни парадоксально, именно отчужденная предпринимательская способность поворачивает экономическую подсистему общества против человека, подменяя социальный прогресс ростом богатства (накоплением капитала), а человека – совокупностью его потребностей и способностей к труду. Думается, что корень проблемы – в приведенном выше определении богатства как совокупности продуцируемых экономической системой благ. Этот «водораздел» предпринимает попытки преодолеть теория «человеческого капитала», рассматривающая человека как составную часть богатства; однако даже этот подход не разрешает противоречия

целей социальной и экономической систем общества⁵², поскольку только расширяет круг потребностей, оцениваемых, опять-таки, экономически, т.е. в единицах богатства по определению А. Маршалла.

Игнорируемые в этом процессе внеэкономические потребности человека являются, тем не менее, основой существования социума; их удовлетворение и есть необходимое условие его существования. Утрата социального контроля над процессами функционирования экономической системы гарантированно приводит к дезинтеграции общества, что создает угрозу существованию не только социальной, но и порожденной ею экономической системы.

Социальный контроль как связующий принцип обеспечивает соблюдение базовых принципов системной интеграции, в первую очередь – сохранение целостности системы; он в равной степени обеспечивает нормальное функционирование как социальной, так и экономической подсистем. Преодоление «водораздела» между ними возможно только путем ограничения степени отчуждения предпринимательской способности от социума; это обеспечивает связующий принцип социальной ответственности – элемент «социального сознания», неотделимый от социального контроля; чем больше «степеней свободы» предпринимателей, тем выше вероятность полного отчуждения этого фактора от социума.

В контексте диалектического противоречия целей социальной и экономической систем общества логично возникает вопрос о базовом

⁵² В этом смысле концепция развития человеческого потенциала ПРООН является наиболее прогрессивным среди существующих подходов к оценке уровня социально-экономического развития, поскольку учитывает не только экономические аспекты благосостояния населения, здоровье, образование, но и степень интеграции общества, равенство полов и поколений, участие в управлении. Однако индекс развития человеческого потенциала не дает ответа на вопрос о причинах значительных межстрановых различий; для этого необходимо выявить глубинные структурные диспропорции в институциональных системах, как на национальном, так и на мировом уровне.

отношении, обусловившим возникновение всей системы отношений. Таким базовым отношением является отчуждение (рис. 2.8).

Рис. 2.8. Базовое отношение отчуждения

Эрих Фромм отмечает, что отчуждение происходит не только в общественном производстве, но и в потреблении как процессе удовлетворения отчужденных потребностей; более того, человек отчуждается от социальных сил, управляющих его жизнью [155].

Внутренне присущее социально-экономической системе диалектическое противоречие связано с этим фундаментальным отношением (рис. 2.9), поскольку отчуждение как разрыв внутреннего единства человека и его функций приводит к обеднению личности, но при этом является непрямым условием развития.

Таким образом, социальная динамика обусловлена отчуждением, порождающим систему отношений, а институциональная матрица – способ самоорганизации этой первично неустойчивой системы, т.е. ее функцией является снижение энтропии. Иными словами, порожденной отчуждением системе отношений присущи центробежные тенденции, а институциональная матрица как «коллективный разум» должна обеспечивать противоположную им центростремительную динамику.

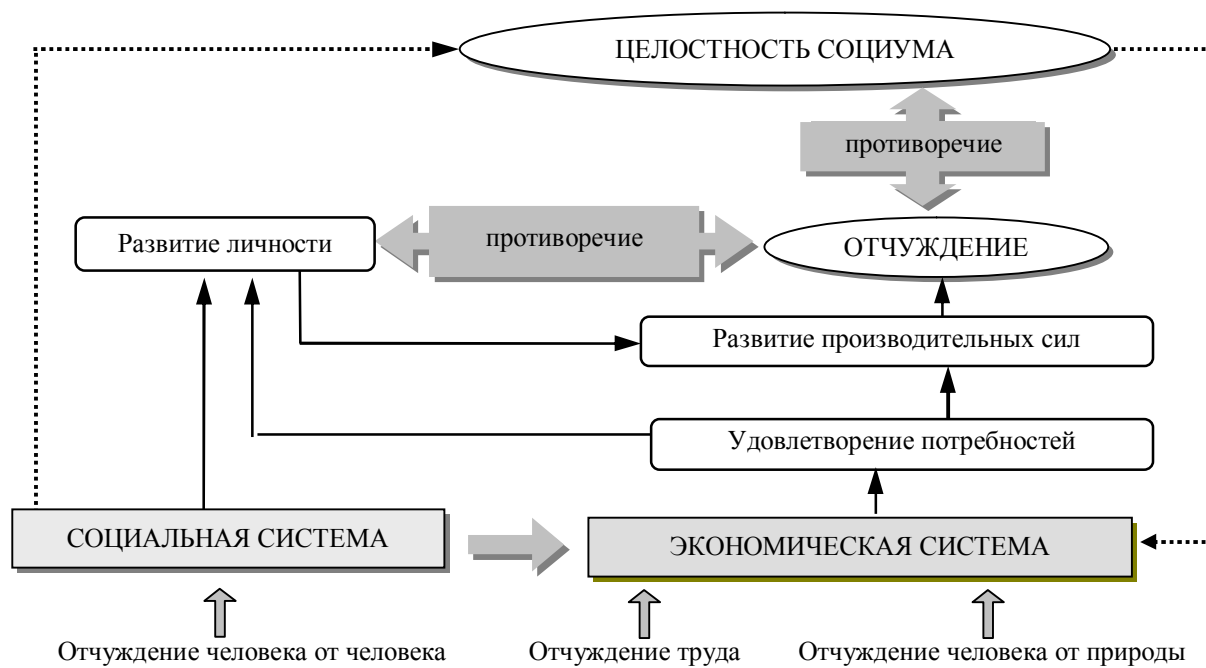

Рис. 2.9. Формирование экономической и социальной систем как результат отчуждения

ГЛАВА 3. ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ КОМПОНЕНТЫ ТРУДОВОГО ПОТЕНЦИАЛА ОБЩЕСТВА

3.1. Демографическая система как носитель трудового потенциала

Труд – процесс, изначально осуществимый благодаря врожденной способности человека к осмысленному целенаправленному преобразованию объектов природы; в животном мире строительство гнезд, нор, добывание пищи не являются трудом, поскольку основаны на инстинкте; животные не ставят целей, выходящих за рамки их привычного бытия, не проявляют творчества, фантазии. Являясь неотчужденными элементами природы, они живут и развиваются по ее законам. Аналогично трудом нельзя назвать работу машин и механизмов, поскольку машина выполняет заранее определенные человеком функции.

Отчуждение человека от природы – базовая предпосылка трудовой деятельности как определенных отношений с этой активной средой, постижение законов которой – одно из неперенных условий развития труда.

Таким образом, внешняя определенность функций – будь то определенные природой процессы жизнедеятельности животных или определенные человеком процессы функционирования машин – составляет их главное отличие от трудовой деятельности.

В этом ракурсе деятельность человека, детерминируемая внешними по отношению к нему источниками, является, по сути, работой; степень отнесения ее к труду зависит от степени осознания и принятия субъектом конечной цели этой деятельности, стремления к ее

достижению, его творческой активности в процессе достижения цели. Таким образом, отчуждение работников от результата и процесса труда означает вырождение труда в работу.

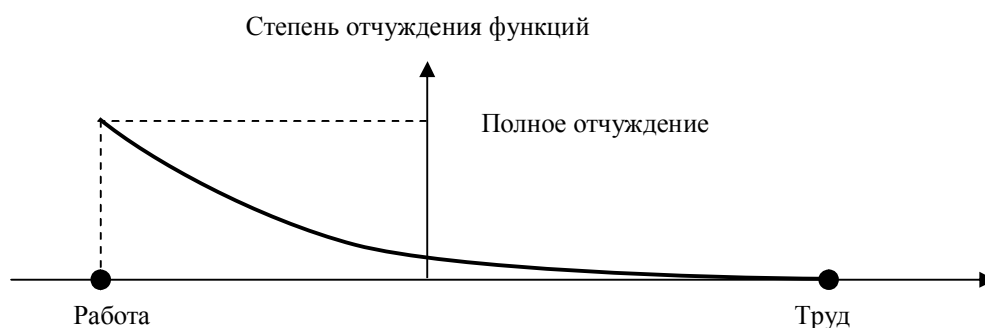

Рис. 3.1. Степень отчуждения функций как критерий трудовой деятельности

Трудовой потенциал – это способность человека, группы людей или общества в целом творчески и целенаправленно преобразовывать окружающий мир для получения качественно новых благ с целью наиполнейшего удовлетворения потребностей человеческого сообщества. Но это определение будет неполным, если не сделать акцент на специфической потребности человеческой личности – потребности в развитии, которая реализуется исключительно посредством труда. Степень удовлетворения этой потребности и является критерием социального прогресса; она же является индикатором динамики трудового потенциала общества. В этом смысле трудовой потенциал не может рассматриваться как статическая характеристика общества; он находится в динамике, и эта динамика может быть или восходящей, или убывающей. Таким образом, трудовой потенциал как переменная запаса рассматривается на конкретный момент времени; однако в действительности он характеризуется в

большей степени своей динамикой. Мы намерены показать, что если трудовой потенциал демографической системы характеризуется переменной запаса, то для социальной системы он характеризуется переменной потока.

Софизм методологии экономического детерминизма заключается в логическом «разрыве» между трудовым потенциалом и социальным прогрессом, сознательной подмене последнего экономическим ростом; этот разрыв является следствием искусственно упрощенного подхода к человеку и его потребностям, гиперболизации значения материальной выгоды и элиминирования влияния социально значимых факторов. А точнее, подмены социально значимых факторов, поскольку самореализация индивида как социального существа заключается не в том, чтобы получить как можно больше благ, а в способности отдавать, поскольку его социальная значимость измеряется полезностью для общества. Итак, если упростить, то все предыдущие рассуждения можно свести к следующему: человек как существо социальное определяется тем, что для него является доминирующим принципом: «брать» или «отдавать». В этом смысле методология экономического детерминизма описывает нам человека анти-социального, ориентированного «брать»; при этом осуществляются довольно беспомощные попытки доказать (в этом и заключается софизм этой теории), что «брать» и «отдавать» – это практически одно и то же; что процесс накопления капитала – это условие прогресса; что самые полезные для общества индивиды – это предприниматели, ориентированные на получение как можно большей личной выгоды.

Представляется абсурдным утверждение, что стремление к наживе есть единственный способ самореализации индивида как существа социального и его развития как творческой личности. Более того, на наш

взгляд, социально значимой функцией субъекта является труд, который представляет собой процесс «самоотдачи», с одной стороны, и личностного развития – с другой, т.е. самообогащающей отдачи; труд, который является потребностью, а не обязанностью или товаром; труд, который ставит человека над природой, обеспечивает человеку самоосознание в структуре бытия, ощущение собственной значимости и ценности собственной личности; труд как основа самоуважения и необходимое условие общественного признания.

В таком свете оценка трудового потенциала демографической системы не представляется достижимой, поскольку, познавая себя в процессе труда, человек не только получает представление о своем трудовом потенциале, но развивается, т.е. увеличивает его. Таким образом, единственно возможный вариант оценки трудового потенциала заключается в анализе его динамики; чем она выше, тем выше трудовой потенциал общества.

Когда мы говорим о труде как о процессе самоотдачи индивида, это не просто словесный оборот: творческая фантазия и мастерство человека овеществляются в созданном им продукте, тем самым человек отдает часть своей творческой энергии. Однако получение в процессе труда новых знаний об окружающем мире и самом себе обогащает личность; никаким другим способом, кроме труда, человек не может получить это знание (постичь собственную природу и осознать свой потенциал).

Итак, в нашем понимании трудовой потенциал отдельного индивида определяется, во-первых, его мотивацией к самореализации

посредством труда⁵³, во-вторых, совокупностью его способностей к сознательному и творческому преобразованию предмета труда, постановке цели деятельности и выборе способов ее достижения; а его рабочая сила определяется состоянием здоровья, физическим развитием, наличием определенных знаний и навыков. При этом под мотивацией к трудовой деятельности мы подразумеваем стремление индивида «отдавать»; именно это стоит на первом месте, поскольку при отсутствии такого стремления трудовой потенциал человека равен нулю; при наличии такой мотивации он всегда больше нуля, поскольку не существует людей, полностью лишенных способности к самореализации посредством того или иного вида трудовой деятельности. Мотивация к труду – отражение психического и социального здоровья индивида и общества.

Далее, чем выше степень самоопределения человека в процессе его деятельности по преобразованию окружающего мира, чем теснее его связь с конечным результатом, тем в большей степени эта деятельность является трудом. При этом целью должен быть продукт труда, а не получение оплаты за выполнение рабочих функций. Здесь мы получаем еще один критерий дифференцирования понятий «труд» – «работа»: целью работы является получение оплаты, целью труда – получение продукта.

В этом смысле мотивация к труду строго отлична от мотивации к работе; последняя предполагает получение индивидом взамен каких-либо благ (карьерный рост, увеличение дохода и т.д.), т.е. это мотивация

⁵³ Именно мотивация стоит на первом месте, поскольку при отсутствии мотивации к самореализации (стремления «отдавать») трудовой потенциал человека равен нулю; при наличии такой мотивации он всегда больше нуля, поскольку не существует людей, полностью лишенных способности к самореализации посредством того или иного вида трудовой деятельности. Мотивация к труду – отражение психического и социального здоровья индивида

«брать», в то время как мотивация к труду, как уже говорилось ранее, это мотивация «отдавать».

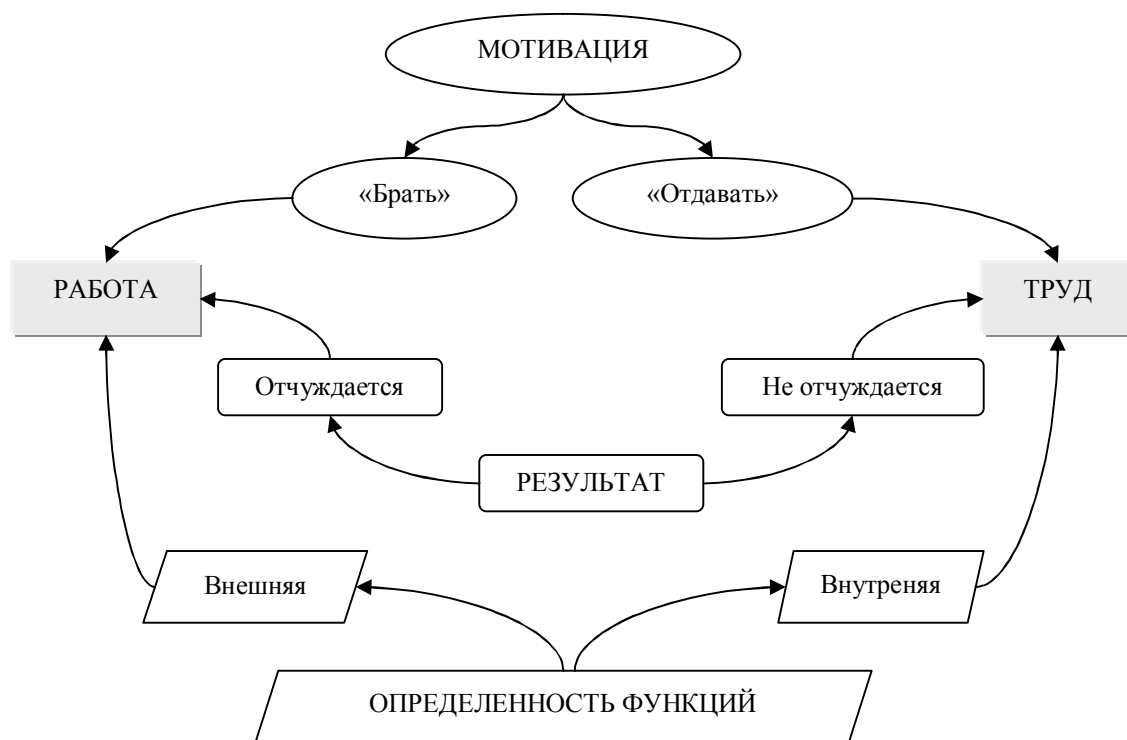

Рис. 3.2. Дифференцирование понятий «труд» и «работа»

На уровне общества в целом полное самоопределение индивидов в процессе труда недостижимо ввиду сложности процесса общественного производства, необходимости разделения труда с неизбежным его вырождением в совокупность внешне определенных рабочих функций для большинства участников. Это означает, что трудовой потенциал общества не является механической суммой трудовых потенциалов отдельных его субъектов, поскольку при полной самостоятельности каждого индивида в процессе труда такое общество не смогло бы создать сложнейших машин, использовать качественно новые технологии, а научные открытия оставались бы нереализованными; не всякое изобретение или открытие может быть понято на уровне рядового работника, принимающего участие в его воплощении в жизнь.

Таким образом, трудовой потенциал общества, вообще говоря, растет в результате отказа значительной части его субъектов от развития своего индивидуального трудового потенциала и добровольного участия в процессе общественного производства в качестве исполнителя чужой творческой воли. Происходит отделение «разумных» функций от «механических»; функций принятия решений от функций исполнения внешне определенных действий; выделение функций целеполагания; социум оформляется в организм с определенным уровнем дифференциации функций между его частями. Однако в биологическом организме, в отличие от социального, функциональная дифференциация не может быть «обидной» для отдельного органа.

Необходимо четкое осознание того факта, что большая часть субъектов социума выполняют рабочие, а не трудовые функции в процессе общественного производства; это означает, что, добровольно или нет, но эти субъекты несут «вмененные издержки», связанные с отказом от индивидуального развития в соответствии с личностным потенциалом. Как правило, это обусловлено невостребованностью этого потенциала, а не его отсутствием. В идеале, на каждом этапе своего поступательного технологического и духовного развития общество расширяет сферу общественного производства, обеспечивая реализацию ранее невостребованного потенциала индивидов. Однако факт существования «вмененных издержек» индивидов требует особого внимания к проблеме их компенсации, что подразумевает формирование такого институционального пространства, в котором ни один индивид не рассматривается как «рабочая машина» и не ощущает себя таковой. Не ради экономического роста, а ради социального прогресса, являющегося его неперенным условием, общество должно нести

затраты, связанные с обеспечением условий внепроизводственной реализации личности.

Итак, как социальный организм общество эволюционирует за счет дифференциации функций, их отчуждения от индивида. При этом личность неизбежно обедняется, но если выигрыш социума является выигрышем индивида, то обмен отчужденных функций на качественно новые социальные условия (социальную среду, отношения) и перспектива расширения возможностей индивидуального развития – если не для него самого, то для его потомков – являются для человека «компенсацией». Как бы то ни было, если целью субъекта является его личный вклад в развитие общества как социальной среды своего «обитания», то он мотивирован «отдавать», что даже в условиях внешней определенности рабочих функций⁵⁴ смягчает проблему деформации личности (позволяет избежать фрустрации). Однако проблема частной собственности на средства производства оказывается здесь непреодолимой преградой: человек не может воспринимать себя «полезным» социуму, работая на собственника, цели которого антагонистичны целям общества⁵⁵. В силу вышесказанного нарушение связующего принципа социальной ответственности со стороны бизнеса – ключевой фактор социальной деградации, действие которого многократно усиливается социальной безответственностью власти.

Осознавая развитие социума главной целью своей деятельности, личность может воспринимать ее как труд постольку, поскольку отсутствует отчуждение от результата. Творческая составляющая трудовой деятельности индивида может заключаться в самоопределении

⁵⁴ их отчуждения

⁵⁵ поскольку максимизация субъектом собственной выгоды не может происходить без нарушения чьих-либо интересов, что ведет к стратификации и дезинтеграции общества

себя в социуме, понимании и признании конечной цели деятельности, принятии системы ценностей данного общества. Очевидно, что если система ценностей общества базируется на индивидуализме и принципе максимизации личной выгоды, то принятие субъектом этих «ценностей» исключает саму возможность трудовой деятельности в приведенном выше смысле; это означает, что трудовой потенциал общества зависит от его идеологии, или системы ценностей.

Итак, трудовой потенциал измеряется масштабом творческой составляющей⁵⁶ человеческой деятельности; творческий компонент деятельности связан с ее сложностью, т.е. трудовой потенциал тем больше, чем сложнее процесс труда, который может осуществить человек (сообщество людей). Экономическое выражение он получает в добавленной стоимости: чем сложнее процесс труда и конечный результат, тем выше удельный вес добавленной стоимости в полученном продукте.

Тогда экономическая оценка трудового потенциала должна заключаться в оценке потенциально возможной добавленной стоимости, которая может быть получена при максимально возможной мобилизации творческого потенциала работников. При этом трудовой потенциал группы работников умственного труда может оказаться выше, чем трудовой потенциал гораздо более многочисленной группы работников, выполняющих заранее запрограммированные действия (поскольку в таком случае их работа мало чем отличается от работы машин и механизмов). В этом аспекте труд превращается в работу в процессе его отчуждения, поскольку отчужденные у человека функции

⁵⁶ здесь не упоминается мотивация не потому, что мы о ней забыли, а потому, что творчество – процесс, изначально базирующийся на высокой мотивации

превращают его в живую машину, не видящую конечной цели своего функционирования и не стремящуюся к достижению этой цели посредством труда.

Таким образом, вертикальное разделение труда приводит к вырождению труда в работу (функционирование) на нижних уровнях производственной иерархии; основные признаки трудовой деятельности (постановка и осознание цели процесса) становятся «привилегией» индивидов, находящихся на более высоких уровнях этой «пирамиды».

Трудовой потенциал любой совокупности людей (предприятия, региона, нации) представляет собой агрегированную величину, которая не является механической суммой потенциалов отдельных индивидов: их способность действовать согласовано для достижения общей цели, разделение труда между участниками процесса создания добавленной стоимости, организованность (временные характеристики процесса) – все это определяет трудовой потенциал совокупности в большей мере, чем индивидуальные потенциалы отдельных личностей.

Процесс разделения труда и неизбежное отчуждение большей части участников общественного производства от результата этого процесса приводит к неизбежному недоиспользованию трудового потенциала отдельных индивидов, лишенных возможности творческого участия в общественном производстве за счет четкого определения круга обязанностей и жесткой регламентации процесса работы. Таким образом, существующее в обществе разделение труда не дает возможности оценить трудовой потенциал по той добавленной стоимости, которая создается при полной занятости трудовых ресурсов; однако столь же трудно определить трудовой потенциал общества на основании индивидуальных характеристик отдельных личностей, поскольку в процессе их интеграции в общественном производстве

добавленная стоимость может расти за счет «изъятия» чисто механических функций у наиболее творческих индивидов и передачи их субъектам с наименьшим творческим потенциалом; однако она может и снижаться ввиду нечеткости в определении творческого потенциала личности, субъективизма оценки и, как следствие, неправильного распределения затрат общества на развитие индивидов и неоптимальное их использование в процессе общественного производства.

Это означает, что системная интеграция – основной компонент трудового потенциала общества. Способ интеграции индивидов в процессе совместной деятельности для получения добавленной стоимости (продукта труда) определяет агрегатное значение трудового потенциала. Это выводит на первый план проблему организации и управления, стратегического планирования и фундаментальных научных исследований – всего, что позволяет интегрировать разрозненные усилия и повышать их эффективность.

Таким образом, трудовой потенциал демографической системы характеризуется механической суммой индивидуальных потенциалов ее субъектов; общественное разделение труда и способ интеграции работников, определяемые на институциональном уровне социально-экономической системы, определяют агрегатное значение трудового потенциала общества (рис. 3.3).

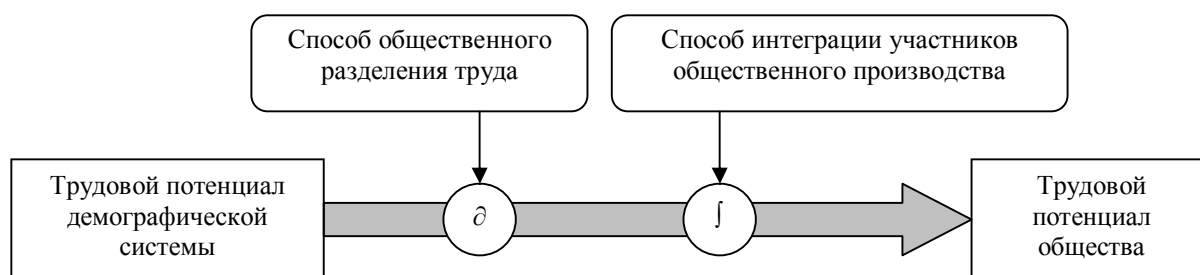

Рис. 3.3. Схема формирования трудового потенциала общества на основе трудового потенциала демографической системы

С точки зрения величины трудового потенциала, т.е. потенциально возможной добавленной стоимости, которую может создать данное сообщество, в современных условиях особую значимость приобретает его институциональная компонента, определяющая роли, статусы и способ интеграции участников общественного производства в соответствии с их индивидуальным трудовым потенциалом, а так же систему ценностей данного общества, определяющую мотивацию к труду отдельных работников, т.е. их индивидуальный трудовой потенциал.

Однако не менее важным институциональным компонентом трудового потенциала, как мы намерены показать далее, является механизм распределения дохода, определяемый институтом собственности.

3.2. Оценка трудового потенциала: специфика предметной области

Общепризнано, что совокупность способностей человека к труду является рабочей силой. Однако в самом названии «рабочая сила» содержится указание на работу, в то время как способность человека именно к труду является его индивидуальным трудовым потенциалом. В этом плане в общественном производстве потребляется преимущественно рабочая сила, поскольку большинство работников отчуждены от процесса и результата труда, что выражается во внешней определенности рабочих функций и конечной цели работника – получении оплаты, а не продукта.

Как предмет анализа, трудовой потенциал общности людей представляет собой сложную систему, элементами которой являются

интегральный трудовой потенциал демографической системы и институциональный потенциал как способ общественного разделения труда и интеграции индивидов в процессе общественного производства (см. рис. 3.3). Характеризуя предметную область анализа, необходимо определить соотношения между демографической и институциональной компонентами, которые обуславливают системный характер трудового потенциала социума и определяют его величину (динамику). В этом смысле институциональная компонента выполняет две противоположные функции: разделения и интеграции, реализация которых сопряжена с процессом отчуждения рабочих функций индивидов. Отчуждение является базовым отношением; в процессе отчуждения формируется рабочая сила как совокупность отчужденных функций субъектов демографической системы.

Таким образом, в результате функционирования институциональной компоненты происходит разделение созидательного потенциала демографической системы на непосредственно трудовой потенциал (Ψ) и рабочую силу (L), которая не включается в объем трудового потенциала, однако способствует его более эффективному использованию.

Предположим, существует демографическая система из N субъектов, обладающая трудовым потенциалом $\Psi(N)$:

$$\Psi(N) = \sum_{i=1}^N \psi_i,$$

где ψ_i – индивидуальный трудовой потенциал отдельного индивида. В процессе разделения труда (отчуждения рабочих функций) трудовой потенциал M субъектов ($M < N$) остается нереализованным; из числа этих субъектов формируется совокупная рабочая сила:

$$L(M) = \sum_{j=1}^M l_j,$$

где l_j – индивидуальная рабочая сила, полученная путем отчуждения рабочих функций субъекта j .

Очевидно тогда, что институциональная компонента трудового потенциала общества характеризуется степенью выполнения условия:

$$\Psi = \Psi(N) - \Psi(M) + L(M) \rightarrow \max.$$

С точки зрения общества трудовой потенциал индивида характеризуется его способностью создавать добавленную стоимость без отчуждения функций, т.е. в процессе самореализации посредством труда; однако создание стоимости и создание ценности – не идентичные процессы; понятие ценности имеет субъективный характер. В процессе самореализации субъект может создавать невостребованную ценность, в силу чего она не будет обладать стоимостью. Следует ли невостребованность его трудового потенциала рассматривать как его отсутствие, т.е. считать соответствующее слагаемое $\psi_i = 0$, или же саму способность индивида к творческой преобразующей деятельности рассматривать как положительный трудовой потенциал, нереализуемый в силу сложившихся социально-экономических условий?

В рыночной экономике однозначно принимается первый вариант; однако социальный аспект непризнания творческой природы индивида означает его недооценку обществом, т.е. частичное исключение личности из системы социальных связей.

В реальной действительности именно потребности общества определяют стоимостную оценку трудового потенциала индивида. Если эта оценка оказывается достаточно низкой ($\psi_k \rightarrow 0$), то общество без особых потерь (по крайней мере, на первый взгляд) может им

пренебречь; тогда отчуждение функций будет оправдано настолько, насколько рабочая сила как результат этого отчуждения окажется более «продуктивной» в плане создания добавленной стоимости: $l_k > \psi_k$.

Далее, индивид может обладать различным потенциалом создания добавленной стоимости в различных условиях; производительность его труда может расти при изъятии «примитивных» функций, которые будут переданы «рабочей силе», трудовой потенциал которой оценивается обществом как близкий к нулю. Если ввести функцию эффективности использования трудового потенциала: $y = f(\psi_n, l_n)$, которая показывает, какая добавленная стоимость будет создана индивидом при различных комбинациях его трудового потенциала и рабочей силы, то с точки зрения экономической эффективности должна решаться оптимизационная задача:

$$y_n = f(\psi_n, l_n) \rightarrow \max_{\psi: l}.$$

Очевидно, что индивидуальная производственная функция в этом случае будет представлять собой кривую (рис. 3.4), показывающую, какая добавленная стоимость может быть создана индивидом для различных комбинаций его трудового потенциала ψ_n и рабочей силы l_n . Точка F для обеих кривых соответствует производительности, равной сумме длин отрезков AF и FB , но при этом для первого индивида гораздо более высокий уровень производительности достигается в точке A' , а для второго индивида, кривая производственной функции которого представлена пунктирной линией, гораздо более результативной будет степень отчуждения функций, соответствующая точке B' . Действительно, длина отрезка AA' больше длины отрезка OB , а длина отрезка BB' больше длины отрезка FB .

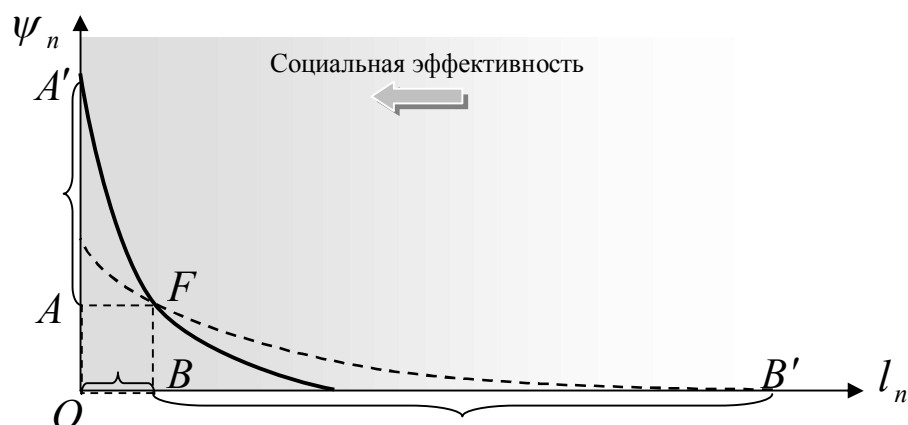

Рис. 3.4. Пространство решений задачи оптимизации разделения труда

Однако если в первом случае максимальная экономическая эффективность достигается в той же точке, что и максимальная социальная эффективность (A'), то во втором случае точка максимальной экономической эффективности (B') является одновременно точкой минимальной социальной эффективности.

Столь подробное изложение довольно очевидных истин необходимо для более четкого дифференцирования понятий «трудовой потенциал» и «рабочая сила». Оба этих элемента производительных сил общества создают добавленную стоимость, т.е. с экономической точки зрения важен только результат; однако социальная эффективность растет при $l_n \rightarrow \min$, $\psi_n \rightarrow \max$ (см. рис. 3.4).

С такой точки зрения отчуждение функций должно происходить только в том объеме, в каком существует потребность в общественном производстве; это означает, что функции рынка труда или полностью

утрачивают смысл, или значительно модифицируются⁵⁷, поскольку предложение рабочей силы в этом случае никогда не будет превышать спрос, и ставка заработной платы не будет определяться рынком: она будет определяться общественной ценностью труда⁵⁸ и вмененными издержками работников.

Это подразумевает создание форм занятости, альтернативных рыночным: обеспечение возможности получения дохода за счет свободной творческой самореализации индивидов. Здесь мы подразумеваем расширение сферы создания нерыночных благ, в которой каждый индивид может принять участие на добровольной основе и по собственному выбору.

Общественная ценность труда определяется социальными последствиями отчуждения (далее мы рассмотрим отдельно понятие социальных издержек). Эти последствия выражаются агрегатным показателем вмененных издержек работников. Действительно, если на индивидуальном уровне последствия отчуждения выражаются в неудовлетворенности работника качеством трудовой жизни, то на общественном уровне они проявляются в ухудшении системного качества: снижении гражданской активности и трудовой мотивации, степени интеграции социума и т.д.

Очевидно, что эффективность общественного производства самым непосредственным образом связана с социальными издержками, снижение которых может обеспечить только системообразующий

⁵⁷ остается только сигнальная функция – оповещение о потребности в рабочей силе

⁵⁸ Мы осознаем, что апологетами рыночной экономики этот тезис будет воспринят как посягательство на «святыя святых»; для нас же кошунством является отношение к человеку или его способностям как к товару.

институт труда. Его основной функцией следует полагать формирование нерыночной сферы общественного производства.

На сегодня уже существуют негосударственные учреждения и фонды⁵⁹, осуществляющие финансирование деятельности различных нерыночных организаций, поддерживающие индивидов (группы), обладающих творческим потенциалом как в науке, искусстве, так и в решении социальных проблем. Существует даже термин «фандрейзинг»⁶⁰, означающий привлечение и аккумуляцию средств из различных источников под некоммерческие проекты. Таким образом, речь идет не об утопии, а о реально существующей и быстро развивающейся сфере социальной активности, привлекающей все большее внимание ученых.

Итак, отчуждение функций, как процесс анти-социальный, должно строго лимитироваться существующей потребностью в рабочей силе. Однако это не означает, что остальные субъекты социума не получают источника средств к существованию: всегда существует возможность использования их творческой энергии на создание нерыночных благ.

Различие между трудовым потенциалом работника как его совокупной способностью к труду и способом самореализации личности, и рабочей силы – как его способности выполнять рабочие функции, востребованные в системе общественного производства, этим не ограничивается. Ключевым отличием трудового потенциала от

⁵⁹ В отличие от учреждения, которое владеет имуществом на правах оперативного управления и не несет полную ответственность по своим долгам, фонд является собственником своего имущества и полностью отвечает по своим обязательствам. Фонд имеет право активно заниматься предпринимательской деятельностью и выступает в большинстве случаев как финансовый институт (размещает средства на счетах банков, страховых компаний, в ценные бумаги).

⁶⁰ fund raising

рабочей силы является также наличие способностей, развитие которых может качественно изменить рабочую силу.

Способности человека учитываются при оценке его трудового потенциала, но не имеют отношения к его рабочей силе. Субъект, обладающий способностями в какой-то сфере приложения труда, но не обладающий профессиональными знаниями, опытом, квалификацией, не может выполнять полноценно соответствующую работу в настоящий момент, но имеет определенный потенциал; этот потенциал является трудовым потенциалом постольку, поскольку внутренняя потребность⁶¹ в развитии толкает индивида на совершенствование собственного рабочего процесса или создаваемого продукта. Рабочий может не иметь инженерного образования, но быть рационализатором и изобретателем. В этих своих проявлениях он реализует свой творческий потенциал, осуществляет трудовую деятельность.

Таким образом, именно творческая составляющая, т.е. личностный компонент, обусловленный имплицитно присущей человеку потребностью в развитии и совершенствовании, отличает труд от механического выполнения рабочих функций.

3.3. Существующие подходы к оценке трудового потенциала

Традиционно трудовой потенциал рассматривается в трех «плоскостях» (рис. 3.5):

— как совокупная способность населения к производству определенного количества благ в стоимостном выражении

⁶¹ мотивация

(потенциально возможный совокупный продукт или добавленная стоимость);

– как количество человеко-часов рабочего времени (количество потенциально возможного труда / работы);

– с точки зрения количественных и качественных характеристик трудовых ресурсов (и рабочей силы).

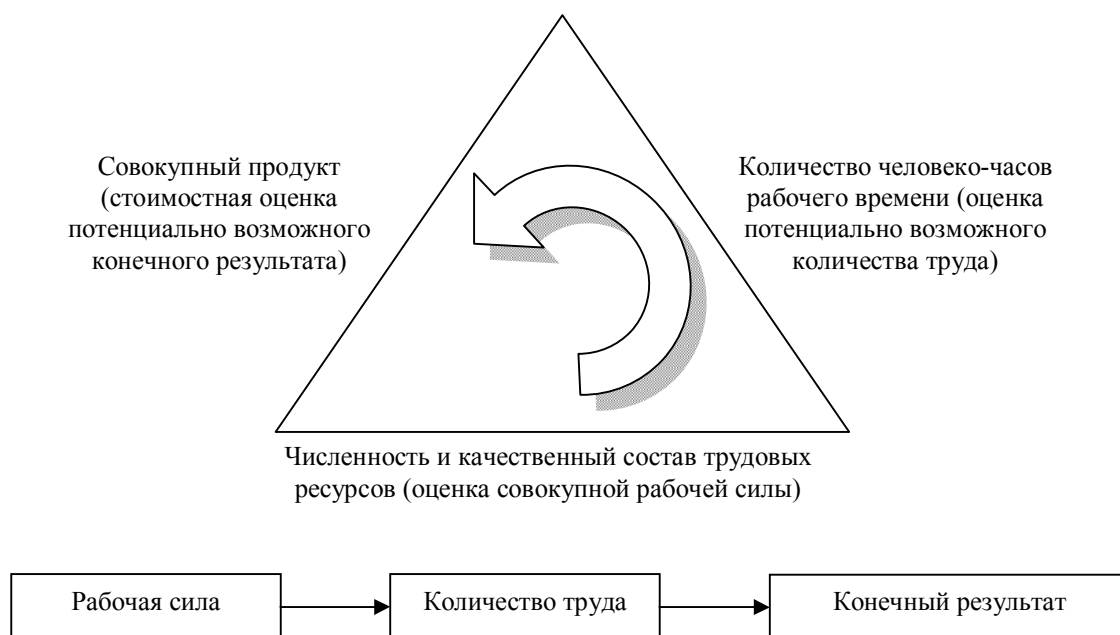

Рис. 3.5. Существующие подходы к оценке трудового потенциала

Сразу следует оговорить, что эти оценки рассматривают как трудовой потенциал, так и рабочую силу; в силу наличия между этими понятиями существенных различий, о которых шла речь выше, совокупность трудовых ресурсов и рабочей силы следует именовать иначе во избежание путаницы. Логичным представляется называть эту совокупность «активным элементом производительных сил».

Ранее мы уже говорили о том, что трудовой потенциал определяется, в первую очередь, мотивацией к труду; мы рассматривали различия между трудовой и рабочей мотивацией как одно из ключевых

критериев дифференцирования понятий «труд» и «работа» (см. рис. 3.2). Возвращаясь к этой классификации, следует отметить, что мотивация только частично является внутренним атрибутом индивида; система ценностей общества (т.е. институциональная компонента) определяет мотивацию в столь значительной степени, что пренебречь этим не представляется возможным. Итак, мотивация есть, с одной стороны, институциональный компонент трудового потенциала, с другой стороны – личностный, отражающий степень социальной эффективности институциональной компоненты трудового потенциала общества.

Социальная эффективность выражается: на индивидуальном уровне – в определенном общественном признании ценности индивида как носителя трудового потенциала, в его личностном развитии в процессе труда, удовлетворенности трудом как важной частью его жизнедеятельности (степени самореализации); на общественном уровне – в динамике трудового потенциала, качественных изменениях структуры активных элементов производительных сил, степени социальной интеграции.

Итак, формирование трудового потенциала общества происходит на институциональном уровне социальной системы. Институт управления как совокупность правил распределения ролей и функций участников общественного производства обуславливает степень отчуждения процесса труда, а так же тот или иной тип системной интеграции, т.е. уровень системного качества. Институт собственности определяет степень отчуждения работников от продукта и средств труда. Институт власти, по сути, должен поддерживать баланс между институтами труда и собственности, т.е. корректировать институциональное пространство общества в соответствии с целями

социального прогресса. Последнее означает, что социальная⁶² функция государства заключается в поддержке и развитии системообразующего института труда с целью обеспечения его социальной эффективности, тем более что социально неэффективный труд не может быть экономически эффективным.

Действительно, институты труда и собственности являются «полюсами» институциональной матрицы: стратификация общества на основе имущественного признака полностью противоположна стратификации на основе индивидуального трудового потенциала или рабочей силы индивидов, т.е. их «полезности» для социума. Рантье не делает общество богаче; даже движение его собственности в процессе общественного производства не повышает ценности индивида для общества: если он осуществляет потребление общественного продукта, но не принимает непосредственного участия в создании добавленной стоимости, то это потребление экономически неэффективно, как удобрение бесплодной каменистой почвы. Однако затраты общества на воспроизводство бесполезных в смысле увеличения производительной силы общества людей – это не самое главное препятствие на пути экономического роста и социального прогресса. Более всего экономическая неэффективность проявляется в том, что производительное потребление неизбежно сокращается за счет логарифмической прогрессии в распределении продукта через институт собственности: чем больше собственность индивида, тем большую часть произведенного продукта он присваивает в виде ренты или процента. Таким образом, институт собственности является антагонистом института труда: накопление капитала не может происходить иначе, как

⁶² в нашем понимании – главная его функция

за счет сжатия процессов воспроизводства трудового потенциала общества.

Здесь мы вплотную подходим к взаимоотношениям двух элементов производительных сил: средств производства и трудовых ресурсов (работников). Ввиду частной собственности на средства производства первый элемент производительных сил выступает не только в форме средств производства, но также в форме капитала как общественного отношения и институционального образования, определяющего «правила игры». Таким образом, с точки зрения системного качества трудового потенциала в вышеопределенном смысле особого внимания заслуживают взаимосвязь между капиталом и трудовым потенциалом.

3.4. Капитал и трудовой потенциал: связь и пределы роста

3.4.1. Институциональная природа и превращение форм капитала

Связь между трудовым потенциалом (рабочей силой) и потреблением является достаточно очевидной. Связь между потреблением и капитализацией дохода столь же понятна. Потребление важно не только с точки зрения воспроизводства активных элементов производительных сил, но и с точки зрения объема индуцированных инвестиций. Таким образом, не только через производство, но и через потребление оказываются связанными трудовой потенциал и капитал. Однако если в производстве эта связь положительная, то в потреблении отражаются все институциональные противоречия элементов производительных сил, а точнее – их активного элемента и проекции

капитала в институциональную плоскость, т.е. капитала как отношенческого и институционального феномена.

Как выразился Дж. М. Кейнс, «...капитал не является некой замкнутой в себе субстанцией, которая существует как бы независимо от потребления»⁶³. Если вести речь о промышленном капитале, для того, чтобы он мог расти, необходим соответствующий рост совокупного спроса, базовой компонентой которого является потребление как конечная цель экономической деятельности.

Потребление как конечный этап жизни продукта обуславливает необходимость нового производственного цикла; при этом важно, чтобы оба элемента производительных сил сохраняли способность участия в этом новом цикле. На первый взгляд задача распределения продукта с учетом их воспроизводства представляется несложной. Однако имеет место противоречие между доходами капитала и тем, что Маркс называл «производительным потреблением»⁶⁴. Отсюда следует определение непроизводительного потребления по двум критериям: по продуктам и по субъектам, осуществляющим потребление. Т.е. с одной стороны, это потребление продуктов, которые не только не способствуют увеличению производительной силы общества, но и ведут к ее снижению⁶⁵, а с другой стороны – конечное потребление тех субъектов, которые не относятся к производительным силам ни в текущем периоде, ни в ближайшей перспективе⁶⁶. Источником и первого, и второго вида непроизводительного потребления является капитал не как

⁶³ «Общая теория занятости, процента и денег», глава 8

⁶⁴ когда часть потребляемого совокупного продукта самым непосредственным образом способствует сохранению и росту производительной силы общества

⁶⁵ по продуктам

⁶⁶ по субъектам, осуществляющим конечное потребление

совокупность средств производства, а как форма общественных отношений.

Кажется очевидным, что именно производительное потребление должно обеспечиваться в первую очередь, т.е. конечное потребление активных элементов производительных сил, обеспечивающее их воспроизводство и развитие. Так, Дж. М. Кейнс однозначно формулирует свое отношение к труду как единственному фактору общественного производства, относя к нему также и предпринимательскую деятельность:

«...мне близка до-классическая доктрина, согласно которой все производится трудом при помощи того, что было принято называть мастерством, а теперь именуют технологией, и природных ресурсов, свободных от ренты или облагаемых ею в соответствии с их редкостью или изобилием. Предпочтительнее рассматривать труд, включая, конечно, личные услуги предпринимателя и его помощников, как единственный фактор производства, действующий при наличии технологии, природных ресурсов, производственного оборудования и эффективного спроса».⁶⁷

Безусловно, расширительное определение труда как активного фактора, включающего все виды человеческой деятельности, связанные с процессом общественного производства, позволяет четко дистанцировать его от пассивного «участника» этого процесса – капитала; что касается природных сил, задействованных в производстве, их активность направляется в нужное русло также преобразующей деятельностью человека. Можно сделать вывод, что существующая структура вмененных доходов является артефактом, происходящим из сознательного и преднамеренного искажения роли труда, капитала и природных сил в процессе общественного производства. Происхождение этого артефакта связано с функционированием

⁶⁷ «Общая теория занятости, процента и денег», глава 16 «Некоторые замечания о природе капитала»

института частной собственности как антагониста института труда на уровне институциональной матрицы общества.

Итак, капитал представляет собой не только форму существования общественного продукта, но и специфическую форму реализации отношений собственности, т.е. институциональный феномен, детерминирующий распределительные процессы и деформирующий, тем самым, структуру общественного продукта, неизбежным следствием чего является сжатие воспроизводственного потребления. Речь идет о персонифицированном капитале и его доходах, о которых писал Сильвио Гезелль⁶⁸.

Нетрудовые доходы (рента, процент, прибыль) происходят из той добавленной стоимости, которая создается живым трудом. Поэтому именно доходы фактора «труд» составляют основу любой экономики; именно этот вмененный доход обеспечивает основную часть платежеспособного спроса, и именно этот доход обеспечивает воспроизводство активных элементов производительных сил, не говоря уже о мотивации к труду, которую мы рассматриваем как основной компонент трудового потенциала общества.

Потребление является наиболее чувствительным к уровню трудовых доходов, поэтому, рассматривая потребление, мы фактически ведем речь о распределении дохода между трудом и капиталом. Очевидная обратная связь между доходами труда и капитала в экономике Украины (рис. 3.6) в отдельных отраслях принимает практически функциональный характер (коэффициент детерминации превышает 0.9).

⁶⁸ В своей книге «Естественный экономический порядок» он рассматривает процент на капитал как «партнера ренты»

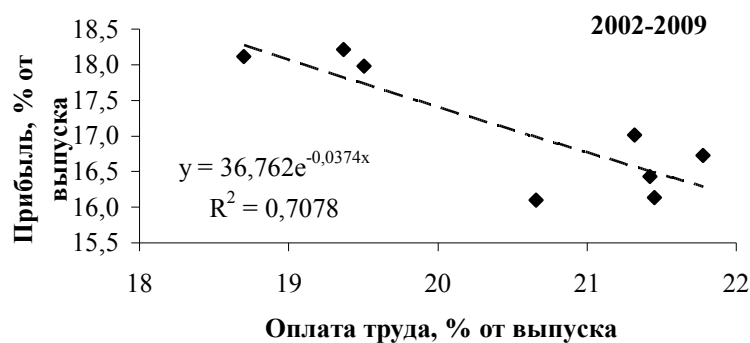

Рис. 3.6. Связь между долей прибыли и удельным весом оплаты труда в валовом выпуске (2002–2009 гг.) в Украине

Для правильной расстановки акцентов при исследовании проблемы распределения дохода необходимо, в первую очередь, четко определить функции элементов производительных сил. Промышленный капитал как совокупность средств производства⁶⁹ выполняет функцию повышения производительности труда, и не имеет самостоятельного значения в отрыве от активного элемента производительных сил. Его второстепенная роль столь очевидна, что парадоксальным представляется тот факт, что в действительности именно персонифицированный капитал является доминантным «субъектом» экономики, диктующим условия использования активного элемента производительных сил. В этой совершенно неестественной роли капитал выступает столь же нелепо, как и ребенок, диктующий родителям правила поведения.

Однако в этом и проявляется институциональная природа капитала; очевидно, что никакие «рыночные силы» не властны над ним;

⁶⁹ как институциональный феномен капитал выполняет обратную функцию: его негативное влияние на распределение дохода выражается в сжатии воспроизводственных процессов и, тем самым, снижении производительной силы общества

напротив, он обладает рыночной властью, пропорциональной его масштабам, что означает полную дисфункцию рыночного механизма по мере накопления капитала.

Таким образом, с одной стороны, промышленный капитал является овеществленным трудом – совокупностью средств производства, и его функция – повышение производительности труда. С другой стороны, капитал есть нечто большее, чем средства производства: он представляет собой институциональный феномен, поскольку определяет «правила игры»: не только роли и статусы субъектов, но и нормы поведения в зависимости от их статуса по отношению к нему. И его институциональная природа находится в диалектическом противоречии с его функциональной сущностью.

Именно здесь проявляется двойственность природы капитала: в первом своем (материальном) воплощении он играет позитивную роль в общественном производстве; однако его институциональная сущность представляет определенную угрозу для нормального функционирования экономики, поскольку мотивы личной выгоды инвесторов приводят к цикличности, кризисам и неполной занятости⁷⁰.

Если рассматривать полезную функцию капитала (как совокупности основных фондов), то представляет интерес тот факт (рис. 3.7), что динамика капиталовооруженности труда в Украине обратным

⁷⁰ Дж. М. Кейнс в книге 4 «Побуждение к инвестированию» своего фундаментального труда «Общая теория занятости, процента и денег» подробно рассматривает динамику объема инвестиций в зависимости от предельной эффективности капитала.

образом связана с производительностью капитала⁷¹ (коэффициент парной корреляции равен $-0,691$).

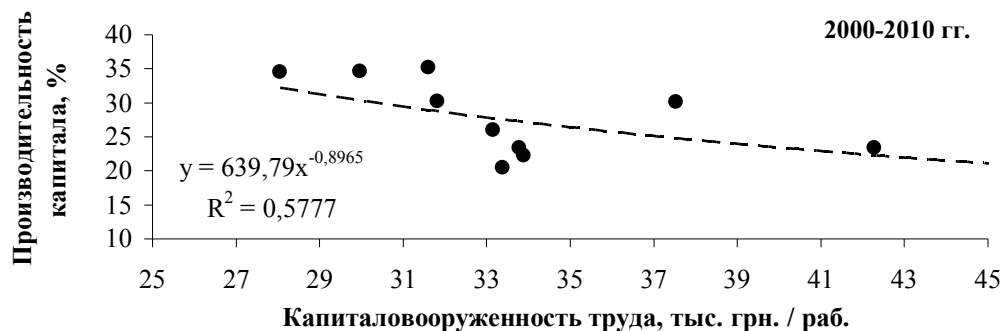

Рис. 3.7. Связь капиталовооруженности труда и производительности капитала в Украине за период 2000–2010 гг.

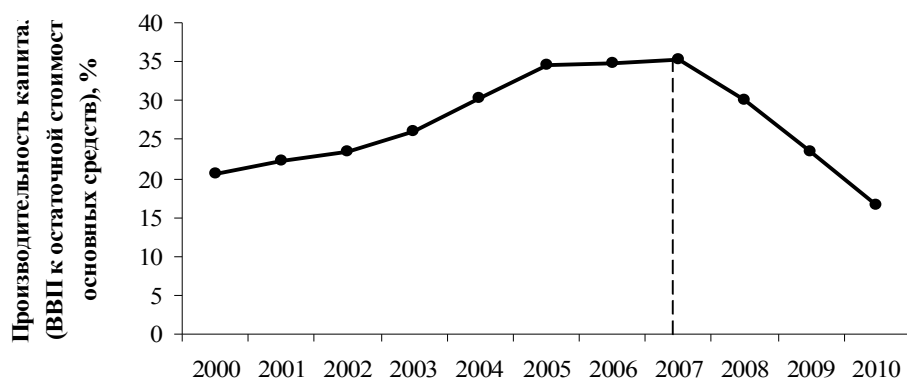

Рис. 3.8. Динамика производительности остаточного⁷² капитала в экономике Украины

Это подтверждает предположение, что институциональная природа капитала находится в диалектическом противоречии с его

⁷¹ В данном случае производительность капитала рассматривается как отношение ВВП к стоимости основных средств; этот показатель не имеет ничего общего с предельной эффективностью капитала в определении Кейнса. Капиталовооруженность труда рассчитывается как отношение стоимости основных средств к численности занятого населения. Безусловно, что в различных отраслях экономики Украины и капиталовооруженность труда, и производительность капитала значительно варьирует, что обуславливает

⁷² Имеется в виду остаточная стоимость основных средств

функциональной сущностью; действительно, если бы такового противоречия не существовало, то снижение объемов капитала не могло бы сопровождаться ростом его производительности.

Однако убывающая динамика стоимости основных фондов в Украине⁷³ (рис. 3.9) дает основание утверждать, что рост доходов капитала происходит не благодаря росту его объемов, а вопреки их снижению; это свидетельствует о том, что эффективность капитала для инвесторов и для общества – это совершенно различные понятия.

По данным Госкомстата Украины⁷⁴, в 2010 году степень износа основных средств в достигла 74,9% (табл. 3.1, рис. 3.9).

Таблица 3.1.

Динамика стоимости и износа основных средств в Украине

	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010
Первичная стоимость*, млн. грн.	828822	915477	964814	1026163	1141069	1276201	1568890	2047364	3149627	3903714	6648861
Темп прироста, %		10,5	5,4	6,4	11,2	11,8	22,9	30,5	53,8	23,9	70,3
Остаточная стоимость, млн. грн.	466448	503278	512235	538837	587453	661565	774503	993346	1251178	1597416	1731296
Степень износа, %	43,7	45,0	47,2	48,0	49,3	49,0	51,5	52,6	61,2	60,0	74,9

* переоцененная

⁷³ и аналогичная тенденция в предложении труда

⁷⁴ Вартість основних засобів у 2000-2010 роках

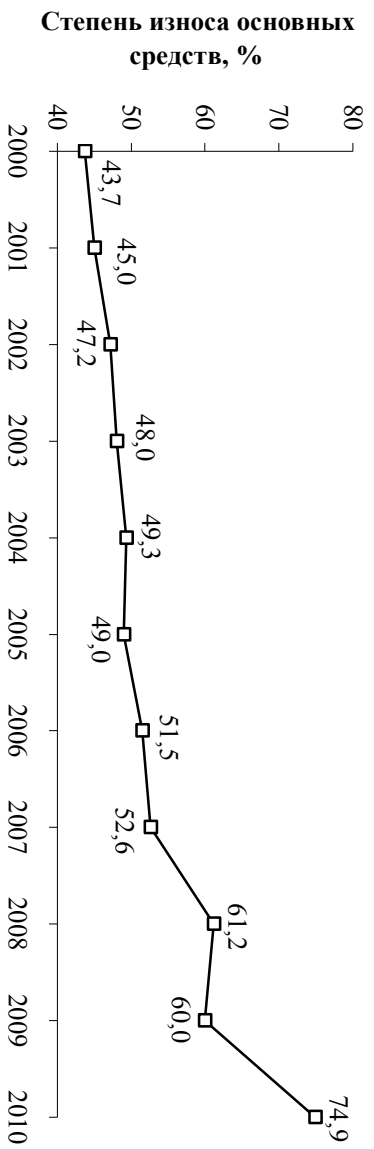

Рис. 3.9. Динамика износа основных средств в Украине

Рис. 3.10. Износ основных средств в отраслях экономики Украины в 2010 г.

Самое тяжелое положение наблюдается в сфере транспорта и связи⁷⁵, где сосредоточена большая часть основных фондов Украины: степень их износа достигла 94,4 % (см. рис. 3.10).

Что касается горно-обогатительного комплекса Украины, по данным Криворожского территориального управления⁷⁶, еще в начале 2010 года на Южном ГОКе износ основных фондов составлял 71,3%, на Центральном – 60,5%, горном департаменте ArcelorMittal Кривой Рог (бывший НКГОК) – 49,7%, Северном ГОКе – 38%, Ингулецком ГОКе – 35,8%, Орджоникидзевском ГОКе – 76,6%, на Полтавском ГОКе – 38,6%.

С другой стороны, председатель ЦК Профсоюза металлургов и горняков Украины В. Козаченко в сентябре 2010 г. сообщил⁷⁷:

«Мы провели срез износа основных фондов на предприятиях ГМК в Украине. Наибольший износ – до 90% – зафиксирован на «ArcelorMittal Кривой Рог». Можно ли на старом оборудовании давать высокую производительность труда при условии постоянной «оптимизации» численности сотрудников? Идет выжимание всех сил из работников. В связи с этим растет заболеваемость и производственный травматизм. Из-за переутомления были случаи смерти работников прямо на рабочем месте».

Уровень технической вооружённости металлургического производства Украины⁷⁸ исчерпывающе характеризуется тем, что свыше положенного срока эксплуатируются 54% коксовых батарей, 89%

⁷⁵ Данные Госкомстата Украины «Наявність і стан основних засобів за 2010 рік»

⁷⁶ <http://minprom.ua/news/60756.html>

⁷⁷ http://economics.lb.ua/other/2010/09/30/67514_Iznos_osnovnih_fondov_na_Arcelo.html

⁷⁸ Во всём развитом мире давно уже полностью отказались от мартеновского способа выплавки стали в пользу конверторного и электрометаллургического способов. В Украине с 1989 по 2007 годы удельный вес мартеновского способа с 55,7% был уменьшен только до 45,2%. А затраты энергоносителей (прежде всего, природного газа) в мартеновском производстве Украины почти на порядок выше, чем в конверторном производстве стран ЕС. Выбросы пыли и вредных газов тоже в несколько раз выше. В Украине удельный вес непрерывного литья стальных слитков составляет всего лишь 33%, тогда как даже в России – почти 2/3, а в Германии – 98%. В наиболее благополучный период середины 2000-х годов владельцы металлургических заводов Украины вкладывали в переоснащение производства всего лишь 18 долл. с каждой тонны выплавленной стали, тогда как европейцы вкладывали 40 долл. с тонны.

доменных печей, 87% мартеновских печей, 26% конвертеров, почти 90% прокатных станов, что, в свою очередь, является причиной высокой энергоёмкости, расхода кокса и природного газа на единицу продукции: на выплавку одной тонны стали расходуется 840 кг условного топлива (против 450 кг в странах Евросоюза) и 52,8 человеко-часа (против 38,1 – в России и 16,8 – в Германии).⁷⁹

В энергетической отрасли наблюдается не менее критическая ситуация. Большинство действующих энергоблоков украинских электростанций были введены в строй в 70-х–80-х годах. К 2007 году 90% блоков украинских ТЭС исчерпали свой расчётный ресурс. Степень износа основных фондов в электроэнергетической отрасли достигла 40%, а на отдельных станциях этот показатель оценивается в 70–90 %. Износ основных фондов АЭС превысил 55%, а на отдельных станциях достиг 70%. По причине изношенности распределительных сетей, трансформаторов и т.д. потери электроэнергии достигли 14%, тогда как в развитых странах они не превышают 6–8 %. В стоимостном выражении эти потери составляют 800 млн. долл. ежегодно.

В угольной промышленности Украины износ шахтного фонда составляет 80–90 %. Уже в 2007 г. 96% шахт работали без реконструкции более 20-ти лет, результатом чего является не только снижение эффективности работы шахт, но и высокий уровень производственного травматизма. Производительность труда в угольной промышленности Украины в несколько раз ниже, чем в России и Польше, и в десятки раз ниже, чем в США, Канаде, Австралии и ЮАР.

На железных дорогах Украины в середине 2000-х годов степень износа подвижного состава достигла 57%. На октябрь 2010 г. появились

⁷⁹ http://www.og.com.ua/dymov_krah.php

данные, что общий износ производственных фондов – 80%, а износ тягового состава – 92%.

Износ троллейбусно-трамвайного парка оценивается в 67%.

В 2008 году Кабинет министров Украины официально признал факт угрожающего износа газотранспортной системы: на тот момент около 70% общей длины газопроводов и 80% компрессорных станций отработали более 20 лет. Затраты на обновление газотранспортной системы были оценены почти в 2,5 млрд. долл.

Местная газораспределительная сеть изношена на 60%, причём десятая её часть изношена полностью.

В аварийном состоянии находится более трети водопроводно-канализационных и тепловых сетей; 60% котельных отработали свой нормативный срок. Потери тепловой энергии в теплосетях вследствие обветшалой теплоизоляции составляют 11% от общей её выработки.

За период 2006–2008 гг. удельный вес аварийных сетей вырос с 29,2 до 32,5%, а потери воды в них – с 29,8 до 34,5%; 40% водоочистительных мощностей нуждаются в капремонте, в силу чего в 260 населённых пунктах 17% потребляемой воды не соответствует принятым нормам.

Каждый третий жилой дом в стране нуждается в капитальном или текущем ремонте. В ветхих и аварийных домах проживает почти 200 тыс. человек. Каждый десятый лифт отработал более 25-ти лет и нуждается в замене или основательной модернизации.

Однако с ростом степени износа основных средств номинальный ВВП в Украине за период 2000–2010 гг., согласно данным Госкомстата, парадоксальным образом растёт (рис. 3.11), причем связь практически функциональная (коэффициент парной корреляции равен 0.931, а коэффициент детерминации равен 0.9).

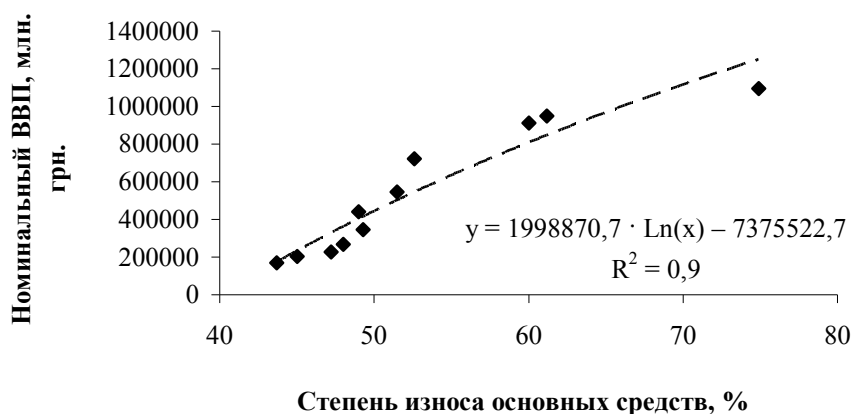

Рис. 3.11. Связь между степенью износа основных средств и номинальным ВВП в Украине за 2000–2010 гг.⁸⁰

Для того чтобы подобный феномен мог быть объяснен ростом уровня цен, последний должен, как минимум, быть никак не меньше степени износа основного капитала; однако официальный уровень инфляции значительно ниже, что и демонстрирует кривая на рис. 3.12, построенная уже для реальных значений ВВП (в ценах 1999 г.). Если же рассматривать период 2000–2008 гг. (т.е. исключить данные 2009–2010 гг.), то кривая рис. 3.12, как и кривая рис. 3.11, будет описываться логарифмической функцией:

$$y = 328145,5 \cdot \ln(x) - 1091176,95$$

с коэффициентом детерминации 0.82, т.е. расчетам на основе данных Госкомстата динамика реальных значений ВВП положительно связана со степенью износа основных средств в Украине.

⁸⁰ По данным Госкомстата Украины

Этот парадокс может быть объяснен только существенным занижением темпов инфляции⁸¹; в противном случае придется признать, что средства производства «мешают» производительному труду наемных работников в Украине. При этом динамика валовой прибыли на остаточный капитал для экономики Украины в целом (рис. 3.13) никак не коррелирует с динамикой износа основных фондов (см. рис. 3.9).

Причем по отраслям эта динамика различается довольно существенно (рис. 3.14): если в сфере транспорта и связи происходит существенное снижение доходности капитала, то в промышленности, а так же в сфере производства и распределения электроэнергии, газа и воды она демонстрирует даже восходящий характер.

Издержки производителей, растущие с ростом износа основных фондов, не могут не отражаться на стоимости продукции; это означает, что рост ВВП демонстрирует скорее рост издержек, включенных в цены, чем рост объемов выпуска в натуральном выражении.

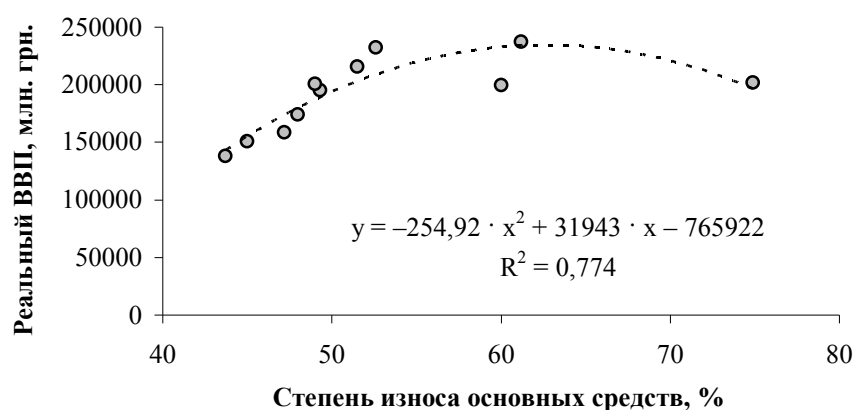

Рис. 3.12. Связь между степенью износа основных средств и реальным ВВП (в ценах 1999 г.) в Украине за 2000–2010 гг.

⁸¹ в данном случае – значений дефлятора, которые предоставляет Госкомстат Украины

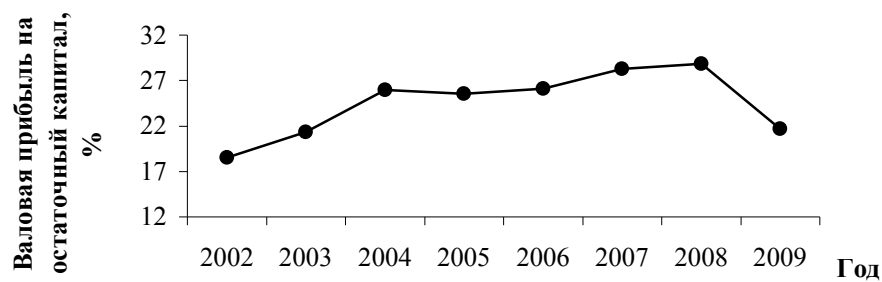

Рис. 3.13. Динамика валовой прибыли на остаточный капитал в экономике Украины

Достаточно сопоставить динамику натуральных объемов производства электроэнергии с доходами отрасли (см. рис. 3.15)⁸²; даже резкое снижение объемов производства электроэнергии в 2009 г. не повлияло на устойчиво положительную динамику валовой прибыли.

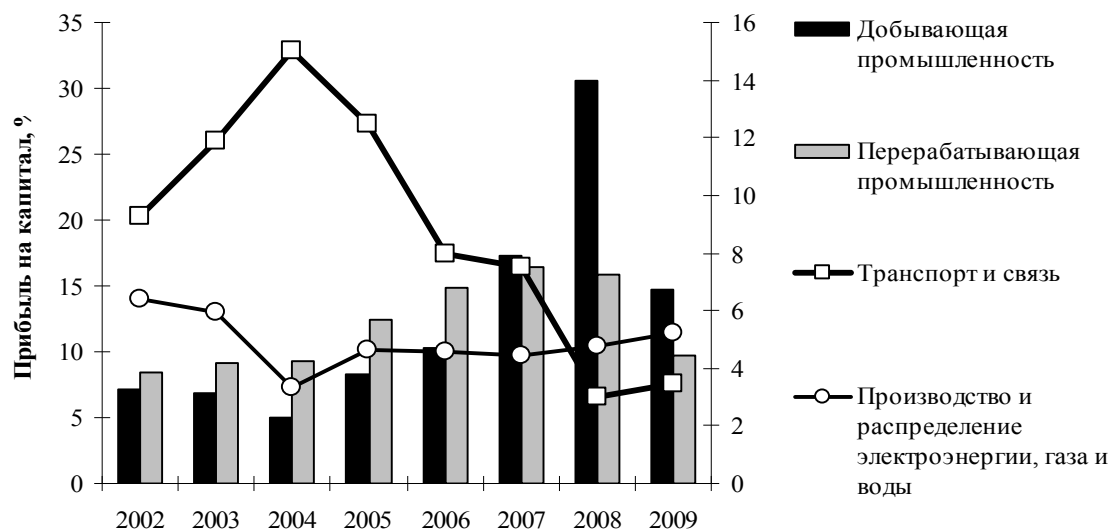

Рис. 3.14. Отраслевая динамика валовой прибыли на капитал

⁸² По данным Госкомстата Украины «Виробництво основних видів промислової продукції за 2003–2009 роки» и «Виробництво та розподіл валового внутрішнього продукту за видами економічної діяльності»

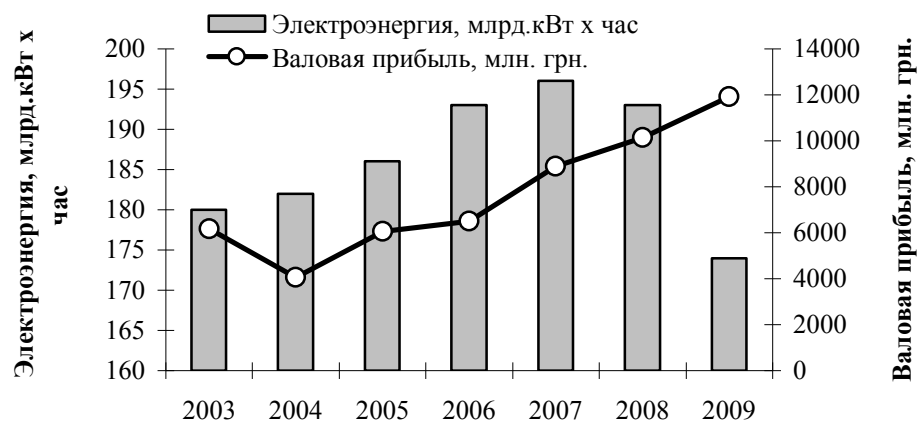

Рис. 3.15. Динамика натуральных объемов производства электроэнергии в сопоставлении с динамикой объемов валовой прибыли в отрасли

Противоречие между капиталом как институциональным образованием и капиталом как совокупностью средств производства не ограничивается его влиянием на распределительные процессы; оно проявляется в чувствительности объема инвестиций к рыночной конъюнктуре, диктуемое «правилами игры», которых придерживаются инвесторы. Модели макроэкономической динамики с учетом акселератора однозначно свидетельствуют о дестабилизирующей роли инвестиций, что никак не может объясняться чем-либо иным, кроме институциональной природы капитала. Известно, что единственным средством выхода из рецессии является рост объема инвестиций, которые в этот период как раз снижаются (рис. 3.16), а в период «бума» растут⁸³.

⁸³ Кейнс в этой связи предлагал не повышение ставки процента в период «бума», а, напротив, ее снижение для создания «квази-бума» как средства против рецессии: «...увеличение размера процента как средство исправления состояния дел, порожденного длительным периодом чрезмерно больших новых инвестиций, принадлежит к тем лекарствам, которые излечивают болезнь, убивая пациента». — «Общая теория занятости, процента и денег», глава 22 «Заметки об экономическом цикле»

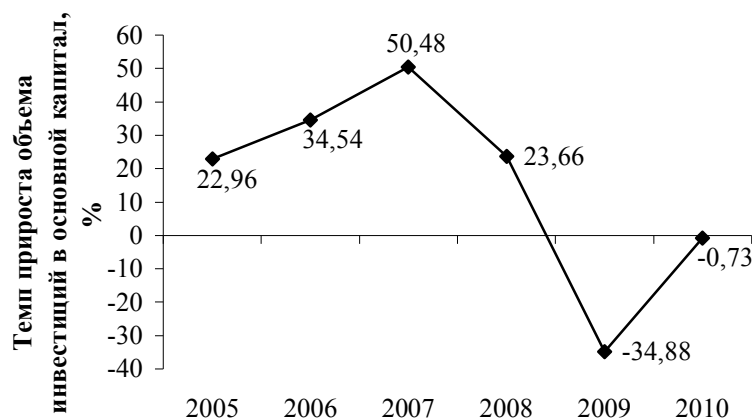

Рис. 3.16. Динамика темпов прироста объемов инвестиций в основной капитал в Украине (по данным Госкомстата)

По поводу капитализации дохода Кейнс [69] четко выразил свою мысль:

«Абсурдное, хотя чуть ли не всеобщее мнение, будто акт индивидуального сбережения – это такое же благо для эффективного спроса, как и акт индивидуального потребления, выросло на почве заблуждения, в сравнении с этим мнением более правдоподобного, будто растущее желание обладать богатством – это, в общем, то же самое, что и растущее желание инвестировать, и что оно поэтому создает путем повышения спроса на объекты прибыльного помещения капитала стимулы к их расширению. Выходит, таким образом, будто индивидуальное сбережение в такой же степени содействует текущим инвестициям, в какой оно уменьшает нынешнее потребление.

Это заблуждение из разряда тех, с которыми труднее всего расстаться. Оно порождается убеждением, будто владельцу богатства нужно капитальное имущество как таковое, тогда как его в действительности интересует ожидаемый доход от этого имущества. Ожидаемый же доход целиком зависит от предполагаемого в будущем эффективного спроса в его отношении к будущим условиям предложения. Поэтому, если акт сбережения никак не повышает ожидаемый доход, он и не будет стимулировать инвестиции».⁸⁴

Таким образом, капитал демонстрирует определенную устойчивую модель «поведения», критерием «правильности» которого в

⁸⁴ Дж. М. Кейнс «Общая теория занятости, процента и денег», глава 16 «Некоторые замечания о природе капитала»

этой модели является прибыль (процент); проблематика нетрудовых доходов – ренты, процента и прибыли – рассматривалась многими учеными. Сильвио Гезелль стал автором теории «отрицательного процента» («свободных денег»), а Дж. М. Кейнс рассматривал эвтаназию ранта как логичное завершение процесса накопления капитала, поскольку любой доход от владения ресурсами является следствием их редкости [69]. Эксперимент Гезелля со «свободной валютой» в Вергле оказался весьма успешным, что лучше любых академических рассуждений доказывает отрицательную роль процента в сфере общественного производства⁸⁵.

Одной из особенностей капитала, обусловленной его институциональной природой, является его способность менять формы (промышленный, финансовый, коммерческий и т.д.). Персонифицированный капитал функционирует в жестких институциональных рамках: он не может «изменить» внутреннему принципу накопления, не изменяя при этом своей сути.

Здесь следует сделать акцент на том, что накопление капитала не является объективным законом; рассматривая его как принятую норму поведения субъектов – владельцев капитала, мы, тем самым, хотим подчеркнуть его институциональную природу; а любой институт является «произведением» социума. При этом объективную природу имеет только системообразующий институт труда; он объективен постольку, поскольку человеческое общество обязано ему своим возникновением. Все остальные институты появились как более или менее легитимные способы реализации или согласования интересов

⁸⁵ Кейнс в «Общей теории занятости, процента и денег» отмечает заслугу Гезелля в создании теории «отрицательного процента».

индивидов, поэтому их природа и внутренние правила и нормы не имеют объективного характера. Представляется очевидным, что истинное назначение социальных институтов заключается в согласовании интересов; если же институты способствуют реализации интересов одной из сторон конфликта в ущерб не только другой стороне, но и социуму в целом, то мы имеем дело с артефактами, противоречащими базовым принципам системной интеграции.

Вытеснение института труда означает замену объективных законов развития общества искусственно созданными формальными негативными институтами, в рамках которых реализуются антисоциальные модели поведения отдельных индивидов и групп.

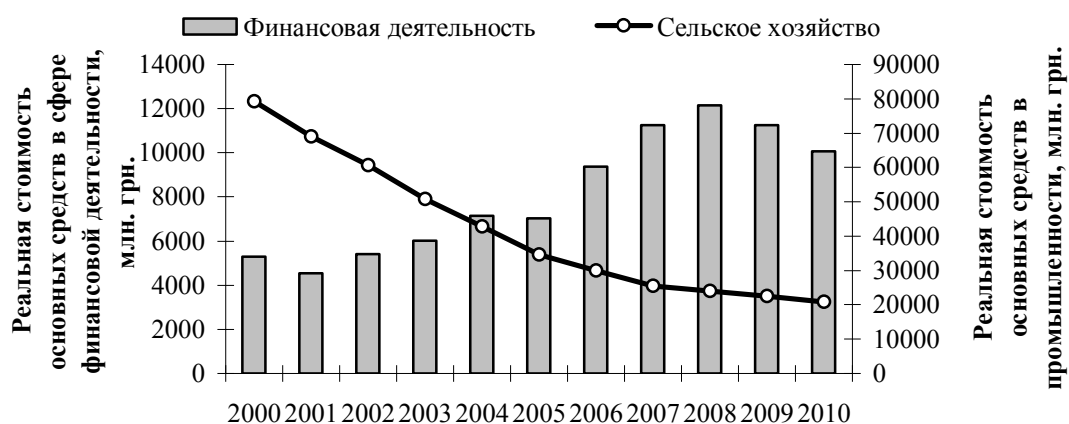

Рис. 3.17. Динамика реальной стоимости основных средств в сфере финансовой деятельности и в сельском хозяйстве Украины⁸⁶

Продолжая анализ институциональной природы капитала, следует отметить, что жесткое институционально оформленное правило накопления обуславливает гибкость форм капитала, обеспечивающую реализацию этого принципа в меняющихся внешних условиях. Это

⁸⁶ рассчитано по данным Госкомстата Украины

приводит к «перетоку» капитала в непроеизводственные сферы, где существуют более значительные возможности накопления (см. рис. 3.17).

Таким образом, развиваясь как формальный негативный институт, капитал оказывается все менее способен выполнять свою основную изначальную функцию повышения производительности общественного труда. Следует отметить, что эта дисфункция является следствием частной собственности на средства производства, превращающей капитал в самостоятельный институциональный феномен.

Проблема баланса между потреблением и капитализацией дохода не только сохраняет свою остроту, но и усугубляется усиливающимся перетоком капитала в непроеизводственные сферы, накоплением капитала военно-промышленного комплекса (рис. 3.18), криминализацией капитала в наркобизнесе, торговле людьми и т.д. Перераспределение ресурсов общества в непроедуктивную сферу само по себе является опасной тенденцией; однако если продукт капитала способствует снижению производительной силы социума, проблема вырастает на порядок.

По данным Стокгольмского международного института исследований проблем мира (SIPRI), основными поставщиками вооружения в мире в период с 2006 по 2010 гг. остаются США (доля в международном экспортном объёме сохраняется на уровне 30%); Россия (23% международных экспортных поставок); Германия (11%); Франция (7%) и Великобритания (4 %).

В 2008 году Украина опустилась на 14-е место в мировом рейтинге экспортёров вооружений: ее объем экспорта составил 233 млн. долл., тогда как в 2007 году она была на 7 месте с объёмом 774 млн долл. Динамика доли расходов на военные нужды в Украине (рис. 3.19)

к настоящему времени колеблется на уровне 2,8%.

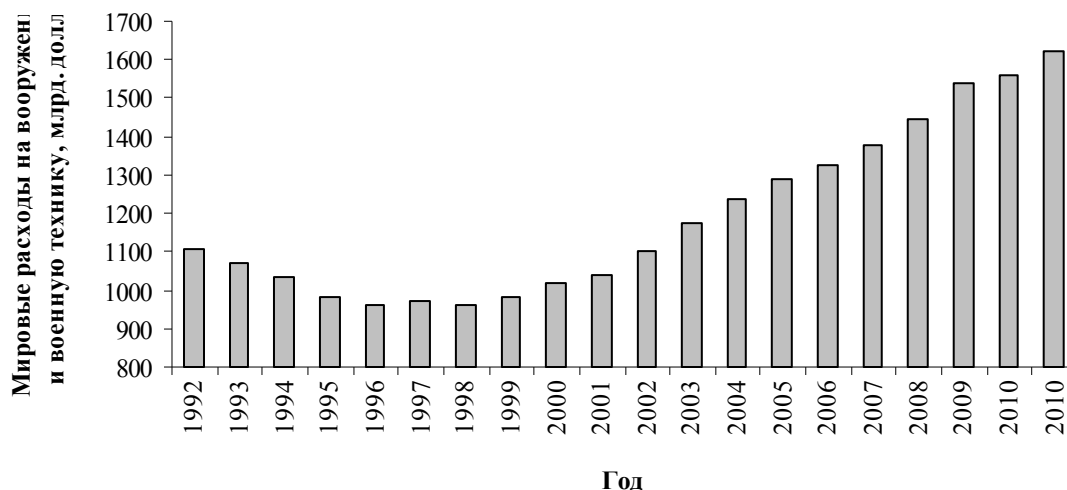

Рис. 3.18. Динамика мировых военных расходов⁸⁷

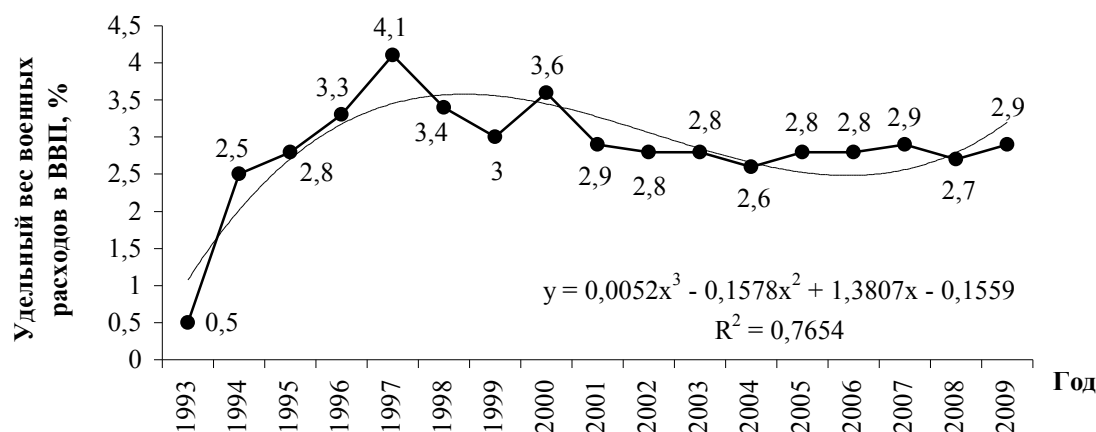

Рис. 3.19. Динамика удельного веса военных расходов в ВВП Украины⁸⁸

При этом связь между инвестициями в основной капитал и военными расходами в Украине имеет обратный характер (рис. 3.20).

⁸⁷ По данным Стокгольмского международного института исследований проблем мира (SIPRI), (режим доступа <http://milexdata.sipri.org/>). Исключенными странами являются: Афганистан, Гондурас, Ирак, катар и Вьетнам, Куба, Экваториальная Гвинея, Гайана, Гаити, Север Корея, Мьянмар, Сомали, Тринидад и Тобаго, Йемен (Юг), Югославия и Зимбабве.

⁸⁸ Источник: SIPRI

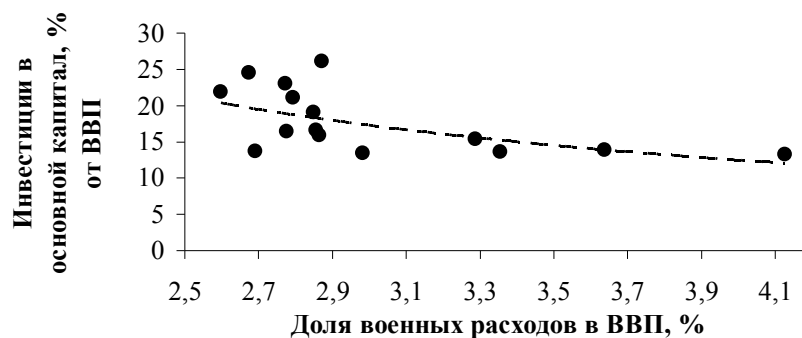

Рис. 3.20. Связь между инвестициями и военными расходами (в % от ВВП Украины) за период с 1996 по 2010 гг.

Коэффициент парной корреляции доли военных расходов и удельного веса инвестиций в ВВП Украины равен $-0,568$. Логическим следствием⁸⁹ этого является отрицательная (обратная) связь между ставкой заработной платы и долей военных расходов в ВВП (рис. 3.21, коэффициент парной корреляции $-0,615$).

Это отражает связь между трудовыми доходами и инвестициями в основной капитал: именно дефицит капитала становится сегодня основным препятствием роста спроса на труд в Украине, что более подробно будет рассмотрено далее.

Наркобизнес как сфера нелегального обращения капитала представляет собой не менее масштабное явление, в мировом масштабе сопоставимое с ВВП достаточно крупной страны.

Директор-исполнитель Управления ООН по наркотикам и преступности Антонио Мариа Коста в предисловии к Всемирному докладу о наркотиках за 2010 выразил убеждение, что «...производство

⁸⁹ Поскольку спрос на рынке труда Украины зависит от объема инвестиций в основной капитал, что было показано нами в [146, 149]

и незаконный оборот наркотиков являются одновременно причинами и следствиями бедности»⁹⁰.

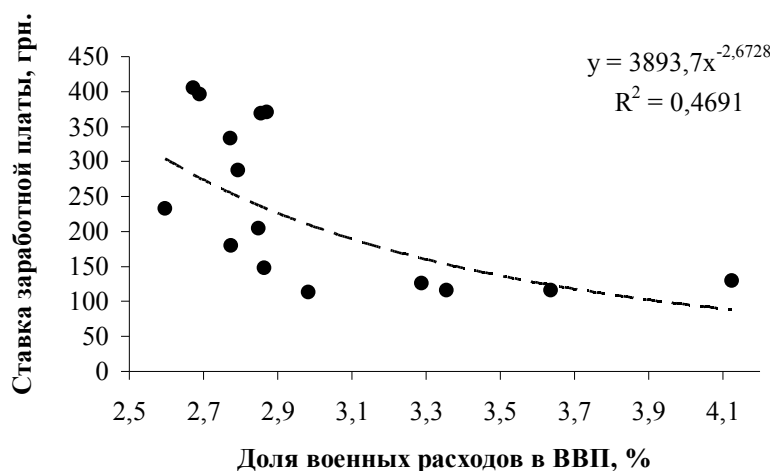

Рис. 3.21. Связь между реальной ставкой заработной платы (в ценах 1996 г.) и долей военных расходов в ВВП Украины за период 1996–2010 гг.

Стоимость общемирового рынка кокаина составляет, по оценкам ЮНОДК⁹¹, примерно 88 млрд. долл. США (оценки колеблются в диапазоне от 80 млрд. до 100 млрд. долл. США). Общемировое производство опиия (рис. 3.22) увеличилось с 4346 т в 1998 г.⁹² до 7754 т в 2009 году (на 78%). Мировой рынок опиатов в 2009 году оценивался в 68 млрд. долл. США, из которых 61 млрд. долл. США приходится на потребителей героина. Общая площадь культивирования опийного мака во всем мире в 2010 году составляла около 195 700 га.

⁹⁰ ЮНОДК, Всемирный доклад о наркотиках за 2010 год (Издание Организации Объединенных Наций, в продаже под № R.10.XI.13)

⁹¹ United Nations Office on Drugs and Crime (UNODC) – Управление ООН по наркотикам и преступности (<http://www.un.org/ru/ecosoc/unodc/>)

⁹² когда состоялась последняя специальная сессия Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций, посвященная проблеме наркотиков

По данным других источников, в 2004 году объем производства кокаина составил 687 т, а – опиатов – 4850 т. [172].

По оценкам ЮНОДК, в 2009 году в мировом масштабе хотя бы один раз запрещенные вещества употребляли от 149 до 272 млн. человек (3,3–6,1 % населения в возрасте 15–64 лет)⁹³.

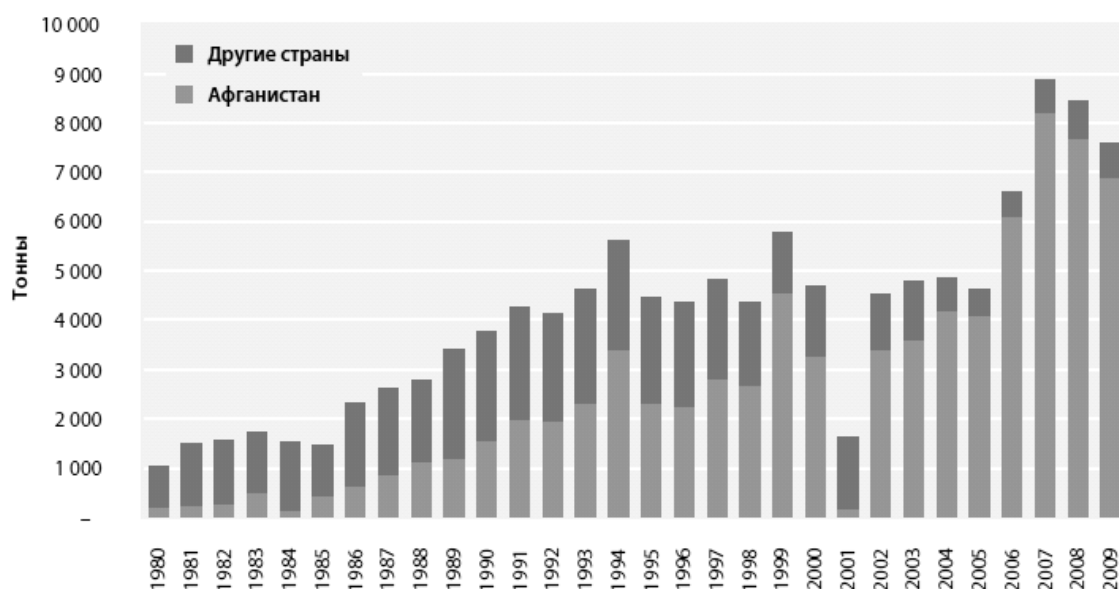

Рис. 3.22. Динамика общемирового потенциального производства опия⁹⁴

По заявлению директора ФСКН РФ, оборот наркотиков в мире на 8 % превышает торговый оборот в нефтегазовой сфере⁹⁵. По его оценке, в 2009 году в качестве ликвидного капитала для компенсации финансовых потерь в банки было направлено 352 миллиарда наркодолларов, а годовой оборот наркобизнеса составляет 500 миллиардов долларов.

⁹³ <http://www.un.org/ru/development/surveys/drugs.shtml>

⁹⁴ ЮНОДК, Всемирный доклад о наркотиках за 2010 год (Издание Организации Объединенных Наций, в продаже под № R.10.XI.13)

⁹⁵ <http://www.rg.ru/2010/11/22/drugs-anons.html>

Технический потенциал наркобизнеса постоянно растет; в этой сфере используются новейшие достижения научно-технического прогресса, самые современные средства вооружения и боеприпасы, системы электронного оснащения, новейшие методы обеспечения безопасности.

Таким образом, современные тенденции накопления капитала характеризуются снижением доли промышленного и возрастанием доли финансового капитала, а также растущей милитаризацией и криминализацией⁹⁶ капитала в мировом масштабе. В этом наиболее ярко проявляется противоречие между институциональной природой капитала и его функциональной ролью как элемента производительных сил.

Негативное влияние этих тенденций на трудовой потенциал очевидно: основная функция капитала – повышение производительности общественного труда – выполняется все хуже; благодаря гибкости форм капитала все большая часть населения оказывается за рамками процесса общественного производства или физически истребляется; накопление капитала сопряжено с сокращением воспроизводственного потребления. Самое главное – как следствие институционализации капитала возникает иллюзия его самодостаточности, т.е. способности функционировать независимо от активного элемента производительных сил.

⁹⁶ Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности принята резолюцией 55/25 Генеральной Ассамблеи от 15 ноября 2000 года – http://zakon.rada.gov.ua/cgi-bin/laws/main.cgi?nreg=995_789

3.4.2. Труд и капитал как элементы производительных сил

Очевидно, что при постоянной норме прибыли на непрерывно растущий капитал следствием будет перманентное возрастание доли общественного продукта, присваиваемой владельцами вещественных факторов. Это означает неизбежное нарушение баланса доходов труда и капитала, приводящее к сокращению воспроизводственного потребления.

С помощью модели Калдора (рис. 3.23) можно определить долю предпринимательской прибыли в национальном доходе ($\Omega^* = 13\%$), при котором будут созданы условия экономического роста в Украине⁹⁷. Однако, несмотря на явную тенденцию снижения значений этого показателя, фактические его значения значительно превышают этот критерий [152].

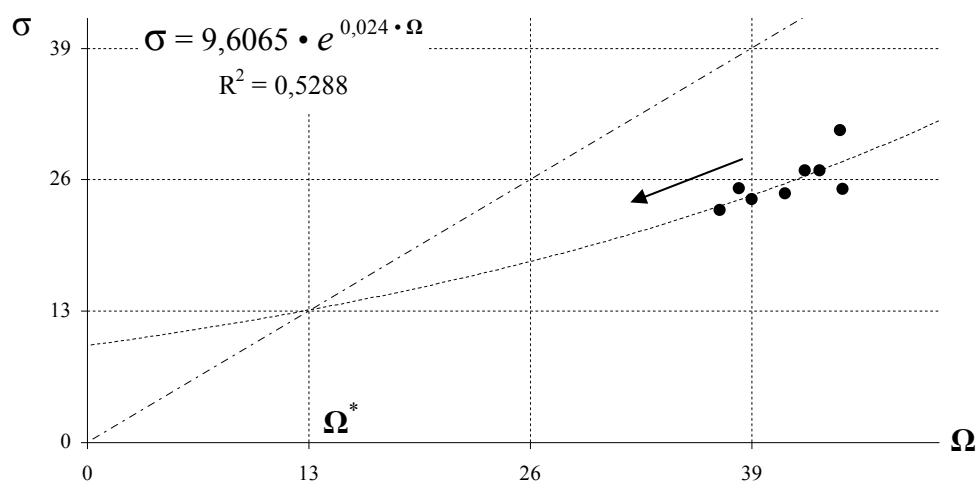

Рис. 3.23. Модель Калдора для экономики Украины (σ – норма сбережений, Ω – доля предпринимательской прибыли в национальном доходе)

⁹⁷ модель построена на основе данных Госкомстата Украины

В этом плане важнейшей методологической задачей является четкое определение критериев эффективности экономической системы; с одной стороны, в традиционном понимании под этим подразумевается эффективность использования ограниченных ресурсов, однако в этом определении нечетко обозначена цель функционирования экономики.

Если исходить из такой цели, как удовлетворение потребностей, то при таком подходе рыночная экономика окажется крайне неэффективной, поскольку степень удовлетворения потребностей обратным образом связана с уровнем дифференциации дохода. Игнорирование структуры потребностей и степени их удовлетворения по различным категориям населения неизбежно ведет к некорректному пониманию эффективности. Нельзя считать эффективной экономику, в которой остаются неудовлетворенными базовые потребности (нормальные жилищные условия, питание, здравоохранение) большей части населения, поскольку цель, сформулированная выше, не достигается, хотя при этом может наблюдаться рост ВВП. Важнейшим критерием эффективности экономики является качество трудовой жизни. Как уже говорилось, с точки зрения воспроизводственной эффективности, в первую очередь должны удовлетворяться потребности тех, кто непосредственно участвует в общественном производстве; это логично, поскольку без этих субъектов – носителей трудового потенциала и рабочей силы в определенном ранее смысле – будет происходить сжатие процесса общественного производства. Действительно, даже если принять неоклассическую производственную функцию Кобба–Дугласа:

$$Y = \beta \cdot K^{\alpha} \cdot L^{1-\alpha}, \quad (3.1)$$

то при любой эластичности замещения факторов полное исключение труда не представляется реальным. Поскольку творческой и созидающей компонентой производительных сил является все-таки труд (L), а произведенный капитал (K) является средством повышения производительности труда, очевидна его вспомогательная, а не основная роль в процессе создания добавленной стоимости (рис. 3.24).

Снижение добавленной стоимости (Y) при сокращении L и росте K происходит при любой эластичности замещения; причем, даже если темпы роста K значительно превосходят темпы снижения L , функция будет выпуклой, т.е., начиная с определенной точки, будет иметь убывающий характер.

Если же рассматривать производственную функцию Леонтьева:

$$Y = \min(\rho \cdot K, \lambda \cdot L), \quad (3.2)$$

то замещение труда капиталом в принципе невозможно; основной проблемой является соотношение производительности факторов ρ и λ , обеспечивающую их полную занятость:

$$\frac{L}{K} = \frac{\rho}{\lambda} \quad (3.3)$$

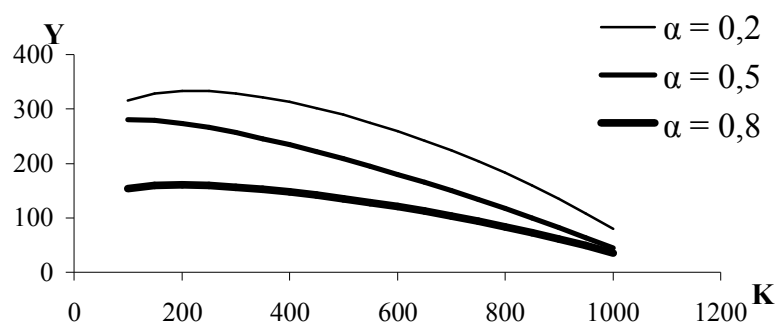

Рис. 3.24. Графики производственной функции Кобба-Дугласа при различных значениях эластичности замещения факторов в случае одинаковых темпов убывания фактора L и возрастания фактора K

Итак, предложение труда – важнейший фактор экономического роста. Общепринято считать, что объем предложения труда L зависит от ставки заработной платы. В этом смысле представляет интерес уравнение регрессии (3.4) со статистически значимыми коэффициентами, которое показывает влияние двух факторов на объем предложения труда в Украине за период с 1996 по 2010 гг. [148, 149]:

$$y = 3.6 \cdot x_1 + 0.07 \cdot x_2 - 2.66, \quad (3.4)$$

где y , x_1 , x_2 – коэффициенты роста относительно соответствующих показателей 1995 года: y – численности экономически активного населения; x_1 – численности населения в возрасте от 25 до 44 лет; x_2 – реальной ставки заработной платы (в ценах 1995 г.).

На рис. 3.25 показаны две кривых: кривая фактической динамики численности экономически активного населения Украины, и кривая,

полученная с помощью модели (3.4). «Оптимизм» модели в 2010 г. объясняется ростом численности населения 25–44 лет, в то время как в действительности уровень экономической активности при этом снизился.

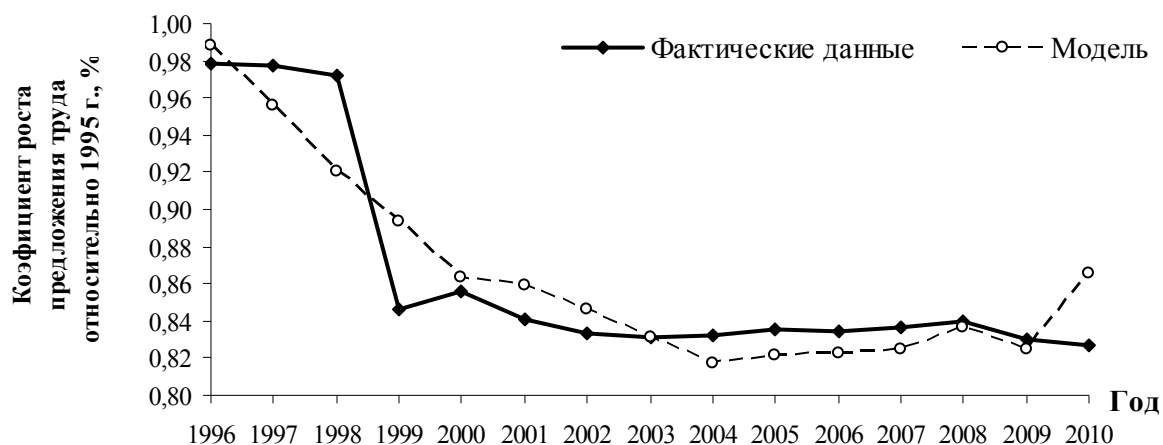

Рис. 3.25. Сравнение графиков фактической динамики уровня экономической активности с данными модели (3.4)

Итак, решающим фактором предложения труда в Украине, согласно полученной модели (3.4), является не ценовой, а демографический фактор – численность населения в возрасте 25–44 лет [148, 149]. Но именно эта возрастная группа в Украине демонстрирует наиболее выраженную тенденцию сокращения численности; при этом – парадокс – по данным Госкомстата реальный ВВП в Украине растет. Даже если допустить, что производственная функция экономики Украины является функцией Кобба–Дугласа с высокой эластичностью замещения факторов, то и в этом случае «рост» ВВП все-таки остается «загадочным», поскольку, как было показано выше, степень износа основного капитала в базовых отраслях экономики Украины достигла критических значений, а валовой объем инвестиций в Украине

значительно ниже восстановительного уровня, что является одной из основных причин роста издержек производителей⁹⁸.

Тот факт, что недостаточность инвестиций, а не рост ставки заработной платы, является негативным фактором спроса на труд в Украине, подтверждается уравнением регрессии (3.5) со статистически значимыми коэффициентами [148, 149]:

$$y = -0.275 \cdot x_1 + 1.4 \cdot x_2, \quad (3.5)$$

где y – относительный рост неудовлетворенного спроса на рабочую силу; x_1 – относительный рост реальной ставки заработной платы; x_2 – относительный рост объемов инвестиций в основной капитал:

$$y = \frac{L_t^D}{L_{t-1}^D}; \quad x_1 = \frac{W_t}{W_{t-1}}; \quad x_2 = \frac{I_t}{I_{t-1}}.$$

(L_t^D , L_{t-1}^D – спрос на рынке труда в текущем и предыдущем периоде, соответственно; W_t , W_{t-1} – ставки заработной платы в соответствующих периодах; I_t , I_{t-1} – инвестиции в текущем и предыдущем периодах).

Из уравнения (3.5) видно, что влияние ставки заработной платы является незначительным в сравнении с влиянием динамики объема инвестиций.

Без учета влияния инвестиций в основной капитал это уравнение принимает вид (коэффициенты статистически значимы):

$$y = -0.218 \cdot x_1 + 1.495, \quad (3.6)$$

⁹⁸ ввиду растущего износа основных средств

где y , x_1 те же, что и в уравнении (3.5).

На рис. 2 показанные обе модели: модель 1 – уравнение (3.5), модель 2 – уравнение (3.6), а так же график относительного роста фактических значений неудовлетворенного спроса и график относительной динамики уровня занятости.

По графикам рис. 3.26 видно, что вариация объема инвестиций существенно отражается на динамике спроса на труд. Однако значительные отклонения показателей модели от фактических (см. рис. 2) требует дополнительного исследования факторов, которые определяют динамику уровня спроса на труд в Украине.

Если рассмотреть не цепные индексы роста показателей, а индексы их роста относительно 1995 г., то динамика спроса на труд в Украине описывается следующим уравнением регрессии (коэффициенты статистически значимы):

$$y = -75.2 \cdot x_1 + 16.49 \cdot x_2 - 1.4 \cdot x_3 + 73.37 \quad (3.7)$$

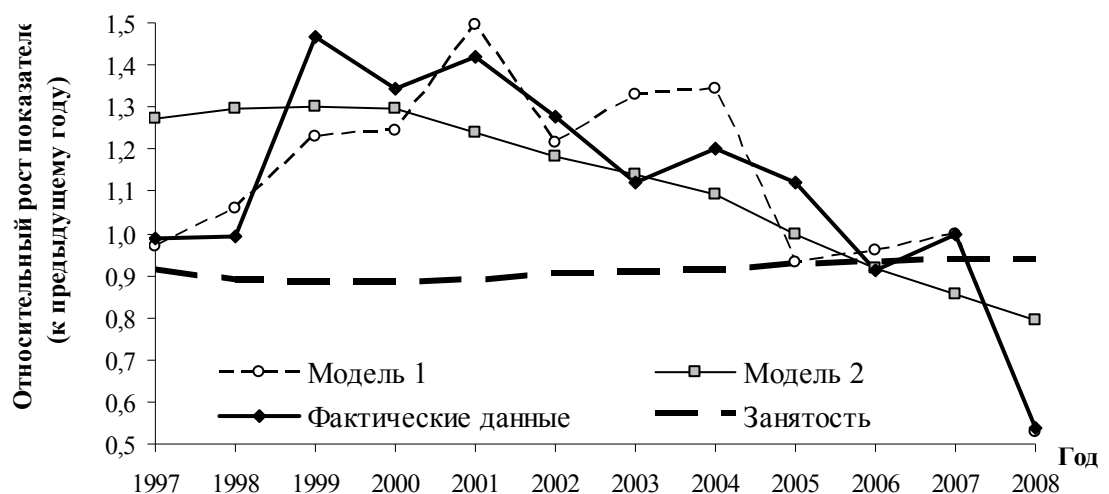

Рис. 3.26. Сопоставление моделей (3.5) и (3.6) с фактическими значениями относительного роста показателей

где y – относительный рост спроса на рабочую силу, %; x_1 – относительный рост численности населения в возрасте 25–44 лет, %; x_2 – удельный вес инвестиций в основной капитал в валовом доходе (%); x_3 – относительный рост реальной ставки заработной платы (%).

Полученная модель и график фактической динамики относительного роста спроса на труд показаны на рис. 3.27.

Из уравнения (3.7) видно, что доминирующим фактором спроса на рынке труда в Украине является численность населения в возрасте 25–44 лет; влияние инвестиций в основной капитал значительно меньше, а влияние ставки заработной платы по сравнению с другими факторами модели совсем незначительно. При этом вариация значений демографического фактора связана с качеством трудовой жизни, т.е. распределительными процессами, детерминируемыми на институциональном уровне; этот фактор является доминирующим также в модели предложения труда (3.4).

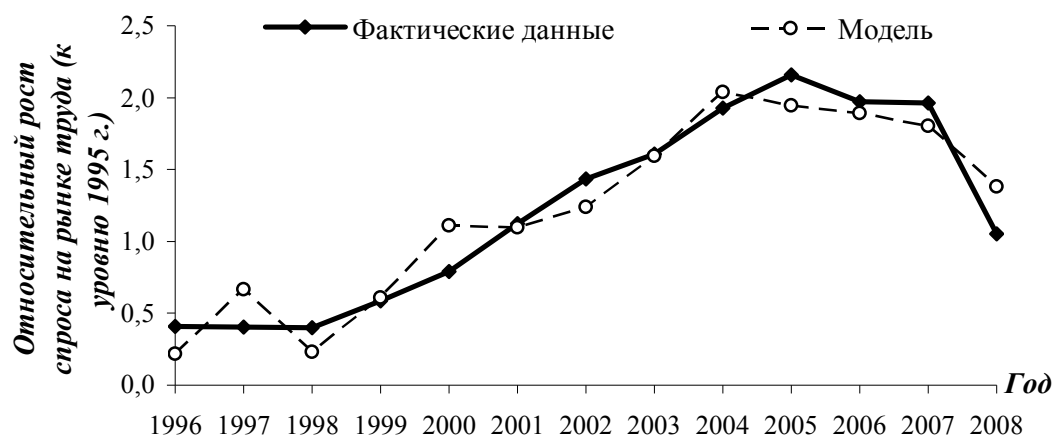

Рис. 3.27. Сопоставление графиков фактической динамики уровня спроса на труд с данными модели (3.7)

Приняв динамику численности населения постоянной, равной среднему значению за данный период, можно построить кривые спроса и предложения на рынке труда Украины (рис. 3.28).

Кривая спроса на труд L_1^D построена в соответствии с моделью 2, а кривая L_2^D – в соответствии с моделью 1. Сопоставление моделей позволяет заметить, что инвестиции приводят к сдвигу кривой спроса на труд вверх (L_2^D). Выгнутая форма кривой свидетельствует о наличии демографической ловушки, обусловленной низким уровнем качества трудовой жизни и жесткостью рынка труда в Украине, следствием чего является убывание численности и ухудшение качественного состава трудовых ресурсов. Причиной деградации трудового потенциала Украины являются институциональные факторы, в силу чего следует рассматривать сложившуюся ситуацию как институциональную ловушку [148, 149].

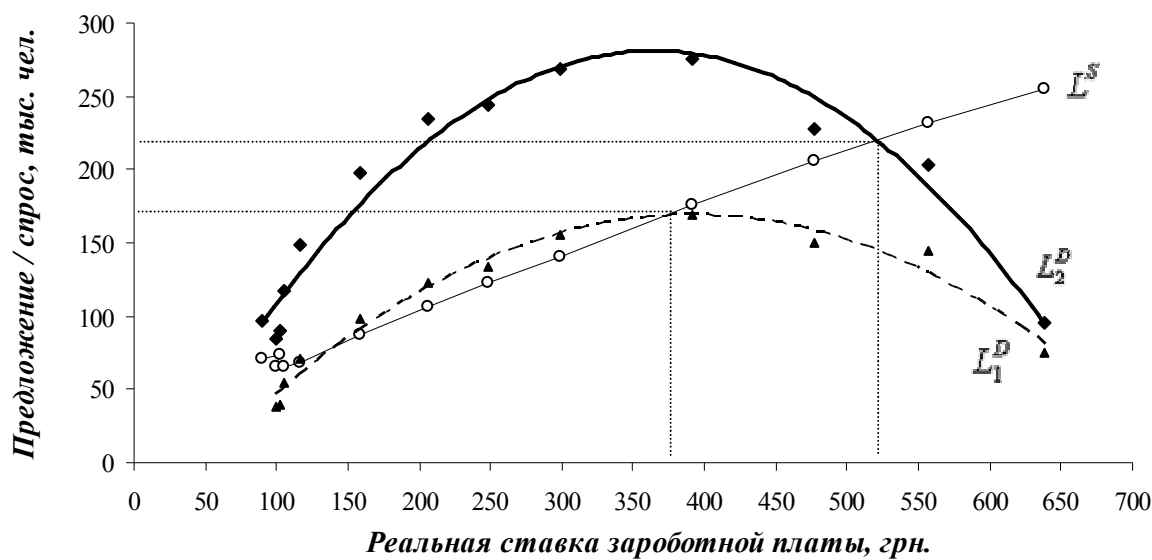

Рис. 3.28. Кривые спроса и предложения на рынке труда в Украине

Механизм действия институциональной ловушки проявляется также в теневой занятости и скрытой безработице.

Восходящие участки кривых спроса на труд (см. рис. 3.28) можно заменить горизонтальными отрезками, поскольку снижение ставки заработной платы не может привести к снижению спроса на труд (рис. 3.29).

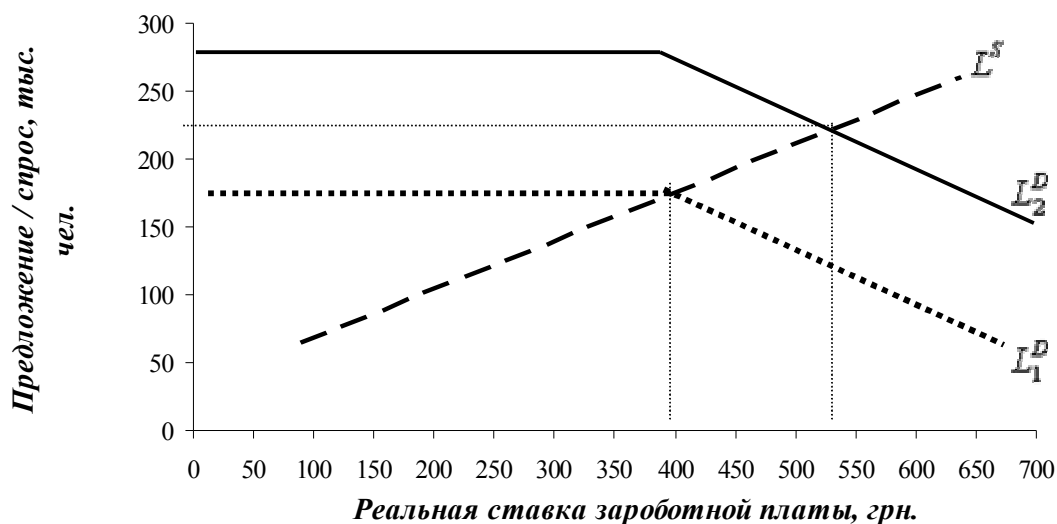

Рис. 3.29. Модель рынка труда в Украине

Механизм институциональной ловушки обнаруживается в низком уровне социальных стандартов, что в сочетании с рыночной системой распределения дохода приводит к гарантированному снижению качества жизни большей части населения, следствием чего является депопуляция.

Модель динамики смертности и рождаемости в зависимости от роста ставки заработной платы представлена на рис. 3.30.

Подводя итог, следует сказать, что основной проблемой Украины остается недостаточность инвестиций в основной капитал, порождающей отставание украинской экономики по уровню технологического развития от развитых стран и усиление инфляции

издержек, растущий дефицит бюджета, являющийся следствием снижения деловой активности и роста теневого сектора экономики. Дефицит бюджета не только препятствует проведению широкомасштабных правительственных мероприятий по выводу экономики из кризиса, но и является причиной усиления налогового пресса на экономику Украины.

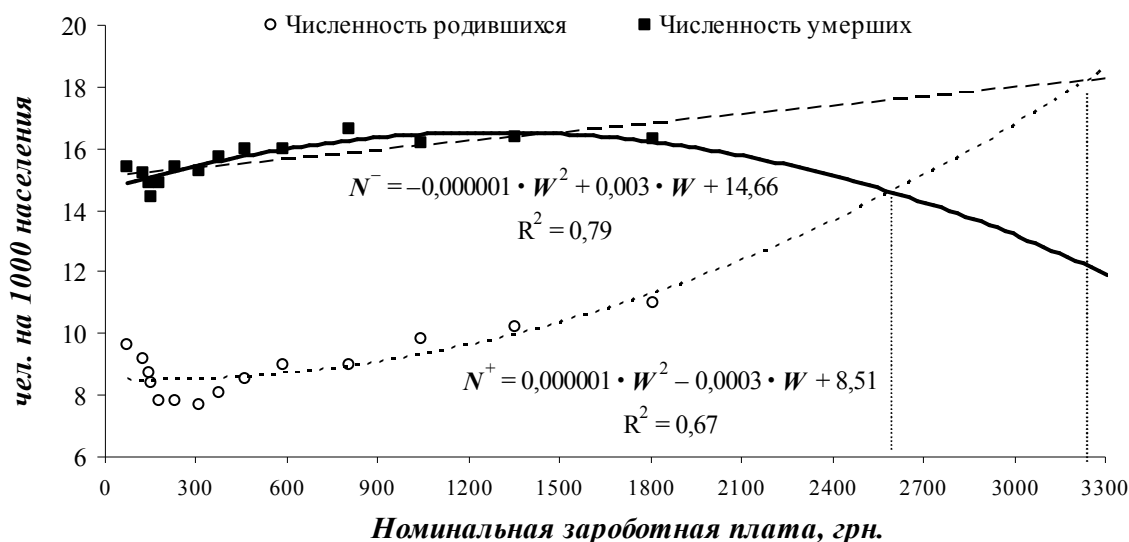

Рис. 3.30. Модель динамики рождаемости и смертности в Украине в зависимости от номинальной ставки заработной платы⁹⁹

Однако рассматривать только «механические» проблемы экономики Украины в отрыве от социальных проблем и вне контекста институциональной среды означает игнорировать почву, на которой эти проблемы произрастают, и благодатную среду, в которой «размножаются» «вирусы», поражающие национальную экономику. Экономика Украины характеризуется не только высокой степенью износа основных средств и моральной изношенности технологий, но и

⁹⁹ Построено по данным Госкомстата Украины

высокими транзакционными издержками общественного воспроизводства. При этом ни рыночные институты, ни институты государственного управления в Украине не обеспечивают их снижения.

Заявление Коуза, что [79, с. 33]:

«...экономическая политика предполагает выбор между альтернативными социальными институтами, а они создаются силой закона или зависят от него»

не выдерживает критики: далеко не все социальные институты созданы законодательной властью; в основе всей институциональной системы лежит единственный пра-институт – институт труда. Даже игнорируя его социализирующую и системообразующую роль, все-таки не представляется возможным обосновать появление института труда как результат функционирования института власти.

3.5. Институциональные условия формирования трудового потенциала Украины

3.5.1. Неформальные негативные институты

Важнейшей функцией государства в экономике является перераспределение дохода, поскольку рыночный механизм не способен обеспечить оптимальное соотношение между доходами труда и капитала, что наглядно демонстрирует модель Калдора (см. рис. 3.23), построенная для экономики Украины [152]. По выражению Стиглица [134, С. 199]:

«...долгая история политических реформ свидетельствует о том, что важную роль играет структура распределения дохода».

В результате растущей дифференциации доходов накопление капитала не обеспечивается соответствующим ростом совокупного

спроса, что приводит к его экспорту, перетеканию в финансовую сферу, нарушению пропорций между производительной и непроизводительной сферами экономики. Происходит «замораживание» сбережений при наличии острого дефицита автономных инвестиций в основной капитал. Таким образом, предпринимательский сектор в Украине, «изымая» большую часть национального дохода, не инвестирует этот доход в средства производства. Более того, существенная часть национального дохода «вымывается» из Украины в оффшорные зоны.

Социальные последствия несовершенной системы распределения, ведущей к росту дифференциации доходов, проявляются в деградации трудового потенциала Украины. Уровень жизни населения Украины снижается, растет потребительская задолженность, реальная заработная плата не выполняет воспроизводственной функции. Миграционные потоки, несмотря на улучшение количественных показателей, продолжают снижать конкурентоспособность национальной экономики: хотя сальдо миграции стало положительным, качественный состав рабочей силы, покидающей Украину, превосходит качественный состав «входящего» потока.

Институт государственного управления в Украине не только не обеспечивает эффективное перераспределение дохода, но и «вносит свою лепту» в усиление дифференциации за счет несовершенства системы налогообложения. В Украине доминирует регрессивное по своей сути косвенное налогообложение: население отдает существенную часть своего дохода государству в виде налогов на потребление, размер которых не зависит от уровня дохода. Коррупционный механизм возмещения НДС обеспечивает дополнительное перераспределение, приводящее к усилению дифференциации доходов.

Однако на этом проблемы институциональной среды в Украине не заканчиваются. Слабость формальных институтов в плане выполнения ими своих функций в экономике приводит к формированию неформальных институтов, «заполняющих пустоту». Эти неформальные институты имеют негативный характер, т.е. сложившийся в рамках этих институтов привычный образ действий субъектов наносит значительный ущерб национальной экономике, способствуя росту транзакционных издержек. К наиболее мощным неформальным негативным институтам в Украине относятся институт коррупции и институт теневой экономики.

Мощный неформальный негативный институт коррупции способствует перераспределению дохода в пользу чиновников и неэффективному распределению производственных ресурсов в экономике. Поскольку этот институт существует в рамках института государственного управления, последний не может функционировать нормально, поскольку большинство формальных норм «подменяются» неформальными негативными правилами.

В рейтинге глобальной антикоррупционной неправительственной организацией Transparency International за 2010 г. по уровню коррупции Украина заняла 134 место среди 178 стран мира¹⁰⁰. Международная организация Freedom House обнародовала отчет о политической свободе и гражданских правах в мире за 2009 г., в котором указаны негативные аспекты украинской демократии, к которым эксперты Freedom House, в частности, отнесли рост уровня коррупции в стране.

Неэффективное распределение производственных ресурсов осуществляется при непосредственном участии второго неформального

¹⁰⁰ Индекс восприятия коррупции Transparency International является комплексным индексом, состоящим из 13 различных исследований мнения экспертов и бизнесменов. Исследование проводилось в январе 2009 – сентябре 2010 гг.

негативного института – института теневой экономики. Тот факт, что теневая экономика не только не контролируется государством, но и не вписывается в структуру рыночных институтов, очевиден. Рыночный механизм конкурентного ценообразования не реализуется в силу того, что подпольные «цехи» снижают издержки за счет использования сырья неконтролируемого качества и нарушения технологических норм, а также за счет уклонения от уплаты налогов, что обеспечивает теневому бизнесу безусловные преимущества в сравнении с легальным. Это способствует «закреплению» такого способа действий экономических субъектов в виде мощного неформального института.

Институт коррупции – это совокупность неформальных правил и принятых способов уклонения от ответственности за нарушение формальных правил и законодательных норм. Институт теневой экономики не смог бы существовать без такой «системы безопасности», поскольку риск (а, значит, и издержки) был бы слишком значителен. Предприниматель принимает решение о легализации своего бизнеса, сопоставляя расходы на «оплату услуг» государственных чиновников, обеспечивающих «безопасность» теневого бизнеса, с издержками ведения легального бизнеса и участия в открытой конкуренции с другими производителями.

В таких условиях снижается социальная ответственность бизнеса, и предприниматель минимизирует свои расходы и максимизирует прибыль не путем усовершенствования технологий, а более «легким» способом, который обеспечивает ему институт коррупции.

Институциональную матрицу, сложившуюся в Украине, следует рассматривать как болезненную мутацию; формальные институты существуют в большей степени декларативно, а реально функционируют их «заменители» – неформальные негативные институты. Эти реалии

следует учитывать при оценке перспектив экономического роста, поскольку трансакционные возможности экономики оказываются настолько низкими, что наращивание производственного потенциала лишено экономического смысла – в условиях деформированной институциональной среды любые инвестиционные и инновационные проекты будут неэффективными.

3.5.2. Институт государственной власти и трудовой потенциал

Рынок труда является фундаментом национальной экономики, а трудовые ресурсы – той основой, без которой ее функционирование прекращается, теряется смысл ее существования и движущая сила развития. Таким образом, рынок труда не равнозначен другим элементам экономической системы, гибкость которых позволяет достаточно быстро восстанавливать нарушенное равновесие. Его сжатие в результате изменения конъюнктуры происходит значительно быстрее, чем восстановление и расширение. Инвестиции в трудовой потенциал, накапливаемые десятилетиями, могут быть утилизированы на протяжении нескольких лет, а иногда – месяцев. Высокая мобильность трудовых ресурсов в условиях глобализации обеспечивает еще большую гибкость рынка труда в сторону его сжатия.

Рынок труда отображает самые острые противоречия социально-экономической системы и поэтому является самым чувствительным к институциональным сдвигам. Процессы, которые происходят на рынке труда, определяют долгосрочные перспективы экономики, что выводит на первый план проблему его стабилизации и эффективной регуляции.

Инфляция дестабилизирует рынок труда за счет перераспределения дохода от фактора «труд» к фактору «капитал»; однако некорректная антиинфляционная политика отражается на рынке

труда в Украине в значительно большей степени, усиливая и без того критическую ситуацию. Возникает вопрос приоритетности антиинфляционной политики в совокупности мер по стабилизации экономики с точки зрения основных целей ее функционирования [134, С. 110]:

«...Фискальная экономия, проводимая в жизнь слепо, при несоответствующих обстоятельствах, может вести к высокой безработице и развалу социального контракта».

Во-первых, следует ответить на вопрос, допустимо ли цель функционирования экономики рассматривать в отрыве от целей социального прогресса. Если для снижения темпов инфляции принести в жертву не потребителя вообще, а конкретного, наиболее уязвимого потребителя, чей доход образуется из единственного источника – оплаты его труда, то будет ли завтра численность и качественный состав трудовых ресурсов отвечать потребностям экономики?

Во-вторых, прежде чем проводить политику, направленную на ограничение совокупного спроса, нужно четко установить, является ли основной причиной роста цен в Украине сдвиг кривой потребительских расходов. Представляется достаточно очевидным, что в Украине доминирует инфляция издержек, обусловленная высокой степенью изношенности основных средств и высокой энергоемкостью экономики. В таких условиях рост мировых цен на энергоносители будет устойчивым и мощным инфляционным фактором, против которого бессильны монетарные методы борьбы и жесткое давление на совокупный спрос. Более того, снижение совокупного спроса в таких условиях неизбежно приводит к росту издержек производителей и снижению инвестиционной активности.

В-третьих, нужно адекватно оценить «вклад» государственной регуляции в инфляционные процессы. Резкое увеличение объемов

денежной массы на фоне снижения объемов производства в результате масштабного рефинансирования коммерческих банков в 2008 г. является очередным проявлением бессистемного подхода к экономическому регулированию, когда ликвидация банковского кризиса обходится ценой невероятной инфляционной нагрузки на всю национальную экономику. Но это одноразовый инфляционный импульс, в отличие от перманентной причины инфляции издержек, хотя последствия такого импульса имеют долгосрочный характер. Еще одной причиной инфляции в Украине является стабильно растущий дефицит бюджета, который сам по себе является следствием целого ряда причин, среди которых, вместе с ростом масштабов нелегальной экономики и сокращением поступлений импортной пошлины¹⁰¹, далеко не последнее место занимает сжатие рынка труда в результате трудовой миграции (рис. 3.31), следствием чего является снижение объемов поступления прямых налогов в государственный бюджет.

Что касается инфляции спроса, то неучтенным неценовым фактором является нерегистрируемый объем миграционного капитала [122, 125], который, по оценке А. Гайдука, составляет более 21 млрд. долл. США. Однако масштаб влияния этого фактора не сопоставим ни с одним из ранее перечисленных ввиду высокой предельной склонности к импорту в Украине (рис. 3.32), что означает вытеснение отечественного производителя с внутреннего рынка страны, и, как следствие, сокращение занятости. В таких условиях борьба с инфляцией означает борьбу с собственным населением и усиление разрушительных тенденций в сфере национального производства [134, С. 190]:

¹⁰¹ в результате вступления Украины в ВТО

«Есть достаточно оснований полагать, что излишнее рвение в борьбе с инфляцией может подавить экономический рост».

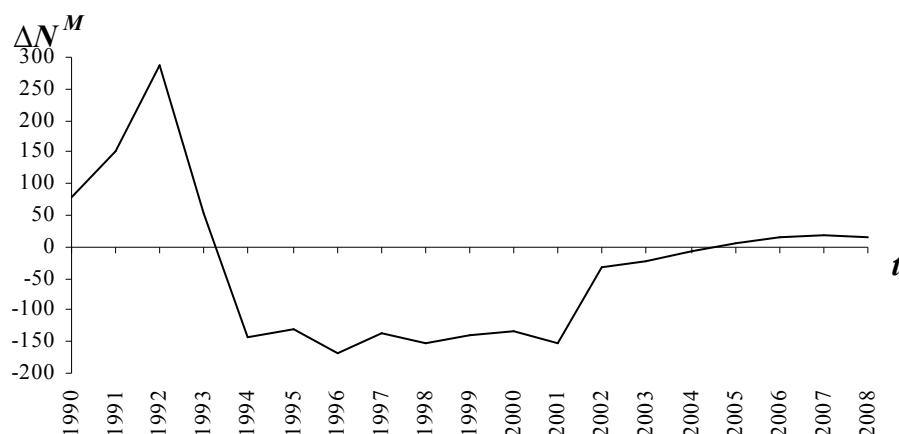

Рис. 3.31. Динамика сальдо миграционного потока (ΔN^M) в Украине

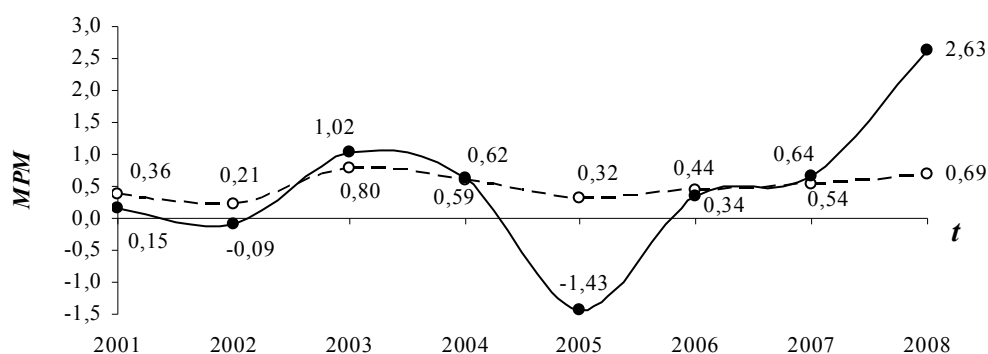

Рис. 3.32. Динамика предельной склонности к импортированию (MPM) в Украине (пунктирной линией показанная динамика реальных значений)

Расходы малообеспеченных слоев населения наиболее чувствительны к изменению дохода. С другой стороны, потребление большей части населения наиболее чувствительно к росту не прямых налогов (рис. 3.33). Давление на совокупный спрос путем

налогообложения потребления в существующих реалиях является следствием неправильной оценки причин инфляции.

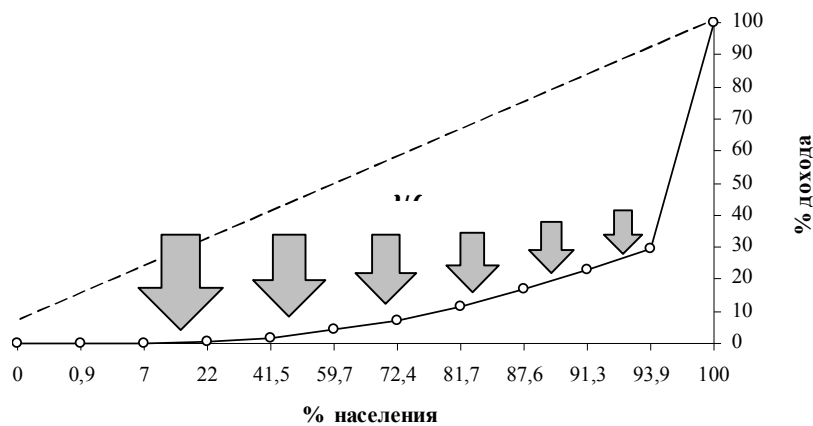

Рис. 3.33. Кривая Лоренца в 2009 г. (по данным Госкомстата Украины)

По графикам рис. 3.34 (2000–2007 гг.) можно заметить, что объем поступлений в государственный бюджет налогов на производство и импорт ($T^{indirect}$) значительно превышает объем поступлений прямых налогов (T^{direct} – налоги на доходы и имущество).

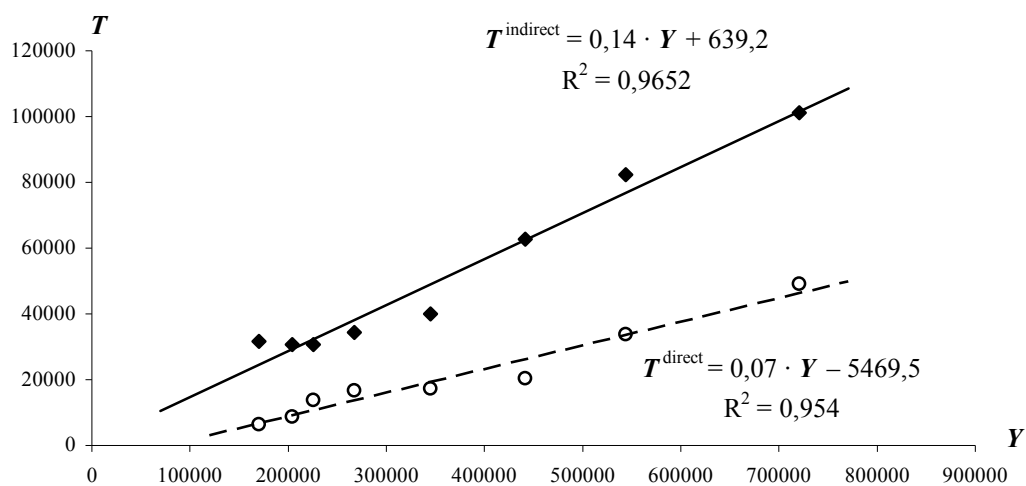

Рис. 3.34. Динамика объемов налоговых поступлений не прямых ($T^{indirect}$) и прямых (T^{direct}) налогов в Украине

Предельная ставка косвенных налогов в два раза выше предельной ставки прямых налогов, то есть четко обозначилось растущее доминирование косвенного налогообложения.

По данным ГНА Украины, в 2003 году основная часть налоговых поступлений была обеспечена плательщиками, годовой доход которых был в пределах 50 тыс. грн. (табл. 3.2).

Таблица 3.2.

**Распределение плательщиков по размерам годового дохода в 2003 г.
по данным формы № 8ДР (по состоянию на 04.08.2004 г.)**

Годовой доход, тыс. грн.		Численность плательщиков		Годовой доход группы		Уплаченный налог	
от-до	средний	человек	%*	грн.	%**	грн.	%**
до 5	1,6	17781457	76,7	28279756000	27,1	3427622170	26,0
5-50	10	5312293	22,9	53103293760	50,9	8797828583	66,6
50-500	135,5	95799	0,4	12986006041	12,5	919324987	7,0
500-5000	1147,2	5197	0,022	5962027074	5,7	56078192	0,4
Более 5000	12585	310	0,001	3901355627	3,7	5710495	0,043
Всего	4,5	23195056	100,0	104232439483	100	13206564428	100,0

* от общей численности

** от общего объема

Рис. 3.35 отражает неравномерность распределения налоговой нагрузки в зависимости от среднего дохода плательщиков в 2003 г.

Таким образом, увеличивая бремя косвенного налогообложения, государство сознательно идет на увеличение диспропорций в распределении и усиление имущественного неравенства. Сокращение социальных расходов бюджета в таких условиях является гарантией значительного снижения уровня жизни и социальной мобильности населения.

Рост косвенных налогов не приводит к снижению уровня цен в экономике, но увеличивает непропорциональность распределения дохода, а так же его перераспределение в интересах крупного капитала

через коррупционный механизм возмещения НДС, тем самым критически усиливая ситуацию на рынке труда.

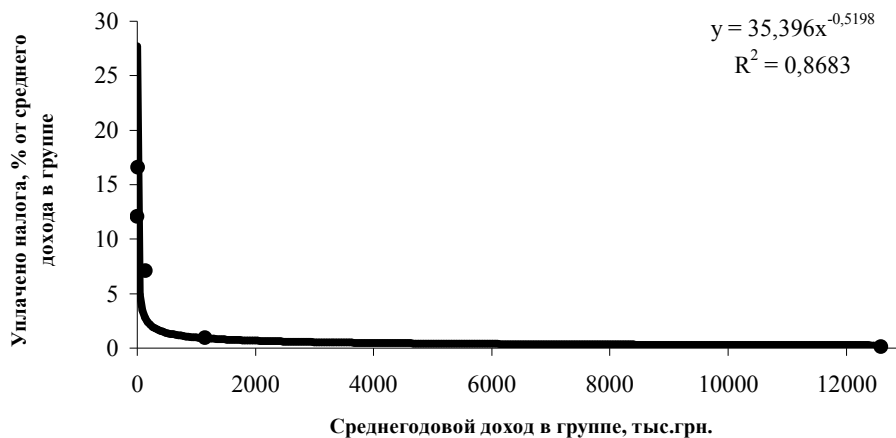

Рис. 3.35. Связь между средним значением дохода в группе налогоплательщиков и удельной весом уплаченных налогов в доходе

На рис. 3.36 показаны краткосрочные кривые Филлипса для экономики Украины за периоды: 1997–1999 гг., 2002–2004 гг., 2005–2007 гг. (кривые построены в предположении, что полная занятость соответствует уровню экономической активности 1996 года, т.е. $L^* = L_{1996}^D$).

Заметно (рис. 3.36), что если в краткосрочном периоде наблюдается линейная связь между уровнем безработицы и годовыми темпами роста ставки заработной платы, то в долгосрочном периоде такой связи не обнаруживается (все три кривые имеют различные углы наклона, при этом в 2005–2007 гг. кривая имеет положительный угол наклона и коэффициент детерминации равен единице).

При этом уровень безработицы в этот период достигает наименьших значений. На рис. 3.37 показана зависимость между уровнем безработицы и уровнем цен в экономике Украины за период 2000–2007 гг.

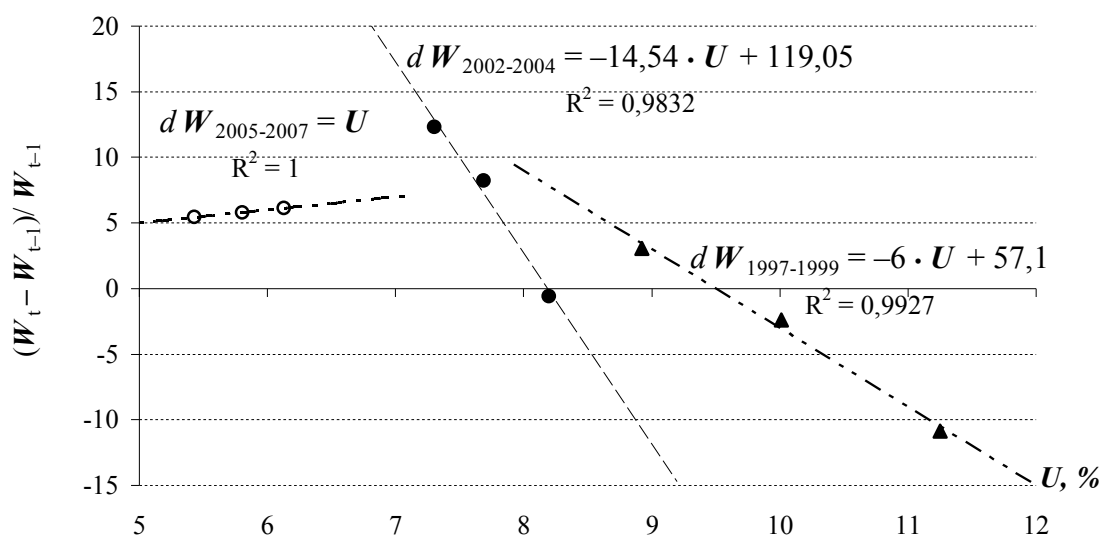

Рис. 3.36. Связь между годовыми темпами роста ставки заработной платы dW и уровнем безработицы U в краткосрочных периодах в Украине

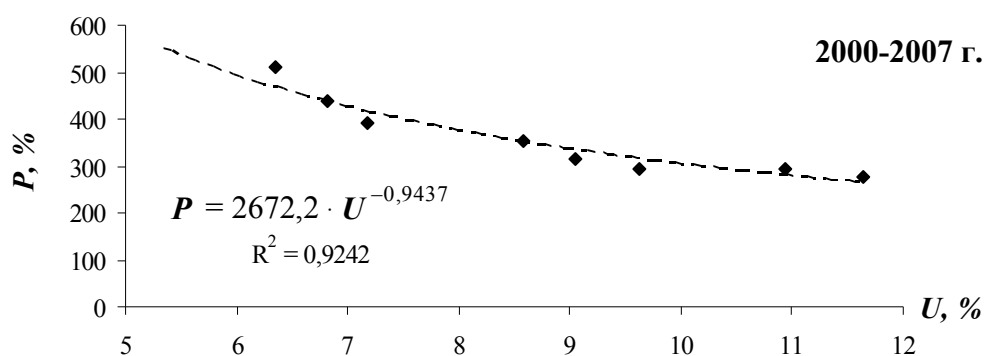

Рис. 3.37. Модифицированная кривая Филлипса для экономики Украины

Для более продолжительных периодов связь не наблюдается, что подтверждает тот факт, что модифицированная кривая Филлипса (кривая Самуэльсона–Солоу) описывают зависимости краткосрочного периода. На рис. 3.38 кривые Филлипса построены для краткосрочных периодов: 1996–2000 гг., 2001–2004 гг., 2005–2007 гг. Нетрудно

заметить, что в период 1996–2000 гг. в Украине наблюдался рост уровня цен на фоне роста уровня безработицы, т.е. в этот период в экономике Украины кривая Филипса имеет положительный наклон, что означает стагфляцию (рис. 3.38):

$$P_{1996-2000} = 10,34 \cdot U^{1,26}.$$

При этом рост уровня безработицы происходит на фоне снижения численности экономически активного населения.

В 2001–2004 гг. кривая Филлипса принимает отрицательный наклон (рис. 3.38) – безработица начинает снижаться, а уровень цен в экономике растет. Уравнение Филлипса для этого периода принимает вид (коэффициент детерминации равен 0,657):

$$P_{2001-2004} = 1527,3 \cdot U^{-0,7035}.$$

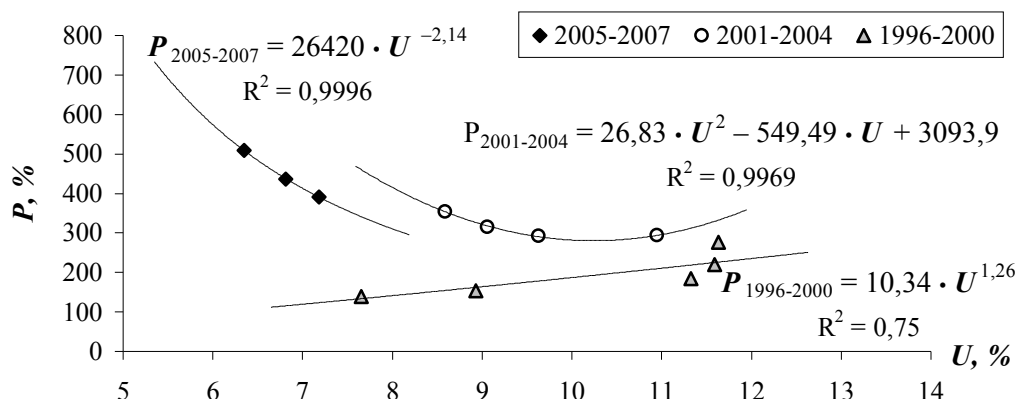

Рис. 3.38. Кривые Филипса в краткосрочных периодах (1996–2000 гг., 2001–2004 гг., 2005–2007 гг.) для экономики Украины

Значительно точнее описывается связь между P и U в этом периоде уравнением (в этом случае коэффициент детерминации равен 0,9969):

$$P_{2001-2004} = 26,83 \cdot U^2 - 549,49 \cdot U + 3093,9$$

Для периода 2005–2007 гг. (см. рис. 3.38) модифицированное уравнение Филлипса принимает вид:

$$P_{2005-2007} = 26420 \cdot U^{-2,14}.$$

С точки зрения кейнсианской теории, причиной стагфляции, т.е. сдвига кривой Филлипса, является сдвиг кривой совокупного предложения. Сторонники теории предложения видят причину сдвига кривой совокупного предложения влево в усилении присутствия государства в экономике, т.е. увеличении «налогового клина» между издержками производителей и ценой товаров.

Если вернуться к рис. 3.38, то можно убедиться, что в период с 1996 по 2000 гг. в Украине наблюдалась положительная связь между уровнем безработицы и инфляции. В этот же период в Украине наблюдалось наиболее значительное отрицательное сальдо внешней миграции (рис. 3.31), что продолжалось вплоть до 2005 г., когда связь безработицы и инфляции приняла четко выраженный обратный («правильный») характер, а сальдо миграционного потока становится неотрицательным. В переходный период (2001–2004 гг.) наблюдается нечеткая связь между безработицей и инфляцией (см. рис. 3.38), и в то же время происходит улучшение сальдо внешней миграции (кривая на рис. 3.31 приобретает положительный наклон).

Очевидно, что в условиях открытости экономики четкой зависимости между инфляцией и безработицей нет, поскольку рост безработицы «маскируется» значительным сокращением численности безработных за счет миграции. При отсутствии миграции уровень безработицы в Украине в указанный период (1996–2004 гг.) был бы значительно выше, и положительный наклон кривой на рис. 3.31 в период 1996–2000 гг. был бы более крутым, а отрицательный наклон этой кривой в период 2001–2004 гг. – более пологим.

Инфляция издержек в Украине становится все более серьезным препятствием на пути экономического роста, поскольку ограничительные мероприятия НБУ и сдерживающая фискальная политика не могут обеспечить снижения ее темпов, а приводят лишь к снижению совокупного спроса и, как следствие, – равновесного объема ВВП; а это, опять-таки, приводит к росту издержек производителей и сокращению инвестиций. До тех пор, пока борьба с инфляцией на практике будет выражаться в усилении налогового пресса на потребителя, стране не вырваться из «порочного круга» (см. рис. 3.39).

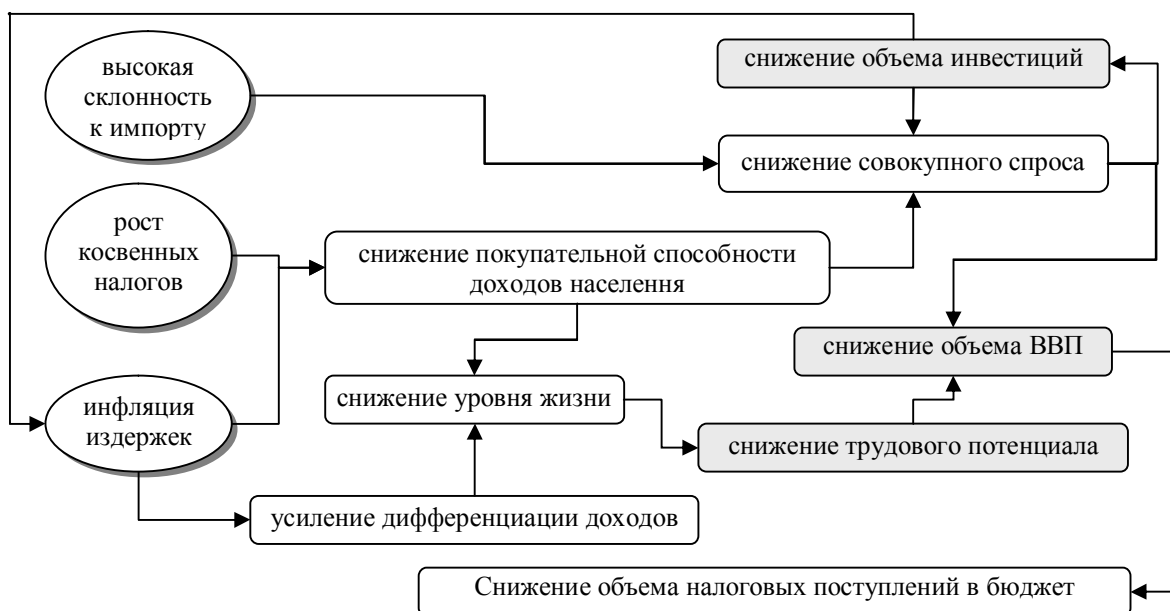

Рис. 3.39. «Порочный круг» инфляционных процессов в Украине

ГЛАВА 4. ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ И СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ КОРРЕКТНОСТЬ ПОДХОДОВ

4.1. Экономический детерминизм теории человеческого капитала

4.1.1. Противоречие между трудом и капиталом

Наглядным примером схоластичности экономического детерминизма является концепция «человеческого капитала». Как попытка теоретического устранения непреодолимого в реальной действительности противоречия между трудом и капиталом, эта концепция достигла своей цели: большинство экономистов увидели в ней инструмент если не решения, то ухода от наболевших проблем отчуждения, социальной дезинтеграции, классового антагонизма. Однако на самом деле эта концепция не устраняет ни одной из перечисленных проблем; она всего лишь вводит в заблуждение по поводу их истинных причин.

Основная методологическая ловушка, скрытая в этом понятии, заключается в унификации составляющих производительных сил: человек искусственно «трансформируется» в средство производства. Это автоматически ведет к исключению из сферы анализа проблемы производственных отношений. Во-первых, капитал не может вступать в отношения сам с собой, т.е. противоречие между трудом и капиталом устраняется из рассмотрения; во-вторых, распределительные и воспроизводственные процессы автоматически утрачивают свою проблемную остроту: рассматривая человека как капитал, теоретики негласно подразумевают неизбежность и допустимость его утилизации в

случае чрезмерного накопления. Причем речь идет не столько об утилизации знаний и опыта, как об утилизации именно человека.

Теория человеческого капитала является «вершиной» неоклассической парадигмы, в которой человек рассматривается как ресурс для экономической машины; в этом смысле концепция Теодора Шульца [222] и Гэри Беккера [11, 184] не нова: еще Адам Смит рассматривал «полезные способности» населения как часть основного капитала [127, С. 490]. Сравнивая обученного какой-либо профессии работника с дорогой машиной, Смит утверждал, что более высокая оплата его труда позволит работнику вернуть все его расходы на обучение; при этом Смит проводит параллель между ростом оплаты труда и обычной прибылью на капитал, стоимость которого оценивается как сумма затрат работника [127, С. 179]. Стюарт Миль¹⁰² относил к богатству навыки работника, приобретенные им в процессе труда, хотя самого человека он при этом не рассматривал как богатство. С. Фишер, Р. Дорнбуш, Р. Шмалензи толкуют человеческий капитал как меру человеческих способностей приносить прибыль [153]. П.П. Васильев и В.В. Сергиенко формулируют это следующим образом [29, С. 18]:

«Человеческий капитал представляет собой меру воплощенной в человеке способности приносить доход».

Леон Вальрас также выражается вполне определенно [28, С. 153–154]:

«...люди являются капиталами.

...земли, люди и собственно капиталы являются капиталами; услуга земель, или рента; услуга людей, или труд; услуга собственно капиталов, или прибыль – это доходы».

¹⁰² Миль Дж. С. Основы политической экономии: Т. 1. — М.: Прогресс, 1980. — С. 139.

Отождествляли человека с капиталом Дж. Р. Маккуллох, Нассау Сениор, Генри Д. Маклеод, Иоганн Г. фон Тюнен, Л. Вальрас, И. Фишер, Эдвард Денисон; следует отдать должное А. Маршаллу [91, 92], не разделившему эту точку зрения¹⁰³.

Представляется странным, что никого из последователей этого подхода не смущает сравнение человека с рабочей машиной, а ведь в этом и заключается суть концепции «человеческого капитала»; с помощью такого виртуозного методологического «пируэта» основное противоречие производительных сил и производственных отношений устраняется из сферы анализа.

Несмотря на многочисленных и авторитетных сторонников этой концепции представляется необходимым подойти более критично к ее очевидным недостаткам.

4.1.2. Непроизведенные ресурсы

Экономическая наука базируется на четких представлениях о негомогенной совокупности факторов производства – «трех китах»: 1) природа; 2) творческая преобразующая деятельность человека; 3) капитал как производное от взаимодействия первых двух факторов.

Вообще говоря, использование понятия «капитал» в отношении природных ресурсов и человека становится возможным только в результате неточного определения его сути. Если, следуя за И. Фишером, под капиталом подразумевать любой запас способных накапливаться благ, производительное использование которых приносит доход и продолжается в течение длительного периода времени, то

¹⁰³ поскольку человек не может продаваться на рынке

действительно размывается грань между природой, человеком и произведенным капиталом.

Однако изначально человек был частью природы; его творческая сущность привела его к отчуждению от среды обитания; реализованная в труде, эта сущность человека стала причиной появления произведенных (т.е. не существующих в природе, а искусственно созданных) благ. С отчуждением труда появился капитал как результат функционирования института собственности; а сам институт собственности возник как результат отчуждения человека от человека.

Таким образом, природа и человек первичны; капитал является гораздо более поздним и производным феноменом, внешним по отношению к человеку и природе, поскольку для его появления потребовалось три этапа отчуждения: человека от природы, человека от человека, и отчуждение труда. Интерпретация как капитала изначально присущей человеку творческой способности, являющейся движущей силой его развития и причиной появления всех произведенных благ равносильна объяснению происхождения земного шара как результата роста деревьев.

Л. Вальрас формулирует свое отношение к этой проблеме следующим образом [28, С. 154–155]:

«Земли являются естественными капиталами, а не искусственными или произведенными; они являются также капиталами нерасходуемыми, которые не разрушаются в процессе использования и не гибнут при катастрофах. ...

Люди также являются капиталами естественными; но они являются капиталами расходуемыми, т.е. такими, которые разрушаются при употреблении и гибнут при катастрофах. Они исчезают, но они появляются вновь вследствие воспроизводства. Поэтому их количество далеко не постоянно, но при известных обстоятельствах может возрастать безгранично. По этому поводу мы должны высказать замечание. Говоря, что люди — это естественные капиталы и что они появляются вновь вследствие воспроизводства, мы принимаем во внимание тот все более и более общепринятый принцип общественной морали, что люди не

должны ни покупаться, ни продаваться, как вещи, что они не могут также производиться на фермах или конных заводах, как, например, крупный рогатый скот или лошади. ...чистая политическая экономия обязана, в конечном счете, абстрагироваться от точки зрения как справедливости, так и интереса... Следовательно, мы будем говорить о цене работ и даже о цене людей, не вынося заранее никакого суждения ни за, ни против рабства».

В этом высказывании Вальрас дважды допускает неточность, даже более того – грубую ошибку: во-первых, если уж экономическая наука (имеется в виду неоклассическая теория) и абстрагируется от понятия справедливости, то уж от понятия интереса – ни в коем случае. Во-вторых, земли, как показывает практика, являются расходуемыми (истощаемыми, опустошаемыми, разрушаемыми и т.д.). При этом, как вполне справедливо заметил сам Вальрас, ни земли, ни людей невозможно производить «на заказ», хотя его выражение насчет ферм по производству людей может быть кем-либо воспринято как намек на решение проблемы.

Однако капитал как отчужденный от человека продукт его труда может существовать только при условии разделения труда и товарного производства; человек и природа существуют безусловно, так же как имплицитно присущее им свойство саморазвития (самоизменения). Человек использует для собственного развития не только вещества природы, но и произведенные им же блага, в том числе – информацию; при этом информация – это плод человеческого разума, т.е. изначально присущей ему творческой силы; если бы информация была каким-то «инопланетным» ресурсом, не произведенным ни человеком, ни природой, ни их взаимодействием, тогда было бы оправдано выделение особого вида капитала, который человек «взял извне» и стал качественно иным. Однако именно человек как активная и разумная сила природы создает информацию; она такой же отчужденный продукт его труда, как и любое другое произведенное благо. Человек использует

этот произведенный ресурс так же, как всегда использовал все произведенные им ресурсы: для собственного развития и обеспечения жизнедеятельности. Заметим, что эта схема всегда остается неизменной, хотя ресурсы (создаваемые блага) менялись всю историю человечества; преувеличение роли ресурса и недооценка закономерности его создания и использования для развития человека равносильно утверждению, что при изменении грунта меняется лопата, которой обрабатывается этот грунт. Образование является процессом передачи информации; как бы не был этот процесс сегодня сложнее, чем информационный обмен в докапиталистических обществах, он не является чем-то радикально новым.

4.1.3. Приобретение или утрата?

Человек как носитель способности к труду характеризуется своим трудовым потенциалом, но в общественном производстве используется только часть этого потенциала, которую мы называем рабочей силой. Мы не можем дать экономическую оценку тем способностям человека, которые не выражены в произведенных благах, т.е. не были отчуждены; а вот будучи отчужденными и реализованными в продукте, они могут быть оценены. Стоимость отчужденного продукта труда становится оценочной характеристикой рабочей силы. Сама эта сила зависит от потребления человеком как природных, так и произведенных благ. Логическая цепочка проста: человек использует часть своего трудового потенциала – свою рабочую силу – для обеспечения собственного потребления, что способствует ее воспроизводству¹⁰⁴.

¹⁰⁴ «Производственное потребление» по К. Марксу

Таким образом, конечной целью является воспроизводство человека как уникального творческого элемента производительных сил; однако сама его творческая природа является изначально присущей человеку, а не произведенной, и саморазвитие является ее имплицитным свойством; она не была бы творческой, если бы в ней не было заложено такое свойство.

Так, К. Маркс пишет в главе 5 «Капитала»:

«Труд есть, прежде всего, процесс, совершающийся между человеком и природой... Веществу природы он сам противостоит как сила природы. ...Воздействуя ...на внешнюю природу и изменяя ее, он [человек] в то же время изменяет свою собственную природу».

Отчуждение человека от человека и появление института собственности привело к значительной трансформации процессов дальнейшего развития творческой силы человека (трудового потенциала); происходит выделение такой ее формы, как «предпринимательская способность», активная функция которой проявляется не только в использовании творческой силы других индивидов, но и в стремлении влиять на эту силу в нужном для предпринимателя направлении.

Вальрас так описывает функцию предпринимательства [28, С. 161]:

«Назовем земельным собственником обладателя земель, ...работником – обладателя личных способностей, капиталистом – обладателя собственно капиталов. А затем назовем предпринимателем четвертого персонажа, ...собственная роль которого состоит в том, чтобы взять в аренду землю земельного собственника, личные способности работника и капитал капиталиста и соединить ...все три производительные услуги».

Рынок труда становится «величайшим достижением» для этой выделившейся силы: его механизм становится мощнейшим инструментом влияния на других носителей трудового потенциала с целью превращения их в нужные предпринимателю рабочие машины.

Причем «гениальность» решения выражается в том, что предприниматель даже не должен нести затрат: он предъявляет спрос, а уж наемные работники сами должны обеспечить свое соответствие требованиям.

Безусловно, что творческая сила¹⁰⁵, подчиненная рыночному механизму, не может развиваться в соответствии с заложенной в ней тенденцией; она развивается по внешне определенному алгоритму, т.е. перестает быть творческой. Здесь и происходит подмена сути, когда результат этой принудительной трансформации личности трактуется не как ущерб для ее свободного развития, а как приобретение индивидом «человеческого капитала». И в самом деле, превращение человека в рабочую машину – это идеал теоретиков неоклассической школы; но проблема не в том, насколько это экономически целесообразно, поскольку целесообразность определяется целью; схоластичность этого подхода в том, что на самом деле человек здесь перестает существовать, что означает утрату смысла функционирования экономической системы со всеми ее формальными признаками рациональности. Замкнутая сама на себя, эта система становится все более индифферентной к социуму, обладающему, тем не менее, решающим влиянием на ее существование и развитие. По этому поводу Амартия Сен высказывал такую мысль:

«В экономике как научной дисциплине появилась тенденция фокусировать внимание не на ценности человеческих свобод, а на полезности, доходе и благосостоянии. Это сужение фокуса ведет к тому, что роль рыночного механизма не получает должного признания, даже несмотря на то, что экономистов-практиков ни в коем случае нельзя обвинить в недостаточном восхвалении рынка. Проблема, однако, не в громкости похвал, а в том, за что они воздаются»¹⁰⁶.

¹⁰⁵ трудовой потенциал; здесь и далее мы будем использовать это как синонимы

¹⁰⁶ Сен А. Развитие как свобода. — М.: Фонд «Либеральная миссия», 2004. — С. 44.

Здесь мы подходим к определению фатальной роли массового производства в торможении социального прогресса: оно приводит к снижению трудового потенциала человечества путем превращения творчески активных элементов природы – людей – в рабочие машины, выполняющие внешне определенные функции. Определяя работников как производительный капитал, мы отражаем не объективные тенденции, заложенные в природе человека, а субъективное желание подчинить человека созданной им же материальной среде. Человек как творческая и саморазвивающаяся сила является естественным явлением, а живые рабочие машины – искусственным порождением эпохи экономического детерминизма; для получения такого результата необходимым условием является подавление творческой природы человека.

Таким образом, «человеческий капитал» не является объективно существующим элементом общественного производства, способствующим прогрессу; напротив, регрессивный характер этой концепции проявляется в том, что экономический рост противопоставляется социальному прогрессу, а человек из цели превращается в средство. При этом растущие масштабы нищеты в мире свидетельствуют о том, что «принесение человеческих жертв» капиталистической системе не дает того результата, который мог бы служить их оправданием.

Человек не может ни в какой своей проекции рассматриваться как нечто механическое; капитал – изначально понятие внешнее по отношению к индивиду, внутренние свойства, характеристики, особенности которого – это личность, которая не может быть препарирована в «экономической лаборатории».

Поэтому говорить о «человеческом капитале» в том утилитарном смысле, в каком вообще может рассматриваться капитал, относя к таковому врожденные и развитые способности человека, актуальные в современной системе общественного производства, означает рассматривать человека как рабочую машину, которая может быть модернизирована, усовершенствована для производственных целей; и в этом смысле машину, удобную не только тем, что она сама себя¹⁰⁷ «модернизирует», «совершенствует», но и тем, что ее не нужно «покупать», оплачивая полные издержки по ее «производству». А, манипулируя конъюнктурой на рынке труда, можно и вовсе игнорировать общественные и индивидуальные издержки, пренебрегать износом, не обеспечивать условий воспроизводства. Однако если рыночная цена товара опускается ниже себестоимости, то его производство прекращается; если рассматривать проблему в таком ракурсе, то «производство» людей должно гибко подстраиваться под конъюнктуру рынка труда, хотя очевидно, что это полный абсурд. Даже в плане знаний и компетенций реальные люди являются менее гибкими, чем этого требуют «законы рынка»; с учетом ускоряющейся смены технологий работник должен «забегать вперед», и, работая, одновременно приобретать новую специальность «на будущее». Если даже отбросить психологическое давление на индивида такой непрерывной гонки и неизбежное ускорение физиологического износа, для постоянного обучения он должен иметь доход, позволяющий оплачивать это обучение, т.е. осуществлять перманентные инвестиции в свой «человеческий капитал», который подвергается моральному износу быстрее, чем окупаются затраты.

¹⁰⁷ или это делает государство, семья

Именно такая зависимость объема инвестиций индивида в свое развитие от текущего уровня его дохода является непреодолимой преградой для большинства населения в плане «капитализации» их производительной силы.

Поскольку теория «человеческого капитала» трактует качественные изменения рабочей силы как накопление производительного капитала работника, то необходимо определить процесс обращения этого «капитала», т.е. превращения его форм.

4.1.4. Товарные формы труда и вмененные издержки работника

Определение труда как товара является некорректным, что проясняется через суть трансакций на рынке, где товаром является не труд, и не рабочая сила, а рабочее время или добавленная стоимость, произведенная за это время¹⁰⁸. Таким образом, товарные формы труда – это рабочее время или выработка. Повышая квалификацию, работник «подстраивается» под конъюнктуру рынка труда, чтобы увеличить стоимость своего рабочего времени, являющегося предметом обмена. Тогда суть проблемы кроется в определении понятий «рабочее время» и «добавленная стоимость».

В силу вышесказанного, если бы к «человеческому капиталу» был отнесен ресурс времени работника, который он может использовать с той или иной степенью эффективности как для себя лично, так и для общества, то спорить с этим было бы сложнее: это действительно источник дохода, производительный и измеряемый ресурс, принадлежащий работнику; он ограничен и ценен. Этот ресурс может

¹⁰⁸ почасовая и сдельная оплата труда

быть использован: на развитие личности; на свободный творческий труд; на приобретение профессиональных навыков, востребованных на рынке труда; на работу по найму. Работник может продавать столько этого «ресурса», сколько сочтет возможным и необходимым в пределах его ограниченного объема: однако он не может пополнить запас этого ресурса; этот ресурс никогда не был произведен и не может быть увеличен. Его можно отчуждать, но нельзя накапливать и воспроизводить.

Что касается созданной трудом добавленной стоимости, то это – овеществленный труд; будучи материализован в конкретном продукте, он принимает товарную форму, а потому может являться предметом обмена. Однако, как указывал К. Маркс в главе 8 «Капитала», без соединения со средствами производства и предметами труда он не может быть овеществлен, т.е. способность работника к труду не является капиталом, пока не материализуется в продукте:

«...одна и та же потребительная стоимость, выйдя в качестве продукта из одного процесса труда, входит в другой в качестве средства производства. Только функционирование продукта в процессе производства в качестве средства труда превращает его в основной капитал».

Итак, работник обладает рабочей силой, или способностью к труду (деятельности); основной товарной формой этой его способности в условиях капиталистического товарного производства является рабочее время, стоимость которого определяется количеством и качеством конечного продукта (добавленной стоимостью), который может быть произведен за это время данным работником.

Человек, обладая определенным практически неизмеряемым трудовым потенциалом, не представляет ценность для предпринимателя; для обеспечения условий выживания работник вынужден трансформировать свой природный ресурс в удобную для

предпринимателя форму: конкретную и измеряемую рабочую силу, способную приносить прибыль «покупателю» ресурса; при этом работник несет затраты, которые измеряются не только расходами на образование и приобретение определенной квалификации, но и «вмененными издержками», связанными с отказом от саморазвития в соответствии с заложенным в человеке потенциалом (творческими способностями).

С экономической точки зрения эти издержки неизмеряемы, а потому ими пренебрегают; однако с точки зрения индивида эти издержки могут быть бесконечно большими, поскольку их следствием может стать фрустрация личности, глубокая неудовлетворенность своей жизнью. С точки зрения общества эти издержки могут быть столь велики, что его дальнейшее существование окажется под угрозой; совокупность подавленных, безразличных ко всему людей не может называться обществом, даже если немногочисленная «элита» ощущает себя комфортно.

Что касается предпринимателя, использующего рабочую силу, то для него скорее уж «оборотным капиталом» является рабочее время работника, поскольку именно его он покупает, в результате чего получает прибыль; однако предприниматель не компенсирует вмененных издержек, связанных с нереализованными способностями и желаниями индивида.

Если рассматривать «капитал» рабочего времени, то работник не может формировать его «запас» на будущее, поскольку этот ресурс, не будучи использован сегодня, уже не может быть использован завтра. Более того, неиспользование сегодня этого ресурса означает неполучение работником дохода, необходимого ему для жизнедеятельности. Таким образом, работник и предприниматель

изначально находятся в неравных условиях, что позволяет последнему влиять на цену рабочего времени в большей степени. По поводу дискриминации труда капиталом в «гражданском обществе Дарендорф высказывается следующим образом [54, С. 56]:

«Очевидная слабость основных гражданских прав заключается в том, что ...хотя они должны действовать как правила игры, порой эти правила выгодны одной стороне больше, чем другой. Трудовой договор представляет собой наглядный тому пример. Что значат слова «свободный и равноправный», если одна договаривающаяся сторона должна работать, чтобы выжить, а другая вольна сама подыскивать себе партнеров, нанимать и увольнять их по собственному усмотрению? Пока не все граждане имеют шанс ввести свои интересы в процесс правотворчества, правовое государство сохраняет в неприкосновенности серьезные различия в правах».

Итак, во-первых, предприниматель вынуждает работника нести вмененные издержки, поскольку предъявляет спрос на рабочее время рабочей силы определенной квалификации, что на фоне высокой стоимости образовательных услуг сужает спектр возможностей самореализации работника; во-вторых, предприниматель имеет возможность влиять на цену рабочего времени в большей степени, чем работник, поскольку последний не может «накапливать» свое неиспользованное рабочее время с тем, чтобы реализовать его позднее на более выгодных условиях.

В таком ракурсе актуальным является вопрос о персонификации «человеческого капитала», поскольку изначально его формирование связано с прямыми и альтернативными издержками для работника, а прибыль на этот капитал получает предприниматель. Далее, процесс накопления этого «капитала» в масштабах общества связан с накоплением также и вмененных издержек работников; «человеческий капитал», формирующийся под давлением спроса на рынке труда, что негативно отражается на структуре социальных связей, поскольку индивид вынужден находиться в окружении людей, интересы которых

ему чужды. Отсутствие эмоциональных связей между людьми означает снижение устойчивости системы отношений, а «рабочие машины» не могут устанавливать эмоциональные связи. Снижение степени интеграции социума – одно из важнейших следствий накопления «человеческого капитала» как ресурса для получения прибыли предпринимателями.

4.1.6. Факторные доходы

Безусловно, развитие информационных технологий приводит к изменению структуры рабочей силы, происходит усложнение рабочих процессов и функций. Однако это вовсе не означает, что структура активов наемного работника меняется. Капитал – это то, что приносит прибыль или процент; в этом свете всякий, получающий данные виды факторных доходов, становится предпринимателем или капиталистом. Если рассматривать наемного работника в таком качестве, то он просто «исчезает»: остаются только капиталисты и предприниматели. Однако наемный работник получает не прибыль и не процент, а зарплату, размер которой определяется конъюнктурой рынка труда, а не «человеческим капиталом» работника.

Если же говорить о тех, кто, монополизировав доступ к информационным и образовательным ресурсам, становится капиталистом в самом традиционном понимании, то возникает вопрос: при чем здесь «человеческий капитал» и как он персонифицируется? Если речь идет об использовании творческого и образовательного потенциала наемных работников с целью получения прибыли, то этот «капитал» (а, точнее, рабочая сила) не является собственностью получателя прибыли. Если же речь идет о трудовой акционерной собственности, то и это не основание для утверждения о существовании

«человеческого» капитала: даже в этом случае работник не может инвестировать свое образование, знания и навыки, поскольку они неотделимы от него; и, в конце концов, доход на капитал такому работнику приносят самые обычные акции, независимо от способа их получения.

Если бы существовала такая форма акционирования «человеческого капитала», когда получение дивидендов не связано с трудовой деятельностью индивида, то подобный термин был бы корректным. Однако это невозможно: если человек не работает, его знания и навыки не работают также; не существует способа получения дохода индивидом от его «человеческого капитала», не связанного с затратами труда; если же источником дохода является работа (наемный труд), то просто абсурдным является применение здесь понятия «капитал».

Предугадывая возможные возражения сторонников этой концепции, сразу поясним, что такой подход мог бы быть применен в случае, когда два работника, выполняя абсолютно одинаковую по сложности работу, получают различную оплату только потому, что у одного из них выше квалификация или образование; однако тогда автоматически опровергается тезис об эффективном использовании ресурсов. Если же они выполняют разную по сложности работу, то и производят различную добавленную стоимость; являясь «мерилом» труда, эта добавленная стоимость и определяет цену рабочей силы. Фактически речь идет о стоимостном исчислении выработки, но никак не о «человеческом капитале».

С чисто экономической точки зрения несоответствие между «инвесторами» и «получателями прибыли» становится еще одной ловушкой в теории человеческого капитала: с учетом тенденции

сокращения издержек на оплату труда рост индивидуальных и семейных инвестиций в образование происходит на фоне общего снижения доходов работников; как с иронией отмечает Лестер Туроу, окончание колледжа не гарантирует пересадку с движущегося вниз эскалатора на эскалатор, движущийся вверх [203].

Как и Бауман [8–10], Туроу отмечает стремление корпораций к предотвращению снижения безработицы как наиболее действенного средства снижения стоимости наемного труда. В этих реалиях концепция человеческого капитала начинает превращаться в миф; доходность инвестиций в образование становится проблематичной и непредсказуемой. Единственный, кто не может проиграть в этой ситуации – тот, кто пожинает плоды чужих инвестиций: крупные корпорации, оказывающие прямое давление на конъюнктуру рынка труда путем сокращения работников с последующим их наймом «дочерними» предприятиями со значительно более низким уровнем зарплаты [203]. Как замечает Туроу, сокращение штатов корпораций происходит на фоне роста их прибыли, причем без сколь-нибудь значительного роста производительности труда, который мог бы служить объяснением сокращений. Бауман отмечает [8], что подобные манипуляции обеспечивают корпорациям «сговорчивость» наемных работников¹⁰⁹. В.Л. Иноземцев [65–68] также отмечает, что в 80-е годы в большинстве развитых постиндустриальных стран рост объемов валового национального продукта происходил на фоне стагнирующей заработной платы работников и более чем двукратного роста доходов капитала [66].

¹⁰⁹ Так называемую «гибкость рабочей силы»

4.1.7. Противоречивость подходов

Являясь сторонником теории «человеческого капитала», А.В. Корицкий, тем не менее, отмечает [78, С. 12–13]:

«Главное отличие человеческого капитала от вещественного капитала, состоит в том, что он воплощен в человеке и не может отчуждаться, то есть продаваться, или передаваться в дар, или оставляться в наследство по завещанию, как деньги и материальные ценности. Но он может использоваться во внутрисемейном производстве человеческого капитала следующих поколений».

Заметны существенные расхождения между сторонниками этой концепции в понимании, что является доходом «человеческого капитала»: прибыль предпринимателя, трудовой доход наемного работника или «человеческий капитал» следующих поколений?

Расхождения в оценках человеческого капитала также свидетельствуют об отсутствии четкого представления о сути этого понятия. Оценки объемов инвестиций в человеческое развитие не могут дать представление об объемах этого «капитала», поскольку они утилизируются как в результате преждевременной смерти или инвалидности людей, так и в результате естественного выхода из состава трудовых ресурсов. Даже если оппоненты приведут аргумент, что произведенный капитал тоже утилизируется в результате стихийных бедствий и катастроф, то все-таки остается отличие: результат инвестиций в виде «капитала» знаний и опыта слишком варьирует в зависимости от индивидуальных способностей, склонностей и мотивации.

Большинство экономистов, обосновывая концепцию «человеческого капитала», опираются на статистику, показывающую удельный вес в ВВП продукции, произведенной работниками с различным уровнем образования. Однако и так совершенно очевидно,

что чем более высокотехнологичным является производство, тем большая добавленная стоимость создается и более квалифицированная рабочая сила используется. Однако определяющим фактором является уровень технологического развития, что связано с объемом автономных инвестиций предпринимательского сектора экономики; в этом смысле «человеческий капитал» оказывается напрямую зависящим от произведенного капитала, что подтверждает экономический детерминизм данной концепции.

Менделеев, также рассматривавший образование как капитал (хотя следует уточнить, он не называл его «человеческим»), отмечал при этом как обязательное условие востребованность этого «капитала» [93, с. 239]:

«Образование есть благоприобретенный капитал, отвечающий затрате времени и труда и накоплению людской мудрости... Истинно образованный человек найдет себе место только тогда, когда в нем с его самостоятельными суждениями будут нуждаться правительство или образованное общество, иначе он лишний».

Зависимость трудовых доходов работников от образования является выраженной в том случае, если образование востребовано, т.е. в высокотехнологичных экономиках с наукоемким производством. При этом низкий удельный вес добавленной стоимости (ВВП) в валовом выпуске является основной препоной для развития производительных сил. Однако этот параметр определяется ролью страны в международном разделении труда, а не качеством ее трудовых ресурсов¹¹⁰. В условиях глобализации и высокой мобильности трудовых ресурсов «человеческий капитал» нации может стать источником дохода других стран, не отражаясь на ее собственном ВВП (что, собственно, и происходит в Украине).

¹¹⁰ Украина является ярчайшим тому примером

Итак, методологическая ограниченность понятия «человеческий капитал» обусловлена, в первую очередь, тем, что оно не позволяет дать корректное объяснение структуры вмененных доходов. Во-вторых, уж если говорить о наемных работниках как «инвесторах», то капитал, который они инвестируют, точнее было бы назвать «трудовым», поскольку труд отчуждаем от индивида, в отличие от его способностей, образования и навыков; а это уже нонсенс в силу абсолютной разнородности понятий «труд» и «капитал»¹¹¹. Если же рассматривать неотчуждаемые атрибуты личности (творческие способности, навыки, знания и т.д.) как инвестируемый капитал (а, значит, товар), то тогда и сам человек «инвестируется» (является товаром, или капиталом). Мы или признаем «товарную» природу человека, или должны отказаться от понятия «человеческий капитал».

Как уже говорилось, понятие «человеческий капитал» является некорректным постольку, поскольку капитал является отчужденным от человека продуктом его труда; само происхождение капитала связано с разделением труда и появлением товарного производства; при этом и сам капитал «явился миру» в товарной форме, и никак иначе. Т.е. по своей природе он – товар, поскольку по своему происхождению он является произведенным для продажи. Поэтому понятие «природного» и «человеческого» капитала некорректно в силу того, что они не являются продуктами, произведенными для продажи [116, 118, 117, 119].

Методологическая корректность понятия «человеческий капитал» вызывает сомнение еще по ряду причин. С одной стороны, в определении Элвина Тоффлера [140–142] человеческий капитал

¹¹¹ это звучит столь же нелепо, как выражение «мокрый огонь»

является символическим¹¹², который, в отличие от вещественного капитала, неисчерпаем и одновременно доступен бесконечному числу пользователей без ограничений. Кстати, именно в этом определении «человеческий капитал» выступает как нечто внешнее по отношению к индивиду, поскольку иначе трактовать его «доступность» невозможно; однако как совокупность природных и благоприобретенных свойств личности, обеспечивающих более высокую индивидуальную продуктивность, «человеческий капитал» не является «доступным», поскольку неотделим от своего «хозяина».

С другой стороны, В.Л. Иноземцев пишет о новой стратификации в постиндустриальных обществах: на фоне роста стоимости обучения в частных колледжах происходит процесс формирования нового «высшего класса», контролирующего доступ к информации и знаниям; таким образом, с развитием информационных технологий происходит обособление этого класса, контролирующего все сферы деятельности, жизненно необходимые для прогресса общества, и располагающего возможностью перераспределять в свою пользу возрастающую долю общественного богатства [66]. Очевидно, что это полностью противоречит определению Тоффлера [140] в аспекте доступности «символического» капитала информации и знаний.

В таком свете так называемый «человеческий капитал» сохраняет все признаки обычного капитала индустриальной эпохи: доступ к ресурсам информации и знаний и рыночная власть концентрируется в рамках узкого круга лиц; для получения образования нужно родиться в обеспеченной семье, а не обладать врожденными способностями или приложить максимум усилий. Если уж уточнять наименование этого

¹¹² имея в виду знания

капитала, то в соответствии с ресурсом, который приносит сверх-доход в силу искусственного ограничения доступа к нему: информационным капиталом.

Большинство экономистов, однако, рассматривают «человеческий капитал» в ином понимании, чем информационный капитал новой элиты; Лестер Карл Туроу утверждает об исчезновении различий между трудом и капиталом с развитием наукоемких отраслей и формированием единственного источника сравнительного преимущества – «человеческого капитала» как совокупности квалификации и знаний [203]. Однако, во-первых, процесс накопления знаний и навыков не идентичен процессу накопления капитала, поскольку не существует стандартов мышления, обеспечивающих идентичное восприятие информации и ее обработку в сознании различных людей; уникальность каждого индивидуального результата является в данном случае препятствием для его унификации. Попытки стандартизировать этот результат и подогнать его под жесткие требования рынка есть не что иное, как посягательство на личность; в этом смысле легко перейти от стоимостной оценки творческих способностей индивида к стоимостной оценке его эмоциональной сферы, поскольку в человеке эти сферы не отделимы. Человек окончательно становится товаром, поскольку фактически обретает рыночную стоимость часть его личности, неотделимая, неотчуждаемая, но почему-то оцениваемая как товар [209, 210, 211].

В теории человеческого капитала естественным образом возникает проблема суверенитета человеческой личности, которую исследователи «решают» путем включения мотивации в качестве элемента человеческого капитала. Во-первых, мотивация не остается постоянной на протяжении достаточно длительного времени, чтобы ее можно было

рассматривать как капитал или его часть¹¹³; она зависит от столь многих факторов, что рассматривать ее как результат инвестиций в «человеческий капитал» вообще невозможно [119, С. 37]:

«Фактически, человек никогда не был так эгоистичен, как этого требует теория. Хотя рыночный механизм привел к его зависимости от материальных благ, «экономические» мотивы никогда не представляли для него единственный стимул для работы. Напрасно его истязали экономисты и утилитарные моралисты, чтобы сбросить со счетов все другие мотивы, кроме «материальных» мотивов. При ближайшем изучении было все равно обнаружено, что человек действует на основе множества «смешанных» мотивов, не исключая те, которые являются обязательными для него самого и других, а, возможно, даже втайне наслаждаясь самой работой».

Например, мотивация к труду может снижаться с ростом дохода, рождением ребенка, появлением хобби (или, например, склонности к «бродяжничеству», когда человеку «не сидится на месте»); она может временно расти в результате желания доказать родным или знакомым свою самостоятельность, но быстро снижаться, поскольку этот мотив неустойчив. Во-вторых, мотивация человека в значительной и даже определяющей степени имеет внеэкономический характер, а значит, не может рассматриваться как составная часть такой чисто экономической категории, как капитал [116, С. 32]:

«...новый мир «экономических мотивов» был основан на ложном доводе. Внутренне, голод и добыча являются не более «экономическим», нежели любовь или ненависть, гордость или предубеждение. Ни один человеческий мотив не является ресурсом экономическим».

Более того, именно внеэкономическая мотивация является предусловием труда¹¹⁴. Таким образом, концепция «человеческого капитала» исключает из рассмотрения трудовую деятельность как

¹¹³ в этом смысле это был бы капитал самого непостоянного объема

¹¹⁴ Экономическая мотивация (стремление к получению или увеличению дохода) является рабочей мотивацией; она также может быть предпринимательской мотивацией, но уж никак не трудовой.

результат внеэкономической мотивации, рассматривая только его плоскую проекцию – отчужденный труд, т.е. работу, связанную с чисто монетарной мотивацией.

Далее, человек как владелец фактора «труд» исторически первичен; как владелец фактора «капитал» он представляет собой более поздний феномен, необходимым условием существования которого является первичная сущность человека, поскольку капитал как отчужденный от человека продукт его труда является результатом человеческой деятельности, а не наоборот. В этом смысле концепция «человеческого капитала» предстает как попытка разрешить проблему отчуждения путем отождествления человеческой сущности с отчужденным продуктом его деятельности. Ральф Дарендорф высказывает следующую мысль [54, С. 145]:

Капитал и труд первоначально находились в непримиримом противостоянии, но ...с течением времени все больше налаживали взаимоотношения. ...Трения между капиталом и трудом были признаны легитимным принципом рынка труда. Гайгер называет этот процесс «институционализацией классового противоречия»¹¹⁵.

Представляется неубедительным, что рынок труда «сглаживает» противоречия между трудом и капиталом; это противоречие имеет системный характер, а значит, устранимо только на системном уровне – на уровне институциональной матрицы общества. По сути, рынок труда только усиливает данное противоречие, поскольку легитимизирует подчиненность человека созданной им материальной среде.

Сторонник либеральной доктрины Иван Кондратьевич Бабст определял «народный капитал» как капитал нравственный,

¹¹⁵ Geiger T. Die Klassengesellschaft im Schmelztiegel. — Köln–Hagen: Kiepenheuer, 1949. — S. 182ff. Несколько позже многие немецкие авторы отстаивали тезис, что на Западе создано «nivелированное общество среднего сословия» (Schelsky H. Die Bedeutung des Schlichtungsbegriffes für die Analyse der gegenwartiges deutschen Gesellschaft. 1953) или даже «бесклассовое общество» (Landshut S. Die Gegenwart im Lichte der Marxschen Lehre. 1956).

закрывающийся в народной честности, предприимчивости и трудолюбии, в участии к общему благу, в привычке не полагаться на внешнюю помощь, не искать ее во внешних силах, а находить в самом себе, в привычке к самостоятельности [5, С. 123]. В такой трактовке «народный капитал» Бабста – честность, трудолюбие, предприимчивость, социальная ответственность и субсидиарность – предстает скорее как социальный капитал.

Вообще говоря, многие авторы смешивают понятия «человеческого» и социального капитала. Так, Джеймс Коулмен [80] определяет человеческий капитал как совокупность знаний, навыков, а также способность индивидов образовывать некую общность. В таком определении размывается грань между «человеческим» и социальным капиталом, поскольку способность к интеграции определяется скорее на институциональном, чем на индивидуальном уровне.

М.М. Критский рассматривает его как всеобщую конкретную форму жизнедеятельности, ассимилирующую предшествующие формы и являющуюся итогом исторического движения человеческого общества к его современному состоянию. Критский подразумевает сокращение индивидуальных и общественных затрат труда и рост качества жизни людей в материальном и духовном смысле; в его понимании «человеческий капитал» реализуется в форме самовозрастающего творческого потенциала [82, с. 117].

4.1.8. Дуализм концепции

Легко заметить, как концепция «человеческого капитала» разветвляется на социальную и экономическую составляющие: в социальной концепции «человеческий капитал» предстает как фактор прогресса общества, а в экономической – как индивидуальный источник

дохода. Если рассматривать его в первом ракурсе, то безусловным является факт передачи знаний и навыков от поколения к поколению, когда большинство «первичных обладателей капитала» уже физически не существуют.

Таким образом, в социальном аспекте накопление знаний происходит как процесс исторический, поскольку имеет четко определенную прямую зависимость от времени, и как процесс социальный, поскольку происходит не на индивидуальном уровне, а в масштабах человеческого общества. Действительно, не существует индивида, способного воспринять весь накопленный человечеством объем знаний и опыта; только социум в целом может являться носителем «человеческого капитала» в таком определении. В этом смысле роль социальной системы невероятно велика: растущий объем информации и знаний требует не только все большего числа индивидуальных «носителей», способных к творческому преобразованию и развитию (т.е. дальнейшему накоплению) этого капитала, но и все большей интеграции общества для сохранения целостности накопленного объема знаний.

Если же подходить с экономической точки зрения, то каждый отдельно взятый индивид, заинтересованный, прежде всего, в своем конкурентном преимуществе, будет стремиться ограничить доступ к этому богатству; тогда целостность накопленного человеческим обществом объема знаний будет нарушена, а сохранность поставлена под угрозу: возрастет риск утраты ценной информации¹¹⁶.

Далее, что касается обоснованности использования понятия «инвестиции в человеческий капитал» в практике научного анализа:

¹¹⁶ История дает множество примеров этому

можно ли строго разграничить на индивидуальном уровне инвестиции с целью получения дохода в будущем и инвестиции с целью получения определенного социального статуса? Зачастую трудовые доходы субъекта с высшим образованием оказываются не выше (иногда даже ниже) доходов работника, не имеющего особой квалификации (сегодня в Украине это самая типичная ситуация). Можно предположить, что целью получения высшего образования является не только увеличение дохода, но и, в значительной степени, изменение социального статуса и роли субъекта в системе общественных связей. Но эти мотивы имеют внеэкономический характер; они, скорее, социальные, т.е. субъект осуществляет инвестиции в свой социальный статус, который не идентичен экономическому положению. Уж если называть результат этих инвестиций капиталом, то социальным, а не «человеческим». Образование позволяет изменить круг общения, расширить его, получить доступ к новым источникам информации, т.е. обеспечивает субъекту новые социальные возможности.

Продолжая анализ различных точек зрения, следует отметить оригинальный подход к оценке инвестиций в человеческий капитал с точки зрения мобильности работников М. Грановеттера [200, С. 7, 8]:

«...концепция человеческого капитала неадекватно раскрывает смысл истории мобильности на индивидуальном уровне. Переходя с одной работы на другую, человек приобретает не только человеческий капитал, но и сослуживцев, неизбежно узнающих о его способностях и личных качествах (что труднее анализировать в терминах инвестиций)... Это ознакомление происходит без каких бы то ни было издержек, просто как побочный продукт рабочего взаимодействия. И подобное отсутствие издержек трудно вписать в большинство экономических моделей, где, как правило, инвестиции предполагают прямые или альтернативные издержки. ...рыночная ситуация индивида существенно зависит от числа тех, кто знает его качества и способности, а также от числа фирм, где работают эти знакомые.

Таким образом, Грановеттер обнаруживает, что расширение социальных связей (отношений) обеспечивает работнику в будущем

более высокий уровень дохода и гарантии нового трудоустройства в случае вынужденного увольнения. Поскольку, с одной стороны, расширение связей является результатом мобильности, а с другой – фактором мобильности в дальнейшем, то сама трудовая мобильность является одновременно и «человеческим капиталом» индивида, и своеобразным видом инвестиций в этот капитал.

Здесь мы подходим к одному из аспектов взаимопревращений социального и «человеческого» капитала. Если рассматривать систему социальных связей индивида как его социальный капитал, а мобильность – как элемент «человеческого капитала», то человеческий капитал работника, с одной стороны, определяется его социальным капиталом в виде отношений, а с другой стороны – как мобильность – обеспечивает дальнейший рост социального капитала в виде растущего объема связей. При этом [там же]:

«...мобильность одного индивида зависит от мобильности других. ...в моей случайной выборке высококвалифицированных специалистов, вспомогательного персонала и управленцев, менявших работу, мобильность в значительной степени предопределялась личными контактами, приобретенными на разных этапах карьеры, а также до ее начала. Их мобильность демонстрировала самопорождающие эффекты; чем более разнообразными были места работы и социальные среды индивида, тем шире оказывался круг личных контактов, ...которые могут способствовать дальнейшей мобильности».

Иммануэль Валлерстайн, позитивно оценивая социальный эффект распространения высшего образования, отмечает возникающие при этом чисто экономические проблемы [27, С. 234]:

«...расширение высшего образования произвело большое количество выпускников, которые настаивали на предоставлении рабочих мест и доходах, соизмеримых с их статусом, и появились некоторые проблемы с удовлетворением этого требования... Издержки состояли в социальных затратах на обеспечение этого расширяющегося высшего образования, что было лишь частью затрат на обеспечение в целом благосостояния для значительно выросших численно средних слоев миросистемы».

Кроме того, вряд ли стоит говорить о расходах на образование как инвестициях при отсутствии способностей к тому виду деятельности, который, как предполагается, будет приносить в дальнейшем «доход на капитал». Даже при отличной учебе человек не всегда оказывается способным в дальнейшем эффективно использовать полученные знания; на индивидуальном уровне единственное получаемое «преимущество» заключается в том, что образование обеспечивает качественное изменение процесса работы: тяжесть снижается, но, как правило, растет напряженность и сложность.

Исследователи, занимающиеся проблемой человеческого капитала, признают его ключевое отличие от произведенного капитала: он не может «поменять хозяина», т.е. неотделим от своего носителя [78], в силу чего предпринимателям не выгодно осуществлять инвестиции в этот капитал. Если же работодатель инвестирует в развитие персонала своего предприятия, он не имеет гарантий того, что его инвестиции не будут «работать» на его конкурента. Более того, ни один из «инвесторов» не имеет гарантий того, что от этих инвестиций вообще будет отдача, т.е. приобретенные знания и навыки станут «капиталом».

Несомненно, однако, что эти «инвестиции» способствуют социальному прогрессу, даже если не приносят экономической выгоды, поскольку развитие человека является непрямым условием развития общества. С этой позиции любые инвестиции в развитие человека являются инвестициями в социальный капитал как внешний феномен по отношению к отдельно взятому индивиду, но внутренний – для общества как социального организма.

Критика концепции «человеческого капитала» в теории фильтра¹¹⁷, напротив, строится на том, что образование является экономически неэффективным способом селекции людей по их врожденным способностям. Существование более экономичных способов выявления одаренных нужными качествами работников позволяет более эффективно «распределять» образование с точки зрения эффективности общественного производства.

4.1.9. «Человеческий» и имущественный капитал индивида

Можно ли говорить о росте «человеческого капитала» в условиях растущей дифференциации доходов? Это бы означало, что полное отсутствие инвестиций в «человеческий капитал» большей части населения планеты компенсируется ростом инвестиций в «человеческий капитал» «элиты»; однако любому экономисту очевидно, что рост доходов индивида сверх определенного уровня приводит к его «выбыванию» из состава трудовых ресурсов; чем богаче человек, тем меньшую необходимость работать он ощущает. Никакие «инвестиции» не могут привести к накоплению «человеческого капитала» индивида, живущего на ренту или доход с имущественного капитала. В этом свете явно выраженные тенденции в мировой экономике можно охарактеризовать как негативные с точки зрения накопления «человеческого капитала».

Итак, эта «капиталистическая» концепция не выдерживает критики даже в том плане, что накопление «человеческого капитала» имеет вполне четкий предел, определяемый объемом имущественного

¹¹⁷ А.Берг, М.Спенс, Дж.Стиглиц, П.Уилс, К.Эрроу

капитала индивида. В этом смысле львиную долю дохода получают те субъекты социума, «человеческий капитал» которых в общепринятом понимании равен нулю¹¹⁸, а вещественный капитал – имущество индивида, приносящее доход – постоянно растет. «Человеческий капитал» не обладает главным свойством – самовозрастающей стоимости; не существует механизма, обеспечивающего его накопление, как в случае имущественного капитала; хотя он может в какой-то степени способствовать росту объема имущественного капитала индивида, но при этом за счет снижения стимулов к трудовой деятельности сам «человеческий капитал» снижается.

Вопрос ценности таких индивидов для социума не является только «моральным» (по Вальрасу); их ценность даже в свете концепции экономического детерминизма равна нулю, в отличие от ценности их имущества. В действительности не имеет значения, кто является владельцем имущественного капитала: пассивная роль собственника означает полную его заменяемость¹¹⁹.

Таким образом, если использовать «капиталистическую» концепцию, вполне допустимой, на наш взгляд, является следующая формулировка: существует обратная зависимость между объемом «человеческого» и имущественного капитала индивида. Причем если рассматривать процесс концентрации собственности в неразрывной его связи с процессом обнищания¹²⁰ большей части населения, получается, что этот процесс приводит к снижению «человеческого капитала» не только самих собственников, но и социума в целом; при этом масштаб

¹¹⁸ хотя бы за счет полного отсутствия мотивации к труду, которую принято включать в «человеческий капитал»

¹¹⁹ Здесь мы не отождествляем собственника с предпринимателем

¹²⁰ и, соответственно, снижения человеческого капитала

отрицательного влияния на «человеческий капитал» социума прямо пропорционален размерам накопленного субъектом имущественного капитала.

Это полностью согласуется с ранее сделанными выводами о том, что устойчивое накопление знаний и опыта может происходить только как процесс исторический и социальный; это объясняется самой природой информации как богатства, утрачивающего ценность в процессе фрагментации. Слияние разрозненных научных знаний приводит к мощным качественным изменениям в их структуре. Как предмет рыночных трансакций информация дробится; как капитал она десоциализируется; в результате прогресс общества приносится в жертву ради прибыли отдельных индивидов.

Социализация информации – это процесс увеличения творческого потенциала наций и человечества; он представляет собой агрегацию информации на уровне общества в целом с равными правами доступа к этому «источнику» для всех индивидов. Общество как социальный организм не может прогрессировать без доступа «кислорода» ко всем его частям; таким «кислородом» являются знания.

В силу этого особую значимость приобретает понятие социального капитала, поскольку усиление интеграции социума является обязательным условием накопления знаний, а дезинтегрирующие тенденции приводят к той или иной степени их утилизации. На индивидуальном уровне процесс накопления знаний не только имеет жесткие рамки, но и сталкивается с проблемой коммуникаций и информационного обмена в условиях дезинтегрированного общества. Таким образом, разрозненные знания и опыт, аккумулированные на индивидуальном уровне, представляют собой человеческий потенциал, реализация которого обеспечивается

системой общественных связей и интенсивного информационного обмена и приводит к мощнейшему синергетическому эффекту.

В этом свете понятие социального капитала вызывает особый интерес; методологически это понятие является более корректным, чем человеческий капитал, поскольку, как мы намерены показать далее, он способствует росту трудового потенциала и обеспечивает определенный уровень эффективности его использования в системе общественного производства.

4.1.10. «Непостижимый остаток»

Специалисты Мирового Банка, вычисляя «неопределяемый» (Intangible¹²¹) капитал (табл. 4.1) как остаток после вычитания из общей суммы национального богатства произведенного и природного капитала, установили, что три фактора – средняя продолжительность обучения, индекс законности («rule of law index») и денежные доходы на душу населения, – объясняют 89 % полной вариации «остаточного» капитала по странам.

Это означает, «непостижимый остаток», по сути, включает не только «человеческий капитал» в смысле образовательного уровня населения, но и социальный капитал как систему общественных связей, обеспечивающую тот или иной уровень эффективности общественного производства.

В табл. 4.2¹²² раскрывается влияние трех различных факторов на величину «остаточного» капитала: образования (средняя продолжительность обучения), уровня законности и доходов населения.

¹²¹ Intangible – нечто непостижимое

¹²² данные Мирового Банка

Таблица 4.1.

**Удельный вес природного, произведенного и остаточного капиталов
в национальном богатстве стран с различным уровнем развития***

Виды капитала в структуре национального богатства	Группы стран по уровню развития			Весь мир
	Слаборазвитые	Развивающиеся	Развитые	
Капитал на душу населения, \$				
Природный капитал	1,925	3,496	9,531	4,011
Произведенный капитал	1,174	5,347	76,193	16,85
Неопределяемый капитал	4,434	18,773	353,339	74,998
Совокупное богатство	7,532	27,616	439,063	95,86
Удельный вес в совокупном богатстве, %				
Природный капитал	26	13	2	4
Произведенный капитал	16	19	17	18
Остаточный капитал	59	68	80	78

* Данные Мирового Банка

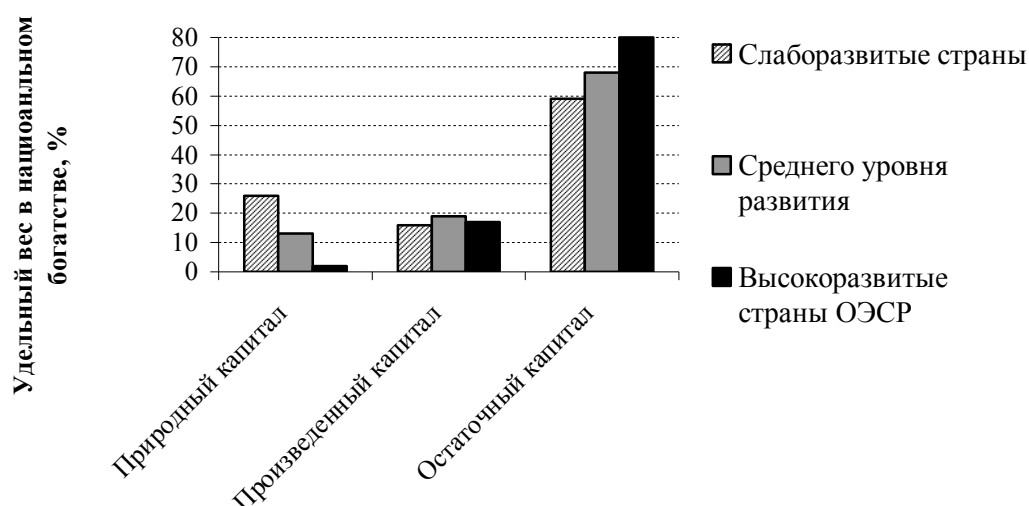

Рис. 4.1. Удельный вес природного, произведенного и остаточного капитала в национальном богатстве стран с различным уровнем экономического развития

Если первый фактор по определению можно отнести к «человеческому капиталу», то индекс законности («rule of law index»)

очевидно характеризует социальный капитал; при этом эластичность по этому фактору остаточного капитала является наибольшей (табл. 4.3).

Таблица 4.2.

Предельная продуктивность различных факторов*

Группы стран по уровню развития	Годы учебы на душу населения	Индекс уровня законности	Денежные доходы на душу населения
Слаборазвитые страны	838	111	29
Развивающиеся страны	1954	404	39
Развитые страны	16430	2973	306

*Данные отражают прирост «остаточного» капитала при увеличении на 1 пункт значения одного из приведенных факторов

Итак, увеличение на 1% значения «индекса законности» приводит к приросту на 0,83% «остаточного» капитала; при аналогичном увеличении значений двух других факторов – продолжительности обучения и денежных доходов на душу населения – рост «остаточного» капитала будет, соответственно, 0,53 и 0,12 % (табл. 4.3).

Таблица 4.3.

Факторы, раскрывающие «остаточный» капитал*

Фактор	Эластичность фактора
Продолжительность обучения	0,53
Индекс законности	0,83
Денежные доходы на душу населения	0,12

* точность на уровне 5 % (коэффициент детерминации 0,89)

Это позволяет сделать вывод, что объем национального богатства в значительной степени зависит от социального капитала, что согласуется с теорией трансакционных издержек, поскольку их величина определяется развитостью социальных связей. Именно социальный капитал способствует снижению внутренних «потерь» в системе за счет более эффективных взаимодействий, т.е. определяет уровень системного качества. В этом смысле происходит ускорение процесса накопления

«человеческого капитала» как реализованного потенциала человеческих ресурсов; другими словами, вклад каждого индивида в общее благосостояние растет с ростом социального капитала, а при низких значениях последнего человеческий потенциал не может быть реализован эффективно, и национальное богатство будет расти гораздо медленнее, чем этого следовало ожидать при данном уровне инвестиций в развитие человеческих способностей, квалификации, навыков и знаний.

4.1.11. Невоспроизводимость «человеческого капитала»

Что касается отличий, так называемый «человеческий капитал»¹²³ способен производить то, чего еще никогда не было: открытия в науке, произведения искусства, новые идеологии, социальные институты, в конце концов; очевидно, что произведенный капитал не обладает такой способностью: он выполняет функции, заложенные человеком.

Наконец, еще одним отличием «человеческого капитала» является невозпроизводимость: никакие инвестиции не позволяют воспроизвести «человеческий капитал» великих художников, поэтов, ученых, музыкантов и т.д. Это распространяется также на некоторые созданные «человеческим капиталом» блага: в мире производится огромное количество музыкальных инструментов, но скрипку Страдивари воспроизвести невозможно.

Невоспроизводимость «человеческого капитала» в указанном выше смысле ставит под вопрос саму возможность называть его «капиталом»; непредсказуемость творческих возможностей

¹²³ Точнее говоря, творческая природа человека

человеческой личности делает еще более сомнительным такое определение. Очевидно, что творческий потенциал личности раскрывается не в результате «модернизации» «человеческого капитала» путем инвестиций, а совершенно непостижимым для внешнего наблюдателя образом.

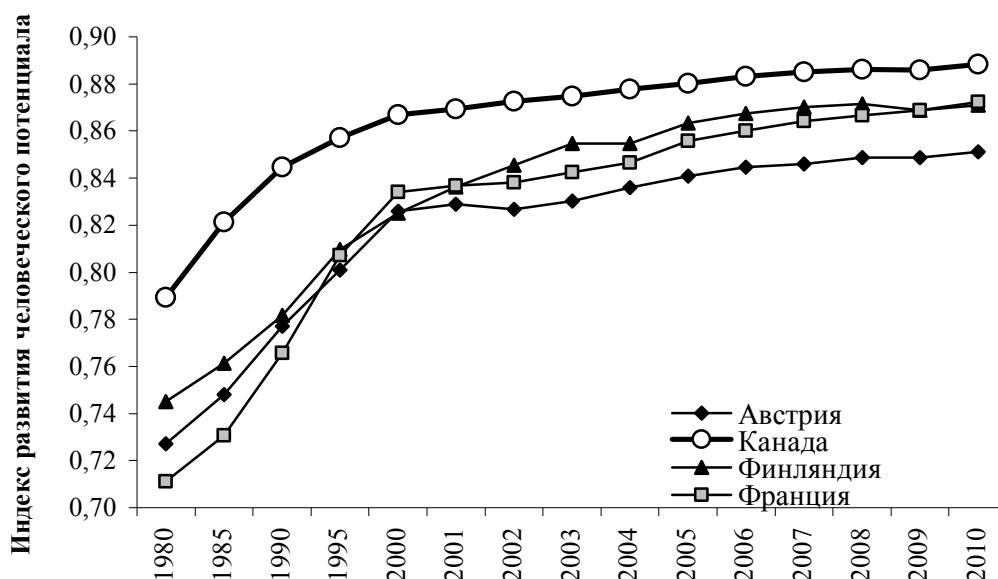
Что же касается «наиболее эффективного» распределения ресурсов в рыночной системе, то огромные сомнения вызывает этот постулат в отношении человеческих ресурсов: рыночная система не имеет «встроенной диагностической системы» для определения наиболее эффективного способа инвестирования в «человеческий капитал»: для этого она слишком примитивна, а человеческая личность слишком сложна для ее механизма. Поэтому концепция «человеческого капитала» является упрощением, необходимым для оправдания утилитарного подхода к уникальной сущности человека, потенциал которого не будет эффективно реализован тех пор, пока эта уникальность и невоспроизводимость не будет признана неоспоримым фактом.

4.1.12. Человеческий потенциал

Пренебрежение отличием человеческих способностей и навыков от капитала и упор на сходства (накопление в результате инвестиций и способность приносить доход) позволяет сторонникам этой доктрины упростить схему взаимоотношений «социум – экономическая система», фактически исключив первую компоненту из анализа; однако проблема влияния социальных процессов на процессы экономические таким образом не устраняется, что предопределяет поражение доктрины экономического детерминизма.

Очевидно, что методологически более корректно использование понятия «человеческий потенциал»; темп роста индивидуального человеческого потенциала зависит как от природных данных, так и от качества жизни, социального окружения, уровня развития общества (уровня законности и соблюдения прав личности).

Программа Развития ООН (ПРООН) рассматривает человека как главное богатство нации; в отличие от концепции «человеческого капитала», которой придерживаются специалисты Мирового Банка, ПРООН реализует концепцию человеческого развития (рис. 4.2), возникшую благодаря инициативе пакистанского экономиста Махбуба-уль-Хака¹²⁴.

4.2. Динамика индексов развития человеческого потенциала Австрии, Канады, Финляндии и Франции¹²⁵

¹²⁴ базирующуюся на его наблюдении, что стабильные темпы роста ВВП на практике не обеспечивают роста благосостояния населения, а могут сочетаться с ухудшением условий жизни

¹²⁵ по данным ПРООН

Различие между терминами «человеческий капитал» и «человеческое развитие» очевидно: если в первом случае человек рассматривается как средство, то во втором – как цель.

Рис. 4.3. позволяет определить степень отставания Украины и России по уровню человеческого развития от таких стран, как Польша и Норвегия. Очевидно, что даже в «наивысшей точке» (2008 г.) человеческий потенциал Украины (значение 0,714) не достигает «наинизших» значений показателей Австрии, Канады, Финляндии 1980 г. (см. рис. 4.2). Такое отставание современного уровня человеческого развития в Украине от показателей «прошлого века» для развитых стран является симптомом серьезных институциональных проблем.

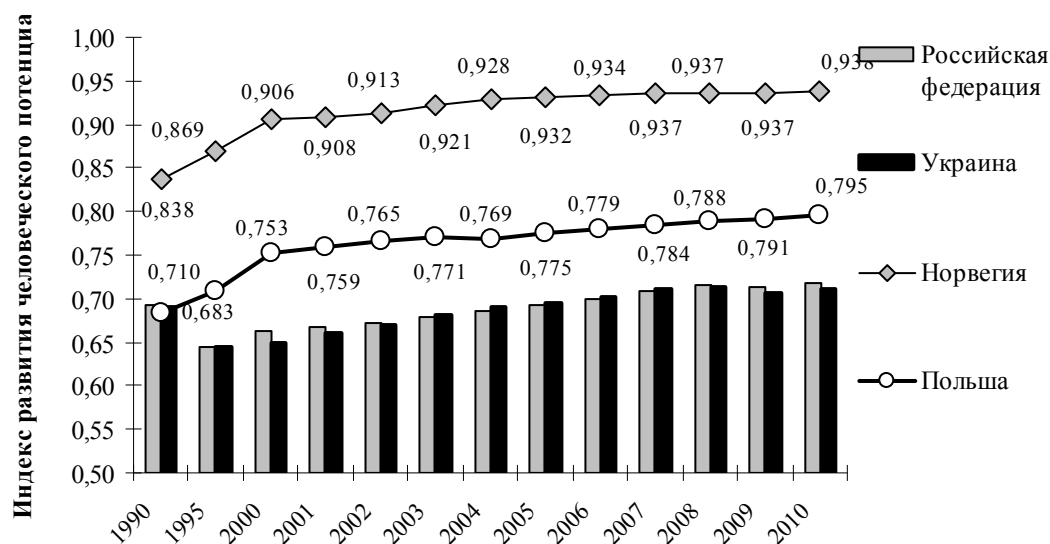

Рис. 4.3. Сравнительная динамика индекса развития человеческого потенциала Украины, России, Польши и Норвегии

В концепции ПРООН права человека на свободную и достойную жизнь являются универсальными, неотчуждаемыми и неделимыми. По поводу социальной значимости этих ценностей Ральф Дарендорф формулирует следующую мысль [54, С. 143]:

«...Открытое общество, жизненные шансы людей, гражданские права, благосостояние, свобода – ценности однозначные. Различны бывают особые условия конкретных обществ и, следовательно, способы реализации этих ценностей».

Достойный уровень жизни, удовлетворительное питание, медико-санитарная помощь, образование и защита от бедствий в концепции ПРООН рассматриваются как права человека, а не только цели развития, а бедность – как угроза для реализации прав человека.¹²⁶ При этом Юджин Стиглиц дает следующую характеристику глобальных процессов [134, С. 23]:

«Растущий разрыв между имущими и неимущими оставляет все больше людей «третьего мира» в жестокой бедности, живущими менее чем на один доллар в день. Несмотря на повторные обещания, данные в течение последнего десятилетия XX в., число людей, живущих в бедности, возросло почти на 100 млн.¹²⁷ И это произошло в то время, когда общемировой доход возрастал в среднем на 2,5 процента в год».

В противоположность рассуждениям Леона Вальраса о том, что политическая экономия не может одновременно являться наукой о производстве богатства и «моральной» наукой о его распределении [28], Стиглиц видит задачу экономической науки в преодолении последствий неравенства распределения – растущей бедности и нищеты [134, С. 44]:

«...величайшие вызовы для экономиста лежат теперь в области нарастающей в мире бедности. Что мы могли сделать для 1,2 млрд. человек, живущих менее чем на один доллар в день, или 2,8 млрд., живущих менее чем на два доллара в день по всему свету, составлявших тогда 45 процентов населения Земли?»

¹²⁶ Доклад о развитии человека 2000, с. 16.

¹²⁷ В 1990 г. 2 718 млн. человек жили менее чем на 2 долл. в день. В 1998 г. число бедных, живущих менее чем на 2 долл. в день, оценивалось в 2 801 млн.: World Bank: Global Economic Prospects and the Developing Countries 2000. — Washington, DC: World Bank, 2000. — P. 29. Дополнительные данные см. в ежегоднике Всемирного банка «World Development Report and World Economic Indicators». Данные по состоянию здравоохранения см. в ежегоднике Всемирного банка – в UNAIDS/WHO, Report on the HIV/AIDS Epidemic 1998.

4.1.13. Предельная эффективность «человеческого капитала»

Дж. М. Кейнс подразумевал под предельной эффективностью капитала отношение между ожидаемым доходом, приносимым дополнительной единицей данного вида капитального имущества, и ценой производства этой единицы [69]. Если рассматривать предельную эффективность «человеческого капитала», то, по логике экономического детерминизма, в отношении его накопления должен действовать закон «убывающей отдачи», т.е. предельная эффективность «человеческого капитала» должна снижаться по мере его накопления. Это означает, что вариация объемов инвестиций в «человеческий капитал» неизбежна в той же степени, как и вариация объемов инвестиций в основной капитал. Во-первых, в долгосрочной перспективе ожидаемый доход будет падать с ростом предложения «человеческого капитала»; во-вторых, в краткосрочном периоде «цена предложения» этого капитала будет расти [69].

Принимая концепцию «человеческого капитала», приходится принимать и эти выводы. Однако данная концепция неприемлема именно потому, что, во-первых, производство «единицы» этого капитала требует большего времени, чем производство единицы основного капитала; во-вторых, снижение объемов инвестиций означает, в первую очередь, сокращение рынка образовательных услуг, т.е. закрытие ряда учебных учреждений, что означает утрату ценных педагогических кадров. В результате последующее увеличение объемов инвестиций будет означать создание того, что было разрушено ранее; для этого в стране может просто не оказаться нужного количества соответствующих трудовых ресурсов. Это приведет к значительному возрастанию периода «окупаемости» инвестиций, и не только потому, что процесс подготовки

преподавателей с необходимым опытом работы значительно превышает время на подготовку специалистов соответствующего профиля; в первую очередь, сохранение целостности и полноты объема знаний, носителями которой являются не книги и учебники, а живые люди, связано с традициями высшей школы, в рамках которой этот объем не просто сберегается, а превращается из информации в знания. Синергетический эффект здесь возникает как результат длительного функционирования системы, порождая определенные традиции, стиль взаимоотношений, методы передачи знаний и т.д. Достаточно сопоставить стиль взаимоотношений между студентами и преподавателями высшей школы во вновь созданных ВУЗах и в давно действующих учреждениях высшего образования: в первом случае эти отношения всегда носят формальный характер, преподаватели дистанцированы от студентов; во втором наблюдается более демократичная среда, располагающая студента к проявлению большей заинтересованности, продолжительность неформального общения студентов с преподавателями вне аудиторий больше; формируются традиции проведения дискуссий, развивающих мышление студентов и способствующих выработке собственной точки зрения.

Как бы не хотелось обратного реформаторам, но всемирно известные научные школы всегда «старые»; период формирования действительно «высшей школы» измеряется даже не десятилетиями, в отличие от «учреждений высшей школы», создаваемых практически за считанные годы декретом наркома просвещения или указом Министерства образования. Как хороший коньяк, «высшая школа» также предполагает длительную «выдержку», только значительно более продолжительную. Таким образом, разрушение высшей школы —

процесс краткосрочного периода, а формирование – процесс многих десятилетий.

Именно в рамках высшей школы недопустима трансформация «труда» в «работу», что происходит в результате жесткой регламентации процесса.

Процесс реформ высшей школы не может регламентироваться чиновниками, поскольку ее развитие – это процесс эволюционный, а не революционный; эволюционный характер развития исключает жесткое вмешательство извне, так же как эволюция биологических видов исключает генетические эксперименты. Просим прощения за грубую аналогию, но если в хозяйстве одного индивида есть лошадь, а у другого – ишак, не стоит пытаться превратить лошадь в ишака или наоборот; долгий период эволюции создал два этих вида животных, и одного лишь человеческого желания иметь лошадь вместо ишака или ишака вместо лошади недостаточно для того, чтобы реальность резко изменилась.

Итак, уникальность процесса образования более всего отражает роль человека: это не просто передача знаний; невозможно стать преподавателем высшей школы, просто прочитав определенный объем книг. Огромную роль играют традиции, определяющие стиль коллективной жизни и систему ценностей сообществ в рамках учебных заведений. Не менее важны методы передачи знаний, которые не могут развиваться иначе, как в процессе личного общения, поскольку формируются не в результате деятельности отдельного педагога, а в результате длительного функционирования всей системы.

Таким образом, утилизация накопленного «человеческого капитала» в результате снижения объема инвестиций в него может привести к долгосрочной стагнации в силу действия принципа

акселерации: предельная эффективность «человеческого капитала» в долгосрочной перспективе будет снижаться за счет роста стоимости «производства» единицы этого капитала, что будет дестимулировать инвестиции. Итак, резкое сжатие рынка труда за счет сокращения инвестиций в «человеческий капитал» возможно, однако нереальным представляется столь же резкое его расширение. При этом затраты на расширение рынка труда будут на порядки больше, чем то сокращение инвестиций, которое привело к его сжатию. Это означает, что методология концепции «человеческого капитала» является заведомо некорректной ввиду неприменимости законов накопления капитала к активным элементам производительных сил.

Далее хотелось бы рассмотреть убывающую отдачу от инвестиций в «человеческий капитал» не в смысле снижения добавленной стоимости или прибыли, а в смысле прироста объемов этого «капитала».

В отличие от методики Мирового Банка, большинство оценок «человеческого капитала» осуществляется по общему объему инвестиций в здравоохранение, образование и уровень доходов населения. Однако если для произведенного капитала выражение $\Delta K_t = I_{t-1}$ справедливо, то для «человеческого капитала» будет скорее справедливо выражение: $\Delta K_t = \xi(K_{t-1}) \cdot I_{t-1}$, где $\xi(K_{t-1})$ – коэффициент предельной отдачи от инвестиций, зависящий от объема накопленного «человеческого капитала». Таким образом, оценка объемов инвестиций характеризует не сам «человеческий капитал», а условия его накопления; при этом темп накопления этого «капитала» будет зависеть от его объема.

Если в качестве характеристики результативности инвестиций рассматривать индекс развития человеческого потенциала ПРООН, очевидно, что рост ожидаемой продолжительности жизни невозможен

Таким образом, даже в случае постоянного роста объема инвестиций в «человеческий капитал» по мере его накопления «отдача» от этих инвестиций в виде соответствующего прироста «человеческого капитала» будет снижаться.

Темп роста, %

Индекс развития человеческого потенциала

◆ Австрия

○ Германия

■ Финляндия

--- Австрия (тренд)
 $R^2 = 0,6799$

- . - Германия (тренд)
 $R^2 = 0,5505$

— Финляндия (тренд)
 $R^2 = 0,8051$

В рамках концепции «человеческого капитала» можно сделать вывод, что при достижении некоторого его объема дальнейшие инвестиции в человеческое развитие теряют экономический смысл (т.е.

становятся неэффективными). Этот вывод противоречит цели социального прогресса, т.е. сама концепция «человеческого капитала» изначально находится в таком противоречии, поскольку рассматривает человека как средство, а не цель.

Если же посмотреть на тренды соответствующих кривых для таких стран, как Бенин, Бангладеш и Китай (рис. 4.5), то заметно, что межстрановые различия столь велики, что говорить о какой-либо связи даже типа $I_{t-1} = \xi(K_{t-1}) \cdot \Delta K_t$ между инвестициями в «человеческий капитал» и объемом этого «капитала» не представляется возможным; институциональная среда различных стран является главным дифференцирующим фактором; вторым по значению фактором является роль данной страны в международном разделении труда, т.е. внешняя институциональная среда.

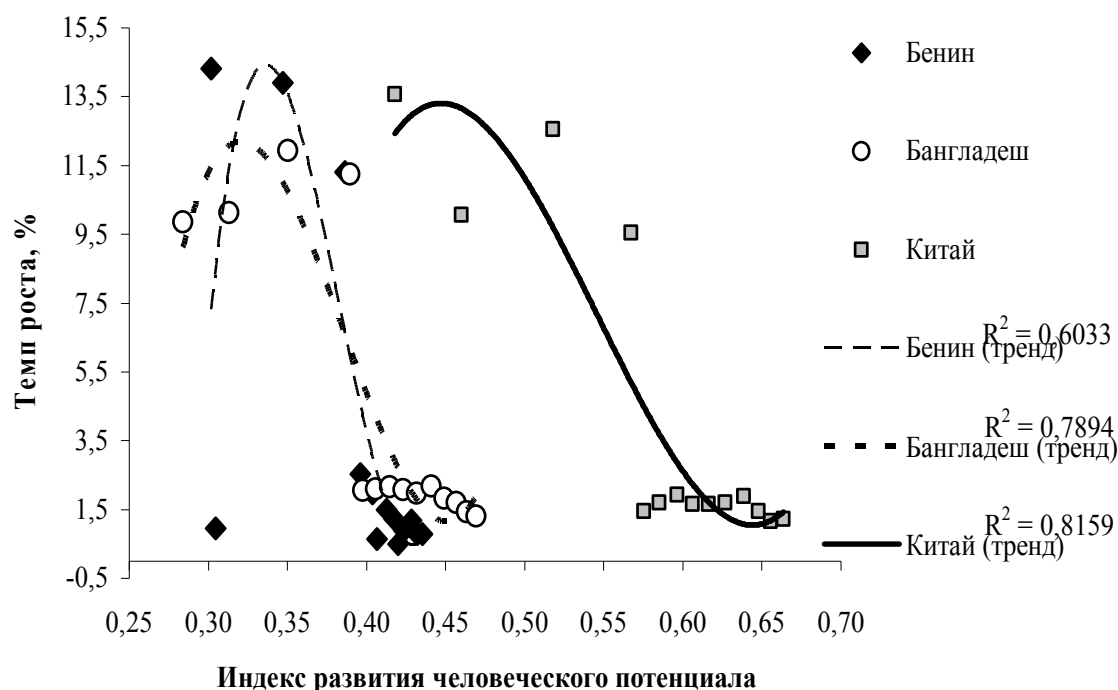

Рис. 4.5. Связь между уровнем человеческого развития и темпами его роста для Бенина, Бангладеш и Китая

Таким образом, принятие концепции «человеческого капитала» подразумевает признание того, что уровень человеческого развития является результатом конъюнктурных колебаний на рынке инвестиций; что стимулом для инвестиций в человеческое развитие является соотношение предельной эффективности «человеческого капитала» и рыночной ставки процента. Мы уже привели аргументы против этой «рыночной» концепции, осталось подвести итоги.

Резюме

Подводя итог вышесказанному, несложно убедиться, что концепция «человеческого капитала» приводит нас к конфликту институтов труда и собственности; речь идет о деформации институциональной матрицы, происходящей в результате вытеснения одного базисного института другим. Понятие «человеческий капитал» активно используется приверженцами экономического детерминизма, поскольку оно позволяет игнорировать уникальную системообразующую функцию института труда, а социальную сущность самого труда заменить экономическим суррогатом. Уже не капитал является овеществленным трудом, а труд становится продуктом капитала, что переворачивает с ног на голову систему причинно-следственных связей и приводит к абсурду.

Если даже согласиться с таким подходом к оценке человеческих знаний, квалификации и опыта, то нарушение принципа гомогенности¹²⁸ в отношении понятия «капитал» приводит к эклектике. Неоднородность в этом случае выражается в противоречии между социальной природой

¹²⁸ Принцип гомогенности запрещает объединять разнородные принципы в рамках единой теории. Нарушение этого принципа ведет к эклектике.

труда и антисоциальной природой капитала и полном отсутствии симметрии взаимоотношений между ними.

Таким образом, концепция человеческого капитала – это еще один артефакт экономического детерминизма, с помощью которого элиминируется социальная сущность человека и его доминантная роль в отношениях с материальной средой.

Богатство, определяемое специалистами Мирового Банка как «непостижимый остаток», является накопленной добавленной стоимостью, созданной непосредственной деятельностью человека; как и всякое богатство в условиях частной собственности, оно имеет владельцев. Если исключить из него стоимость общественных благ, принадлежащих всему обществу, то остальное богатство персонифицируется; как материализованный и отчужденный труд, оно не может считаться «человеческим капиталом». Что касается зависимости его объема от уровня образования (количества лет обучения), очевидно, что дело не в «человеческом капитале», а в том, какую роль играет данная страна в международном разделении труда. Соответственно этой роли формируется и структура общественного производства; а эта структура определяет спрос на те или иные специальности, квалификацию, знания.

Технологическая отсталость отдельных стран в большей степени является результатом внешнеэкономической политики развитых стран, не заинтересованных в выходе на мировой рынок новых конкурентов с продукцией высоких технологий [134]. Поэтому низкий уровень человеческого развития в отсталых странах консервируется высокоразвитыми; это институциональная преграда, сознательно поставленная «лидерами» международного разделения труда. «Человеческий капитал», рассчитанный по методике Мирового Банка,

отражает неравенство международного распределения. При этом слаборазвитые страны с низким уровнем жизни не могут сформировать институциональную среду, способствующую росту социального капитала.

4.2. «Человеческий капитал» и уровень человеческого развития в Украине: институциональные аспекты

4.2.1. Динамика «человеческого капитала» Украины

Оценки объемов инвестиций в здравоохранение, образование и информационное обеспечение дают представление о том, в каких условиях происходит воспроизводство человеческого потенциала страны. Однако, как уже говорилось ранее, эти оценки по ряду причин не могут дать представления о «человеческом капитале» нации (ввиду миграционных процессов, утилизации знаний в процессе их нецелевого использования и других явлений, обуславливающих неточность подобных оценок). Поэтому мы будем в дальнейшем рассматривать эти оценочные значения как характеристику системы прямых факторов воспроизводства человеческого потенциала.

Из сопоставления оценочных значений «человеческого капитала»¹²⁹ Украины, России, Казахстана и Беларуси [4] видно, что значение этого показателя на душу населения в Украине наихудшее (табл. 4.4).

¹²⁹ как совокупного объема инвестиций

Таблица 4.4.

Оценки человеческого капитала стран СНГ на 2000 г.

Страна	Объем, трлн. долл. США	На душу населения, долл. США	Доля в национальном богатстве, %
Страны СНГ	39,9	142,2	49,1
Украина	4,5	91,8	53,1
Россия	28,7	197,1	50,9
Казахстан	1,5	100,7	35,4
Беларусь	1,8	181,6	55,4

Источник: [4]

Украинские ученые [178] также отмечают негативную динамику инвестиций в «человеческий капитал»¹³⁰ в Украине (табл. 4.5): по графику рис. 4.6 видно, что доля «человеческого капитала»¹³¹ в национальном богатстве Украины стабильно снижается.

Таблица 4.5.

**Человеческий капитал в структуре национального богатства
Украины в 2000–2005 гг.**

Показатель		2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	2005 г.
Национальное богатство в фактич. ценах текущего года	трлн. грн.	7,7	8,3	8,5	8,8	9,1	9,9
	трлн. долл. США	1,4	1,6	1,6	1,6	1,7	2,0
Доля человеческого капитала в национальном богатстве, %		55,7	52,5	51,5	51,2	49,7	46,7

Источник: [178, С. 73–74]

Таким образом, условия воспроизводства человеческого потенциала Украины ухудшаются; интересно, что темпы роста национального богатства Украины обратным образом связаны с

¹³⁰ совокупных инвестиций государства, домохозяйств, предприятий, государственного центра занятости и фондов социального страхования

¹³¹ рассчитанная затратным методом

темпами роста доли «человеческого капитала» в нем (коэффициент парной корреляции $-0,975$).

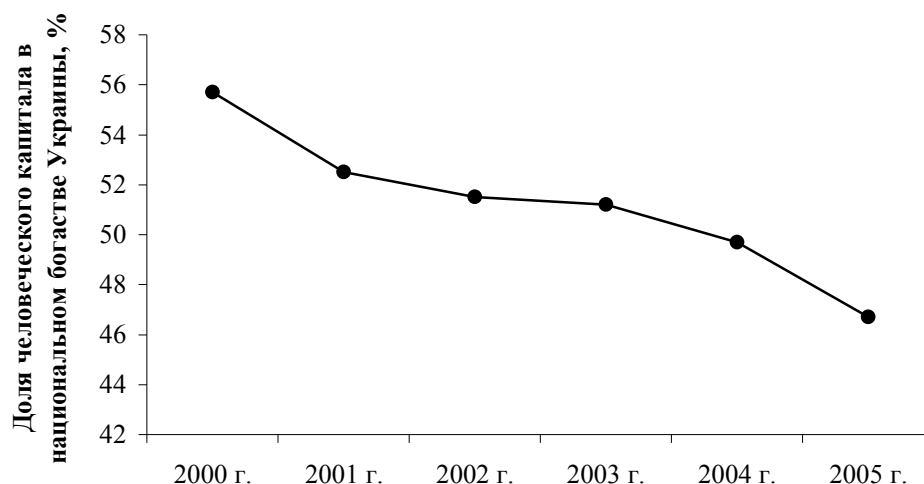

Рис. 4.6. Динамика удельного веса человеческого капитала в национальном богатстве Украины

Складывается впечатление, что национальное богатство Украины растет за счет «экономии» на развитии человеческого потенциала (рис. 4.7); такую тенденцию можно охарактеризовать как «самопоедание».

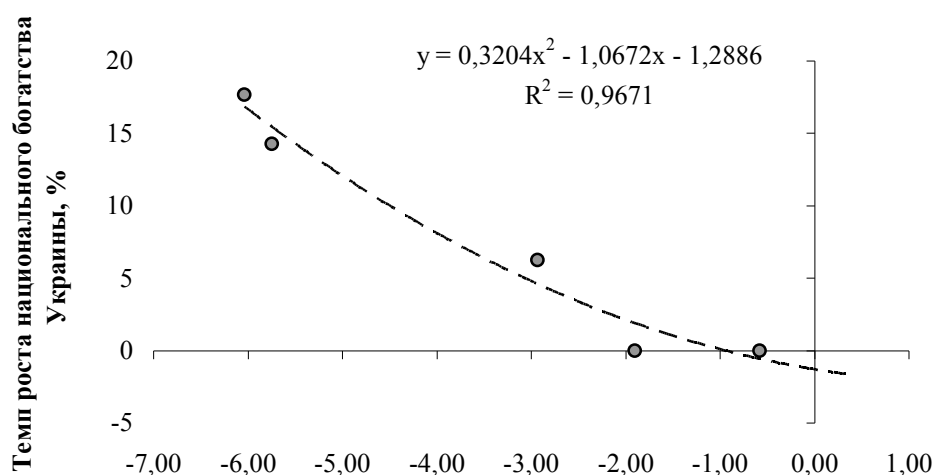

Рис. 4.7. Связь между темпами роста национального богатства Украины и темпами роста доли «человеческого капитала» в нем

Масштаб депопуляции в Украине – самый высокий среди европейских стран; уровень здоровья нации характеризуется следующими данными [105, С. 11]:

«Майже одна чверть дорослого населення України має принаймні 1 хронічне захворювання чи стан, близько 7% мають декілька (3 чи більше) хронічних захворювань або стаїви»¹³².

Очевидно, что факторное пространство, в котором происходит развитие социума Украины, является управляемо негативным; управляемость заключается в том, что это не результат действия неустранимых внешних факторов (стихийных бедствий, войн или эпидемий), а результат институционально оформленного процесса: снижения инвестиций в человеческое развитие. Это наглядно иллюстрирует тенденция снижения расходов на систему здравоохранения Украины (табл. 4.6, рис. 4.8).

Как видно из табл. 4.6, количество лечебных учреждений и больничных коек в расчете на 10 тыс. населения снижается, что, как мы знаем, отнюдь не является результатом роста численности населения; при этом число вновь зарегистрированных случаев заболеваний на 10 тыс. населения растет. Обратная корреляция этих показателей (см. табл. 4.6, рис. 4.8) свидетельствует о наличии управляемой тенденции; это один из институциональных факторов депопуляции. При этом стоимость медицинских услуг не соответствует уровню оплаты труда [105, С. 19]

«В середньому українець витрачає приблизно 185 гривень за візит до лікаря (23 долари США)»¹³³,

¹³² Почти одна четверть взрослого населения Украины имеет по крайней мере 1 хроническое заболевание или состояние, около 7% имеют несколько (3 или больше) хронических заболеваний или состояний

¹³³ В среднем украинец тратит приблизительно 185 гривен за визит к врачу (23 доллара США)

т.е. почти 10% своего месячного заработка среднестатистический житель Украины тратит на одно посещение врача, причем без учета стоимости обследования и лечения.

Таблица 4.6.

**Связь между заболеваемостью населения и медицинским
обслуживанием в Украине***

Год	Количество на 10 тыс. населения		
	впервые зарегистрированных случаев заболеваний	лечебных учреждений	больничных коек
1992	6380,36	0,749	132,6
1993	6475,95	0,746	130,9
1994	6035,76	0,748	129,3
1995	6291,90	0,754	125,1
1996	5881,23	0,721	114,6
1997	6131,24	0,669	100,2
1998	6347,73	0,655	97
1999	6602,62	0,661	96,5
2000	6771,42	0,668	95
2001	6784,51	0,654	96,6
2002	6651,86	0,640	97,3
2003	6788,05	0,625	96,6
2004	6839,85	0,609	95,7
2005	6960,97	0,613	95,2
2006	6869,88	0,618	95,6
2007	7033,19	0,600	95,2
2008	7001,32	0,625	95,1
2009	7158,51	0,607	94,2
Коэффициент парной корреляции с количеством впервые зарегистрированных случаев заболеваний		-0,799	-0,659

* Источник: Государственный комитет статистики Украины

В качестве характеристики индивидуальных инвестиций в «человеческий капитал» можно сопоставить данные Госкомстата Украины об удельном весе расходов на алкоголь и табачные изделия в совокупных расходах домохозяйств с долей расходов на здравоохранение и образование (рис. 4.9).

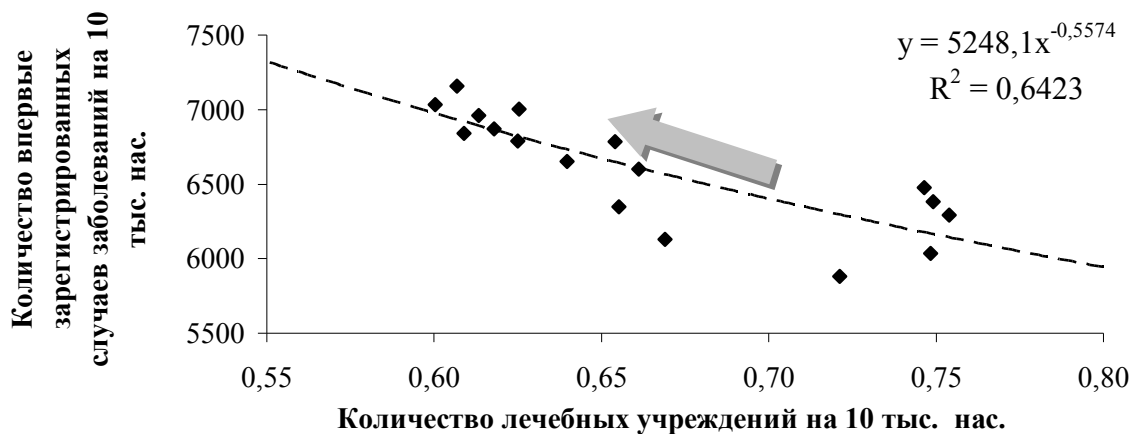

Рис. 4.8. Обратная связь между количеством лечебных учреждений и числом впервые зарегистрированных заболеваний в Украине

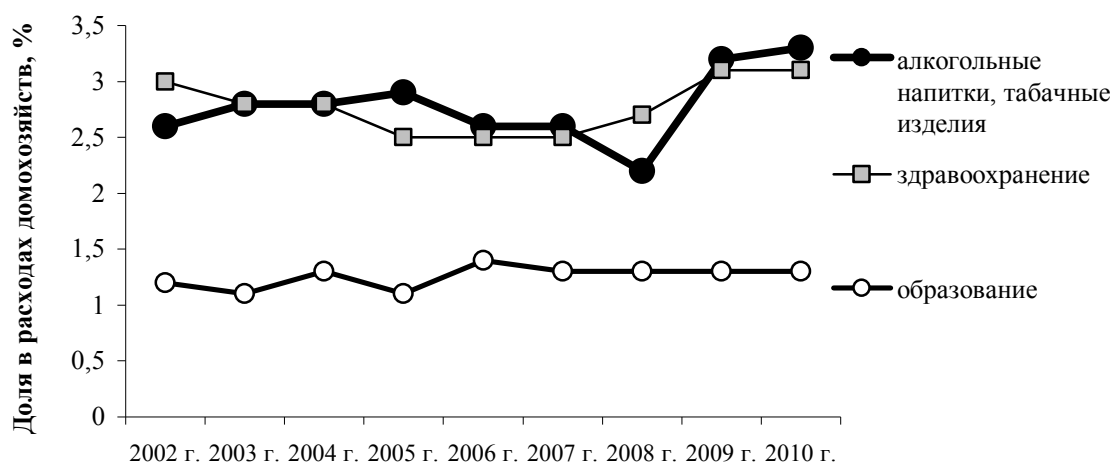

Рис. 4.9. Динамика удельного веса расходов на алкоголь и табачные изделия, образование и здравоохранение в структуре совокупных расходов домохозяйств Украины

Результатом подобных тенденций является то, что [105, С. 44]:

«У 2004 році Україна посідала друге місце за рівнем смертності від зловживання алкоголем (включаючи алкогольний психоз) у всьому Європейському регіоні ВООЗ, йдучи слідом за Естонією»¹³⁴.

И просто комично звучит следующий вполне очевидный вывод [105, С. 34]:

«Малозабезпечені найбільш схильні до гіпертонічної хвороби, а ожиріння переважно зустрічається серед заможних»¹³⁵.

Что касается низкого уровня инвестиций домохозяйств в образование, то это важнейшая характеристика институционального пространства – как внутреннего, так и внешнего. Структура экспорта Украины свидетельствует о ее роли в международном разделении труда скорее как поставщика сырья и продукции первичной переработки, т.е. продукции с низким удельным весом добавленной стоимости; консервация технологической отсталости Украины как участника мирового рынка является следствием действия внешних институциональных факторов.

Что касается внутренних институциональных факторов, то к ним относится низкий уровень социальных стандартов, а так же социальной ответственности государства и бизнеса, что определяет соответствующую модель распределения благ, ведущую к росту дифференциации доходов. Низкий уровень доходов большинства населения является существенным препятствием росту инвестиций домохозяйств в образование; целый ряд других институциональных факторов обуславливает снижение качества образовательных услуг, причем в своей совокупности все эти факторы связаны с рыночной моделью функционирования системы образования.

¹³⁴ В 2004 году Украина занимала второе место по уровню смертности от злоупотребления алкоголем (включая алкогольный психоз) во всем Европейском регионе ВОЗ, вслед за Эстонией

¹³⁵ Малообеспеченные наиболее склонны к гипертонической болезни, а ожирение преимущественно встречается среди зажиточных

4.2.2. Гражданское общество и права человека

По данным Счетной палаты Украины¹³⁶, граждане Украины все чаще обращаются к международным судебным инстанциям по поводу обеспечения соблюдения конституционных прав и свобод. На конец 2010 г. в Европейском суде по правам человека находилось в рассмотрении около 11 тыс. заявлений от украинских граждан по поводу защиты их прав в Украине. Из официального отчета Счетной Палаты Украины:

За период 2009 г. и девять месяцев 2010 г. за защитой своих конституционных прав к Уполномоченному по правам человека Верховной Рады Украины обратились почти 141 тыс. граждан, от 119,9 тыс. лиц поступило 38 тыс. письменных обращений, на личный прием пришли 11,8 тыс. лиц, на телефоны «горячей линии» позвонили по телефону 9,3 тысячи. Только на протяжении 2009 года Уполномоченный контролировал и сопровождал 7,3 тыс. обращений и запросов, направленных им в государственные органы, виновные, по мнению заявителей, в нарушении их прав и законных интересов. В то же время ежегодно Уполномоченный получает около 2,5 тыс. повторных обращений граждан с жалобами на невыполнение более чем 60% решений.

В целом за 2001–2010 годы на выполнение решений Европейского суда по правам человека Украина оплатила из госбюджета около 50 млн. гривен.

Среди наиболее часто встречающихся в Украине нарушений прав человека Парламентская ассамблея Совета Европы отметила:

- смерти или травмы из-за жестокого обращения представителей правоохранительных органов;
- незаконные или необоснованно длительные задержания;
- задержки с рассмотрением дел в суде и невыполнение судебных решений.

¹³⁶ <http://www.ac-rada.gov.ua/control/main/uk/publish/article/16733665>

Сопоставление уровня развития гражданских объединений в Украине с другими странами (рис. 4.10) дает наглядное представление о соответствующих соотношениях объемов социального капитала, характеризующих условия реализации человеческого потенциала.

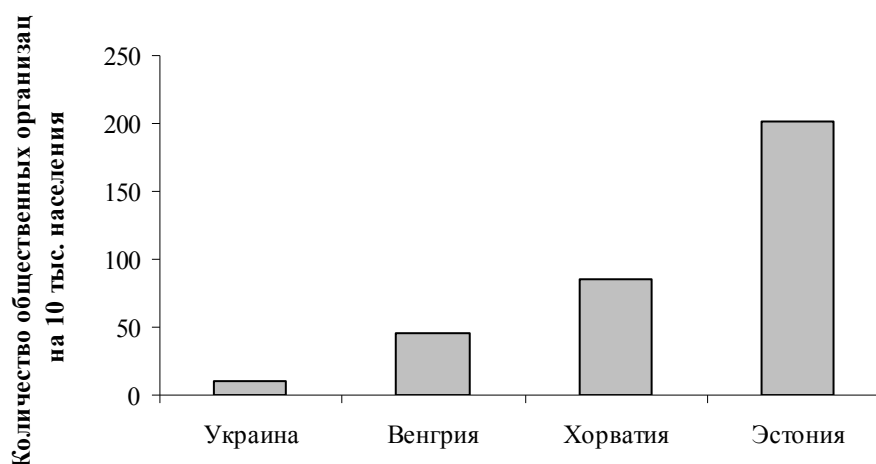

Рис. 4.10. Количество общественных организаций в расчете на 10 тыс. населения в Украине и других странах

По данным Центра Каунтерпарт¹³⁷, общее количество зарегистрированных гражданских объединений в Украине составляет около 35 тыс., из которых реально действующими являются приблизительно 10%. При этом по результатам всеукраинского исследования Центра Разумкова, проведенного в 2003 году, доля лиц, принимающих активное участие в деятельности организаций гражданского развития, составляет только 6% населения.

¹³⁷ благотворительный фонд, основанный в Украине в 1996 г. для разработки и осуществления программ содействия развитию творческой активности человека, утверждения идеалов гражданского общества, решения проблем образовательного, социального, культурного, научного характера, укрепления сектора неправительственных неприбыльных общественных организаций. Официальный филиал американского фонда Counterpart International, Inc.

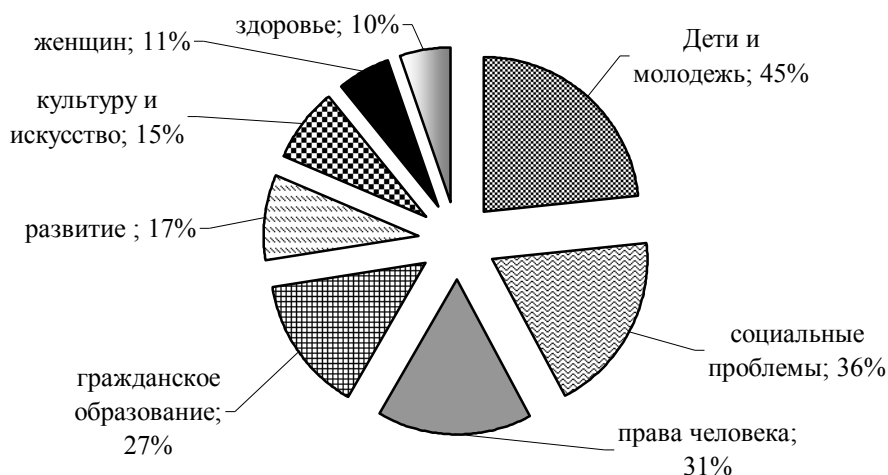

Рис. 4.11. Направления деятельности гражданских объединений в Украине¹³⁸

Следует отметить, что согласно решению Европейского Суда по Правам Человека¹³⁹, Закон Украины «Об объединении граждан», принятый в 1992 году, противоречит Европейской Конвенции по правам человека (решение от 3 апреля 2008 г.). На сегодняшний день общественные организации в Украине не имеют права осуществлять деятельность, приносящую прибыль, даже в сферах, где это не запрещено законом – образование, здравоохранение и т.д.

Наглядной характеристикой институциональной среды являются нисходящие тренды основных показателей развития гражданских объединений в Украине (рис. 4.12).

По данным опросов¹⁴⁰ социологической службы Украинского центра экономических и политических исследований имени Александра

¹³⁸ по данным Творческого Центра Каунтерпарт

¹³⁹ дело № 40269/02 «Корецкий и др. против Украины»

¹⁴⁰ Выборка представляет взрослое население Украины по основным социально-демографическим показателям. Были опрошены респонденты в возрасте от 18 лет во всех областях Украины, Киеве и АР Крым. Теоретическая погрешность выборки не превышает 2,3% с вероятностью 0,95.

Разумкова, население Украины достаточно отчетливо осознает свою неспособность повлиять на ход событий в стране и политику властных структур (рис. 4.13), но и мало склонно даже к легитимным формам протеста (рис. 4.14).

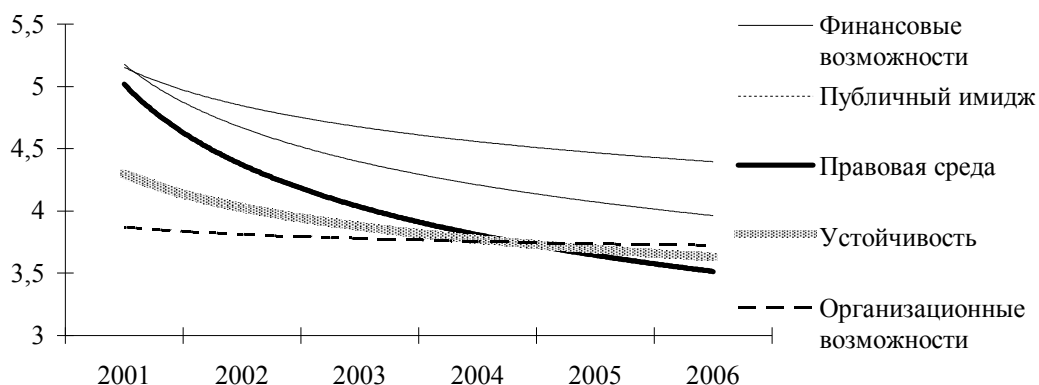

Рис. 4.12. Тренды индексов стабильности гражданского общества¹⁴¹

Низкий уровень гражданской активности населения в Украине свидетельствует о возрастании социальной энтропии, вызванном кризисом институциональной системы.

Однако готовность населения Украины к участию в акциях протеста растет, что заметно по диаграммам рис. 4.15 и 4.16.

Особенно заметно растет готовность принять участие в санкционированных митингах и демонстрациях (уверенно готовых принять участие – с 7,2 % в 2008 г. до 10,4% в 2009; готовых скорее всего принять участие – с 17,1% в 2008 г. до 28,1% в 2009 г.), забастовках (уверенно готовых – с 2,8 в 2008 г. до 5% в 2009 г.; скорее всего готовых – с 10,6% в 2008 г. до 18,1% в 2009 г.); в отказе от

¹⁴¹ по данным Агентства США по международному развитию (USAID)

выполнения решений администрации и органов власти (уверенно готовых – с 2,2 в 2008 г. до 4,4% в 2009 г.; скорее всего готовых – с 8,6% в 2008 г. до 14% в 2009 г.).

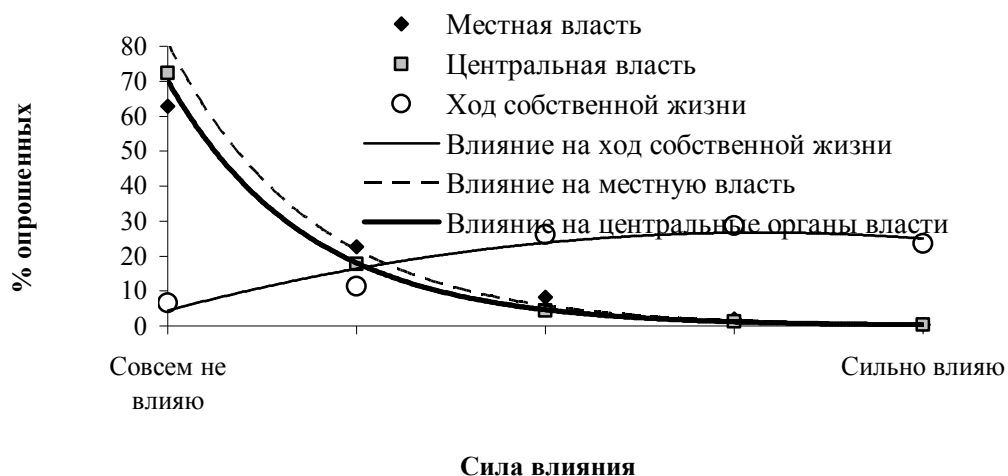

Рис. 4.13. Оценка влияния на власть и ход собственной жизни¹⁴²

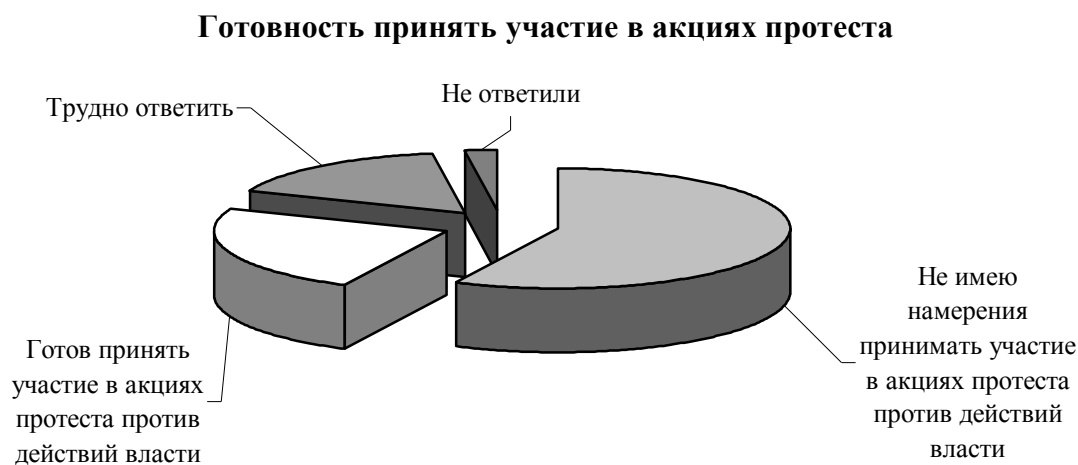

Рис. 4.14. Готовность принять участие в акциях протеста¹⁴³

¹⁴² Исследование проведено с 27 февраля по 5 марта 2009 года. Были опрошены 2012 респондентов. Опрос проведен в 129 населенных пунктах (75 городских и 54 сельских).

¹⁴³ Исследование проведено с 19 по 25 июня 2008 года. Были опрошены 2014 респондентов

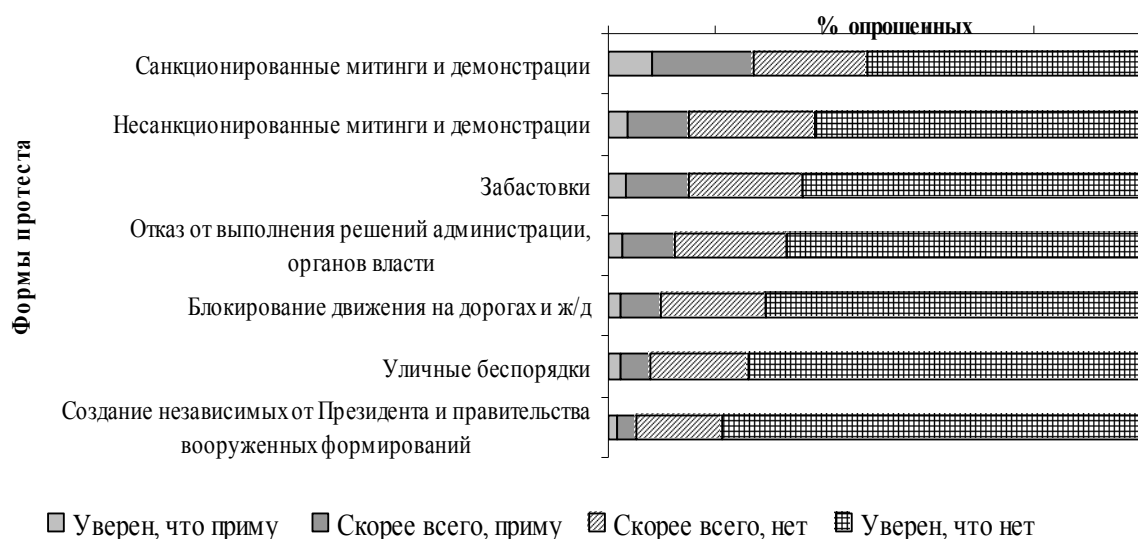

Рис. 4.15. Готовность опрошенных принять участие в различных акциях протеста в 2008 г.

Рис. 4.16. Готовность опрошенных принять участие в различных акциях протеста в 2009 г.¹⁴⁴

¹⁴⁴ Исследование проведено с 27 февраля по 5 марта 2009 года, опрошено 2012 респондентов в 129 населенных пунктах (75 городских и 54 сельских).

Соответственно снижается число тех, кто уверенно не желает принимать участие в акциях протеста.

Эти данные свидетельствуют, с одной стороны, о сокращении наиболее политически стабильной прослойки «среднего класса», а с другой – о росте социальной напряженности; с экономической точки зрения подобная ситуация неизбежно приводит к росту транзакционных издержек, т.е. снижению эффективности функционирования хозяйственного механизма.

4.2.3. Уровень жизни и доходы населения в Украине

Опросы Украинского центра экономических и политических исследований им. А. Разумкова показывают, что в 2008 г. к среднему классу себя отнесли 50,7 % опрошенных; однако по критерию дохода из них – только 29,3 % (рис. 4.17). К высшему классу себя отнесли всего 1,7% опрошенных, а 31% признали свою принадлежность к низшему классу.

Сопоставляя эти данные с данными Счетной Палаты Украины за 2009 г. (табл. 4.7), можно сделать вывод, что за год либо ситуация в стране ухудшилась значительно, или население стало более трезво оценивать свое положение:

«Згідно з матеріалами обстеження умов життя домогосподарств, за даними 2009 року, 56,4 відс. населення вважали себе бідними, ще 41,3 відс. вважають себе небідними, але ще й не представниками середнього класу»¹⁴⁵.

¹⁴⁵ Согласно с материалами обследования условий жизни домохозяйств, по данным 2009 года, 56,4 % населения считали себя бедными, еще 41,3 % считают себя не бедными, но еще и не представителями среднего класса. — «Про результати аналізу виконання комплексної програми забезпечення реалізації стратегії подолання бідності». — Київ: Рахункова палата України, 2011. — С. 4.

Таблица 4.7.

Основные показатели бедности в Украине за 1999–2009 годы**

	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.
Граница бедности (грн. на 1 человека в месяц)											
– относительный критерий	126	156	175	192	220	271	365	430	526	778	835
– по прожиточному минимуму		270,1	311,3	342	342	362,2	423	463,7	518,5	607,5	638,5
Граница нищеты (грн. на 1 человека в месяц)	101	125	140	153	176	217	292	344	420	622	668
Уровень бедности, %											
– относительный критерий	27,8	26,4	27,2	27,2	26,6	27,3	27,1	28,1	27,3	27	26,4
– критерий прожиточного минимума		70,6	71,2	72,5	63,3	50,3	38,2	33	26,4	12,6	9,8
Уровень нищеты, %	14,4	13,9	14,9	13,7	13,7	14,2	14,4	14,8	13,8	13,6	13
Уровень нищеты среди бедного населения, %	52	52,7	54,9	50,6	51,4	51,9	53,1	52,5	50,6	50,6	49,1
Глубина бедности, %											
– относительный критерий	23,3	23,8	25	23,9	22,9	24	23,8	23,8	23,1	23,4	22,3
– критерий прожиточного минимума		35,4	37,1	36,7	32,1	29,3	26,4	25,5	22,7	20,6	18,9
Совокупные эквивалентные расходы бедного населения (грн. на 1 человека в месяц)	96,7	118,9	131,3	146	169,7	205,9	278,3	327,7	404,7	595,6	648,7
Средний дефицит доходов бедного населения (грн. на 1 человека в месяц)	29,3	37,1	43,7	46	50,3	65,1	86,8	102,3	121,3	182,4	186,3
Совокупный дефицит доходов бедного населения (млн.грн. в месяц)	400,5	479,1	572	597,2	618,4	822	1079,5	1303	1491,6	2198,6	2184,1

* Размер прожиточного минимума в среднем на одного человека

** Данные обследования условий домохозяйств для расчета показателей бедности за 2010 год Государственной службой статистики будет предоставлено Институту демографии в первой декаде июля 2011 года

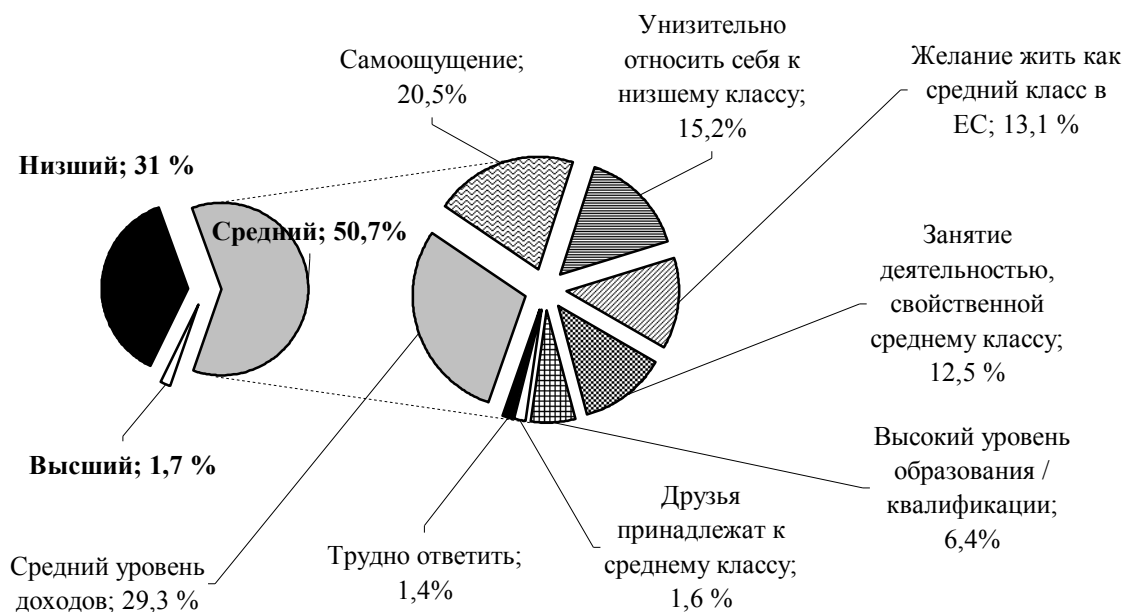

Рис. 4.17. Результаты социологического опроса: распределение опрошенных по социальным классам в 2008 г.

Таким образом, в 2009 году к «низшему» классу себя уже относят 97,7 % населения; по этим данным получается, что средний и «высший» класс в Украине составляют в совокупности не более 2,3 % населения.

Это вполне соответствует данным Госкомстата Украины: в 2008 году только 6,1% населения имели доход выше 1920 грн. в месяц (в 2009 году – 7,1 % населения, а в 2010 – 12,4 %); в пересчете по курсу 8,5 это меньше 226 долл. США, т.е. 7,5 долл. США в день. Доходы же остальных 93,9 % населения (в 2009 году – 92,1 %, в 2010 г. – 87,6 %) значительно ниже. Месячный доход ниже 100 долл. имели в 2008 году 41,5 % населения (в 2009 году – 36,3 %). При этом уровень цен и тарифов на коммунальные услуги росли на фоне снижения курса доллара, делая бессмысленным любые пересчеты в USD.

В результате средний уровень жизни в стране наглядно иллюстрируется динамикой коэффициента Энгеля (рис. 4.18).

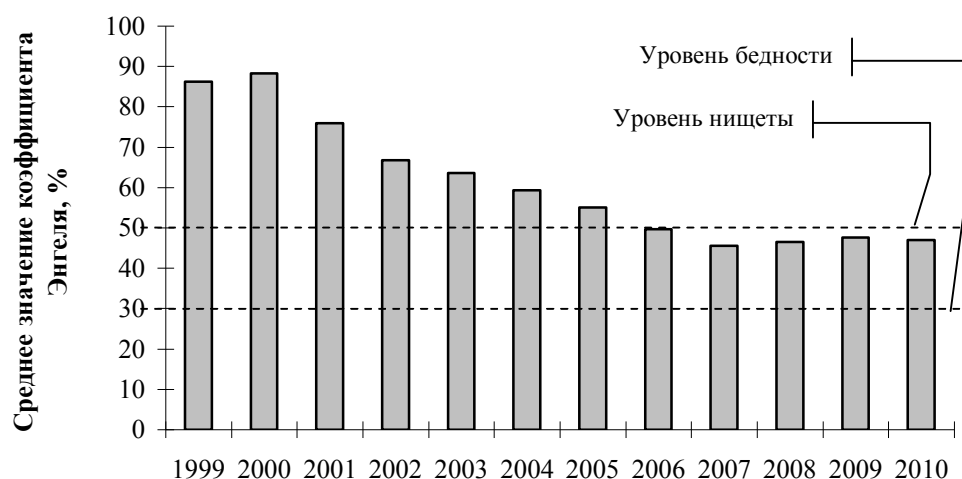

Рис. 4.18. Динамика коэффициента Энгеля (расчеты выполнены по данным Госкомстата Украины)

С точки зрения уровня жизни «среднего класса», даже доход на уровне 226 долл. США в месяц является явно недостаточным для обеспечения приличного уровня жизни; он обеспечивает питание на достаточно скромном уровне, но не дает возможность оплаты постоянно растущих тарифов на коммунальные услуги, приобретения предметов длительного пользования, приличной одежды и обуви, книг, компьютера и т.д.

Таким образом, более 90% населения Украины могут быть отнесены к «низшему» классу по критерию дохода; при этом речь не идет о безработных: более половины из этих людей работают. Однако общественная ценность труда в Украине исчерпывающе характеризуется тем, что удельный вес заработной платы в доходах населения в III квартале 2010 г. был на уровне 40,9 %.

Что касается «помощи» МВФ Украине, то ее результаты вполне согласуются с выводами Юджина Стиглица [134, С. 110]:

«Если МВФ недооценивает риски своих стратегий развития для бедных, это значит, что там недооценивают долговременные социально-политические издержки стратегии, которая разрушает средний класс, обогащает ничтожную кучку в верхах, и сильно переоценивают позитивные аспекты политики рыночного фундаментализма. Средний класс традиционно был группой, стоявшей на стороне закона, боровшейся за всеобщее бесплатное образование, за создание социальной страховочной сетки. Все это – элементы здоровой экономики, и эрозия среднего класса равносильна эрозии поддержки этих важных реформ».

По данным Счетной Палаты Украины, В 2009 году при границе бедности на уровне 835 грн. на человека в месяц в эту категорию попало 26,4 %, а уровень нищеты составил 13 % (рис. 4.19 по данным табл. 4.7).

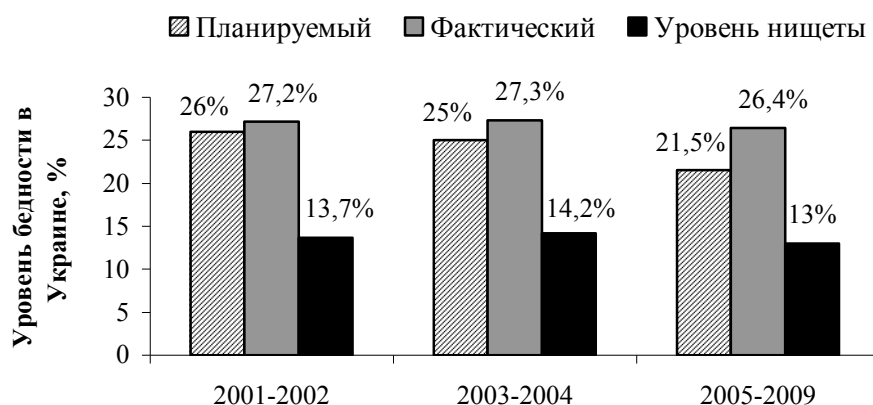

Рис. 4.19. Динамика показателей бедности в Украине

Снижающийся уровень бедности в крупных городах Украины (табл. 4.8) происходит на фоне роста уровня бедности в малых городах (рис. 4.12) и сельской местности (рис. 4.13).

Графики рис. 4.20 и 4.21 свидетельствуют о наличии устойчивой связи между обнищанием населения малых городов и сельской местности и ростом благосостояния населения крупных городов, т.е. о перераспределении дохода.

Таблица 4.8.

Показатели уровня бедности по типу населения*

Размеры населенных пунктов	Год										
	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
В больших городах	26,6	25,1	22	19,9	17	18,1	18,7	18	16,4	17,5	15
В маленьких городах	27,7	25,6	27,9	28,6	28,1	32,2	30,7	31,4	31,6	28,3	32
В сельской местности	29,2	28,7	32,3	34,3	36,7	35	35,2	38,4	37,9	38,2	36,8
По Украине	27,8	26,4	27,2	27,2	26,6	27,3	27,1	28,1	27,3	27	26,4

* Данные Счетной Палаты Украины

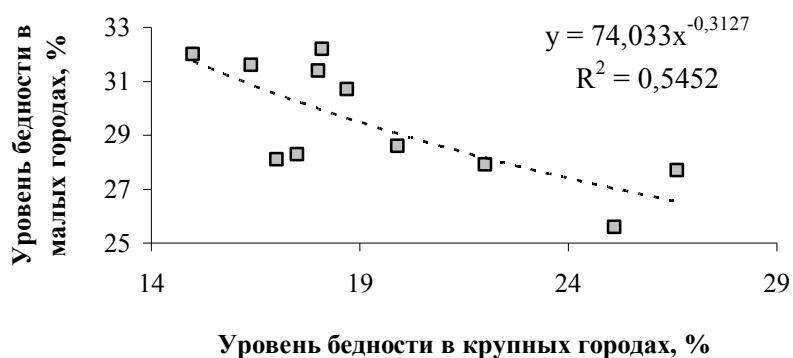

Рис. 4.20. Связь между динамикой уровня бедности населения крупных и малых городов

Рис. 4.21. Связь между динамикой уровня бедности населения крупных городов и населения сельской местности

Выводы Счетной Палаты Украины не нуждаются в комментариях:

«Таким чином, порівняно з 2002 роком – початком виконання Комплексної програми, на момент її закінчення у 2009 році ситуація із зменшенням масштабів бідності не тільки не покращилася, а, навпаки, погіршилася. В зону підвищених ризиків бідності потрапило населення малих міст і сільської місцевості, де рівень бідності залишається стабільно високим»¹⁴⁶.

Если сопоставить данные Счетной Палаты с расчетами на основе данных Госкомстата Украины за 1999–2009 гг. (рис. 4.22), то получается, что между реальной ставкой заработной платы и совокупным дефицитом дохода бедного населения (см. табл. 4.7) существует практически функциональная положительная связь (коэффициент детерминации 0,96).

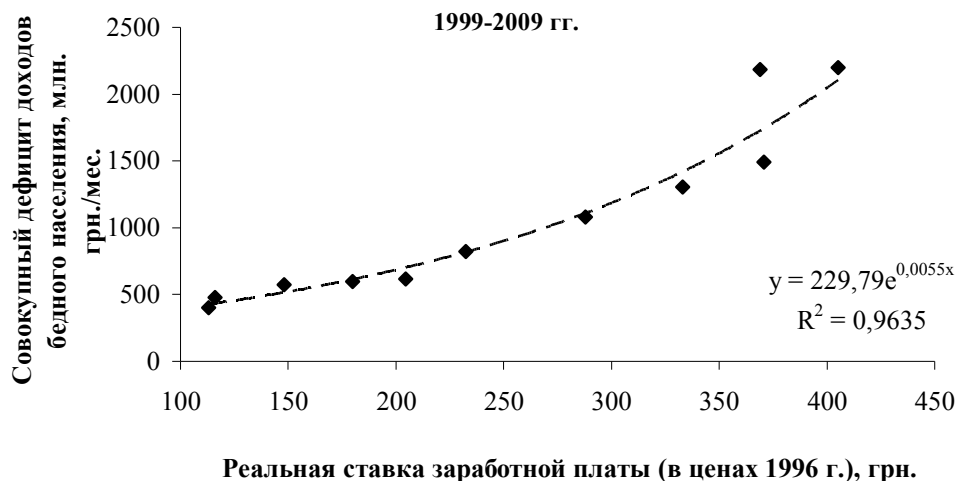

Рис. 4.22. Связь между реальной ставкой заработной платы (в ценах 1996 г.) и совокупным дефицитом дохода бедного населения Украины

Учитывая тот факт, что уровень безработицы¹⁴⁷ значительно ниже официального уровня бедности, этот парадоксальный факт может

¹⁴⁶ «Про результати аналізу виконання комплексної програми забезпечення реалізації стратегії подолання бідності». — Київ: Рахункова палата України, 2011. — С. 28.

¹⁴⁷ По методологии МОТ

объясняться только усилением дифференциации доходов наемных работников; даже занижение официальных темпов инфляции не может привести к положительной связи этих показателей. Для подтверждения этого рассмотрим связь между долей занятого населения и средним дефицитом дохода бедного населения (рис. 4.23): опять имеет место почти функциональная положительная связь, т.е. рост числа занятых сопровождается ростом дефицита дохода бедного населения. В нормальных институциональных условиях рост занятости и рост реальной ставки заработной платы приводят к росту доходов и уровня жизни населения, а не к росту совокупного дефицита дохода.

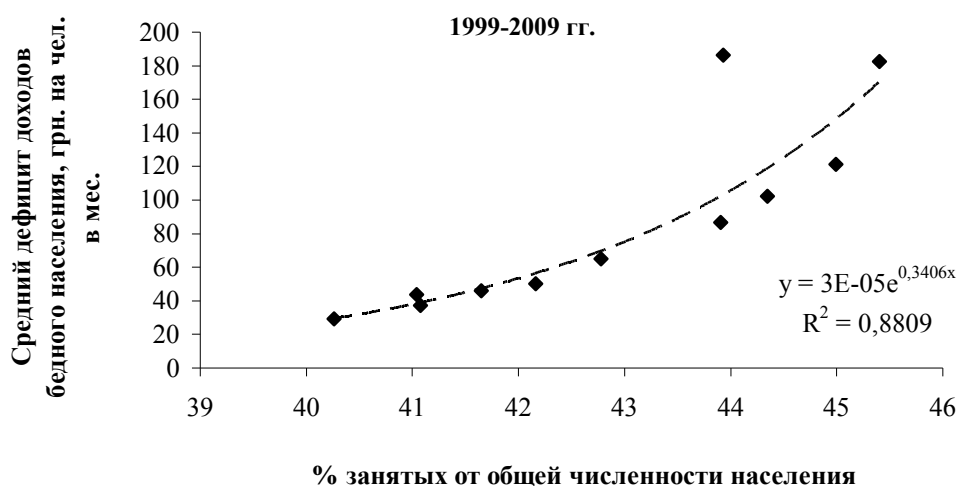

Рис. 4.23. Связь между долей занятых в общей численности населения и средним дефицитом дохода бедного населения

Однако если рассматривать связь между уровнем бедности по критерию прожиточного минимума (см. табл. 4.7) и реальной ставкой заработной платы, то эта связь будет обратной (рис. 4.24) и также практически функциональной; аналогично связь между долей занятого населения и уровнем бедности также имеет обратный характер (рис. 4.25).

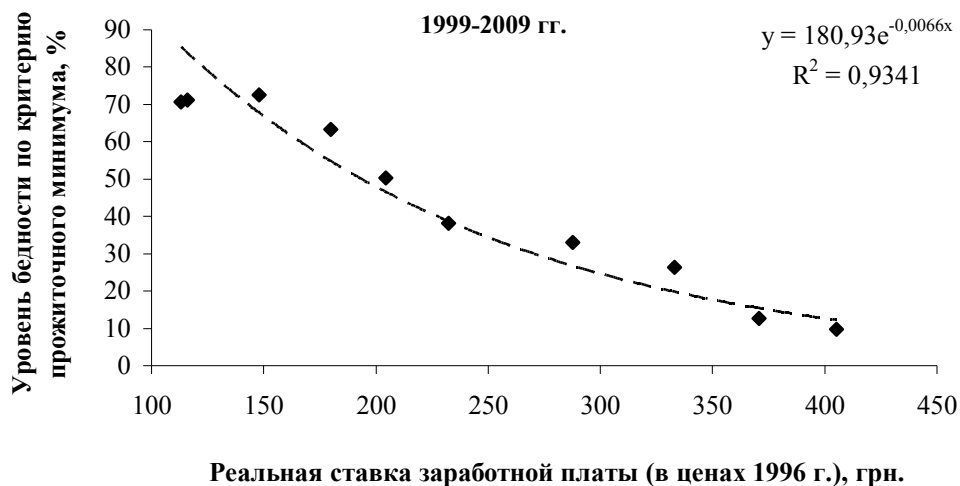

Рис. 4.24. Связь между реальной ставкой заработной платы в ценах 1996 г. и уровнем бедности по критерию прожиточного минимума в Украине

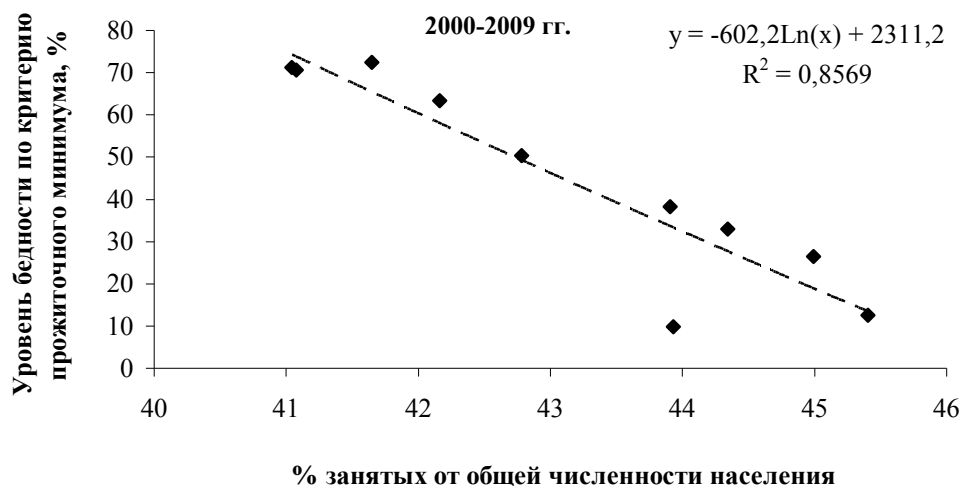

Рис. 4.25. Связь между долей занятого населения и уровнем бедности по критерию прожиточного минимума

Проблема, однако, в том, что прожиточный минимум не может служить надежным критерием для оценки реальной ситуации, поскольку

состав потребительской корзины, утвержденный Кабинетом Министров Украины в 2000 году, с тех пор не пересматривался.

Следствием низкого уровня трудовых доходов большинства работников в Украине является высокий удельный вес социальных трансфертов в общей сумме доходов домохозяйств (рис. 4.26).

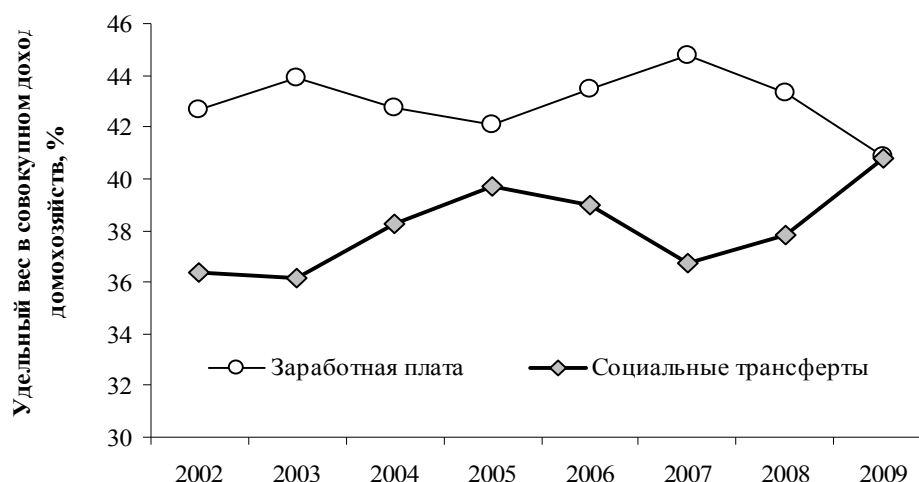

Рис. 4.26. Доля заработной платы и социальных трансфертов в совокупном доходе домохозяйств Украины¹⁴⁸

По данным Украинского центра экономических и политических исследований им. А. Разумкова, в 2008 году компьютер имели только 32,7 % опрошенных, а мобильный телефон – 73,1%. По поводу отдыха за границей за последние 10 лет более 90 % опрошенных (в 2009 году – 93 %) ответили отрицательно. Проводили свой отпуск дома, потому что не имели денег на отдых, в 2006 году – 29,9 %, а в 2007 году – 27,6 % опрошенных; при этом 19,2 и 21,4 % опрошенных в 2006 и 2007 гг., соответственно, не

¹⁴⁸ по данным Госкомстата Украины

имели отпуска вообще. 43,6 % опрошенных ответили отрицательно на вопрос о том, могут ли они оплатить обучение своим детям и внукам.

Рис. 4.27 позволяет сделать вывод о высокой степени дифференциации трудовых доходов по регионам Украины: самый высокий уровень оплаты труда наблюдается в Киеве.

Рис. 4.27. Среднемесячная заработная плата по регионам Украины в 2010 г. (по данным Госкомстата Украины)

Очевидной причиной того, что общественная ценность труда в Украине находится на столь низком уровне, является столь значительная деформация институционального пространства, что все описанные нами следствия такой деформации предстают практически в гротескном виде: антисоциальная природа капитала, мощные неформальные негативные

институты коррупции и теневой экономики, социальная энтропия, наконец.

Провал государственной «Стратегии преодоления бедности» в этом смысле является логичным и предсказуемым, поскольку в деформированной институциональной среде институт власти неизбежно оказывается подчиненным институту собственности; в неуправляемой «социальной реальности» не может быть реализован никакой план или программа, поскольку тенденции распада обусловлены уничтожением системообразующего института труда.

Возвращаясь к концепции человеческого потенциала ПРООН, можно сравнить динамику значений ИРЧП Украины, европейских стран (например, Бельгии и Швеции) и Китая (см. рис. 4.28).

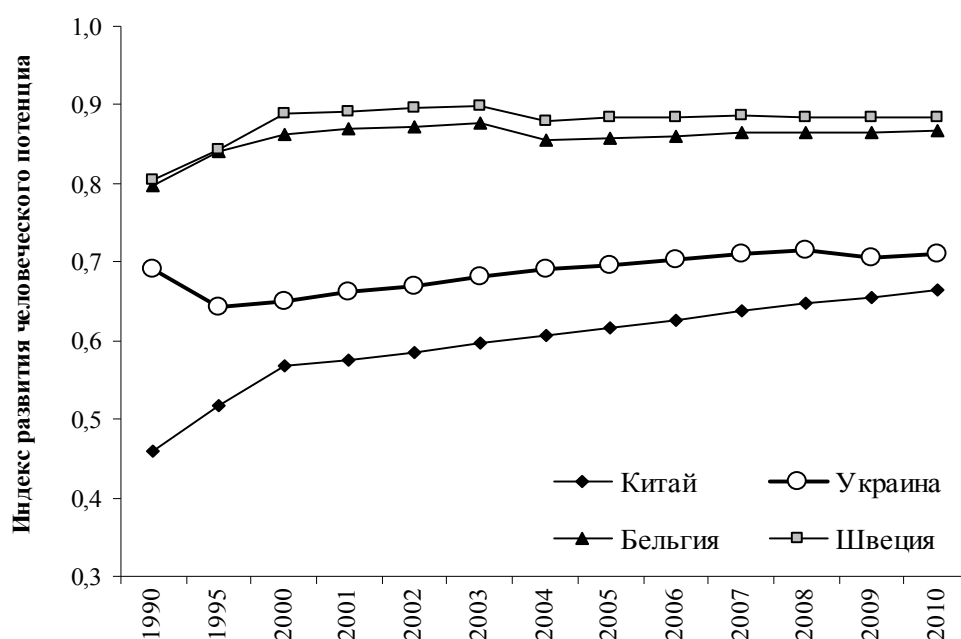

Рис. 4.28. Динамика индекса развития человеческого потенциала по данным ПРООН для Китая, Украины и двух европейских стран (Бельгии и Швеции)

Легко заметить, что по этому показателю Украина гораздо ближе к Китаю, чем к Европе; более того, с учетом более высоких темпов роста этого индекса в Китае Украина рискует в скором времени оказаться «в хвосте» азиатской державы.

Безусловно, что неотрицательная динамика индекса [59] обусловлена только уровнем образования населения Украины (табл. 4.9): так, с учетом неравенства¹⁴⁹ индекс средней продолжительности жизни для Украины составляет 0.684, индекс образования – 0.806, индекс дохода – 0.526.

Таблица 4.9.

**Структура индекса человеческого развития с учетом неравенства в
2011 г.**

Страна	ИРЧП	ИРЧПН	По составным частям индекса		
			индекс средней продолжительности жизни	индекс образования	индекс дохода
Украина	0,729	0,662	0,684	0,806	0,526
Беларусь	0,756	0,693	0,736	0,735	0,617
Россия	0,755	0,67	0,687	0,696	0,628
Грузия	0,733	0,63	0,72	0,812	0,428
США	0,91	0,771	0,863	0,905	0,587
Потери в результате неравенства, %					
Украина	9,2	X	10,5	6,1	10,9
Беларусь	8,3	X	7,4	5,4	12,1
Россия	11,3	X	10,8	11,2	11,9
Грузия	14,1	X	15,1	3,3	22,7
США	15,3	X	6,6	3,7	32,4

При этом потери в значении индекса развития человеческого потенциала с учетом неравенства¹⁵⁰ для Украины по данным ПРООН¹⁵¹

¹⁴⁹ Индекс человеческого развития с учетом социально-экономического неравенства ПРООН позволяет оценить распределение дохода, а также вариации уровня образования и ожидаемой продолжительности жизни в различных группах населения.

¹⁵⁰ Inequality-adjusted Human Development Index

¹⁵¹ http://hdr.undp.org/en/media/HDR_2011_EN_Table3.pdf

2011 г. составляют 9.2%, при этом в средней продолжительности жизни за счет неравенства снижение происходит на 10.5%, в образовании – на 6.1%, по доходам – на 10.9% (см. табл. 4.9, рис. 4.29).

По данным ПРООН, в Украине в 2011 г. доля в ВВП общественных расходов на здравоохранение – 4%, а на образование – 5,3%; индекс здоровья (продолжительности жизни) – 0.765; индекс образования – 0,858; уровень грамотности взрослого населения обоих полов – 99,7%; ожидаемая продолжительность обучения детей до 7 лет – 14,7 лет; средняя продолжительность учебы взрослых (старше 25 лет) – 11,3 года.

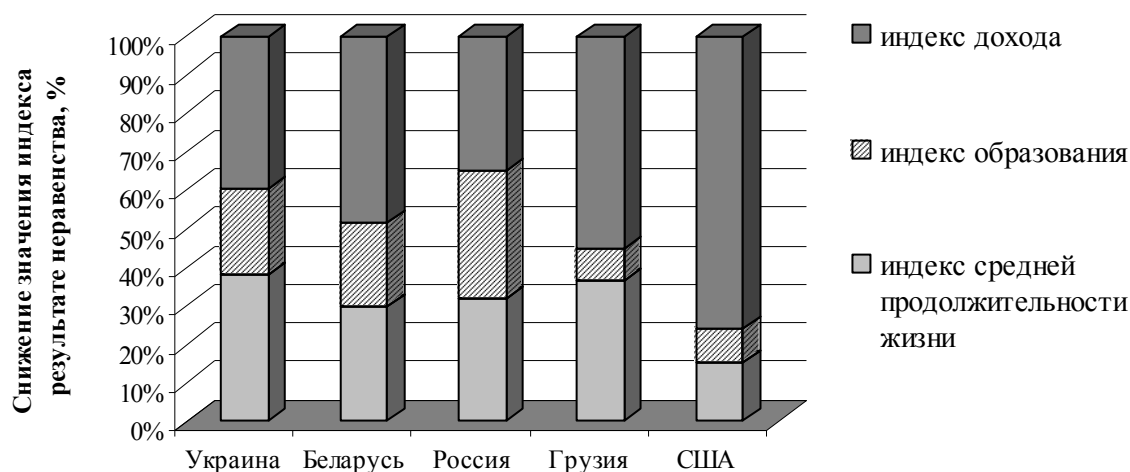

Рис. 4.29. Сопоставление структурного изменения индекса человеческого развития с учетом неравенства

Проблема распределения дохода связана с еще одной психологической закономерностью: в свое время еще Бернулли сформулировал тезис о том, что субъективная ценность для индивида какого-то блага равна его абсолютной ценности, деленной на имущественное состояние субъекта [95, С. 247–250]. Результатом стало

утверждение, что субъективная ценность растет как десятичный логарифм абсолютной (математической) ценности, что нашло подтверждение и развитие в ряде опытов Вебера и Фехнера, установивших, что всякое ощущение растет как логарифм вызвавшего его впечатления (раздражения), т.е. значительно медленнее:

$$\text{Log}(1) = 0; \text{Log}(10) = 1; \text{Log}(100) = 2; \text{Log}(1000) = 3 \text{ и т.д.}$$

Нетрудно сделать прогноз в отношении перспектив дальнейшего накопления капитала и усиления дифференциации доходов: для обеспечения «ощутимого» прироста капитала при высокой степени его концентрации возникает необходимость все более значительного снижения доходов беднейших слоев населения или – в международном масштабе – населения беднейших стран; при этом чем хуже материальное положение индивида, тем менее чувствителен он к дальнейшему снижению дохода и менее способен оказать какое-либо сопротивление; существенное сопротивление этому процессу могут оказать только представители среднего класса, практически отсутствующего в Украине.

4.2.4. Депривация и индекс многомерной бедности ПРООН

Низкий уровень доходов – не единственный аспект бедности, поскольку бедность проявляется не только в недостатке средств к существованию, но и в неудовлетворительном состоянии здоровья и питания, низком уровне образования и квалификации, плохих жилищных условиях, социальной изоляции, слабом участии в общественной жизни. Домохозяйство может иметь средний доход, но при этом испытывать недостаток питьевой воды, не иметь доступа к качественным продуктам питания, к качественным медицинским услугам и образованию, достойной работе, жить в экологически загрязненном районе. В этом случае субъект

испытывает депривации¹⁵² – состояние в результате лишения доступа к определенным ресурсам и возможностям.

В отличие от монетарного индекса бедности Мирового Банка, учитывающего только уровень доходов, индекс многомерной бедности¹⁵³ ПРООН включает более широкий спектр характеристик, позволяющих судить о лишениях, которые испытывает домохозяйство¹⁵⁴.

По данным ПРООН, значение индекса многомерной бедности для Украины – 0,008; интенсивность депривации – 35,5%; доля многомерно бедного населения – 2,2%; доля населения, живущего менее чем на \$1,25 в день – 0,1 %. В сопоставлении с Россией, Казахстаном, Грузией и Белоруссией ситуация в Украине наихудшая (рис. 4.30).

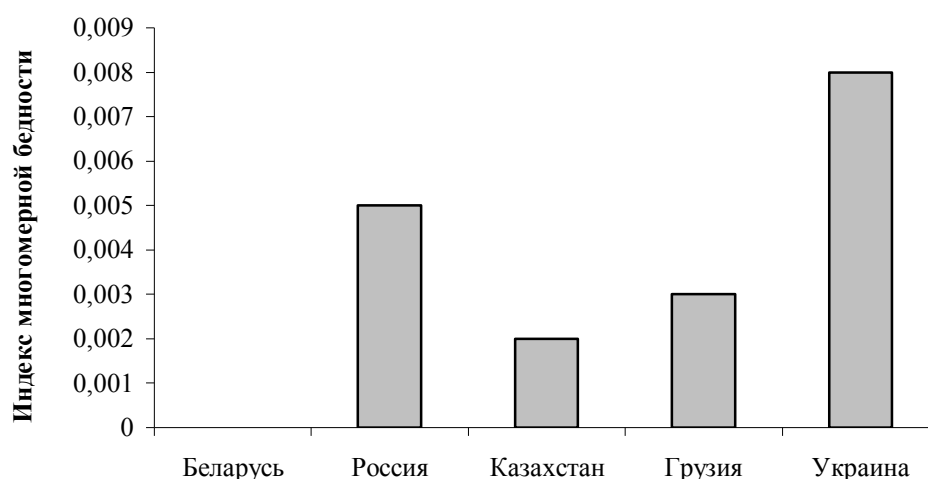

Рис. 4.30. Индекс многомерной бедности для Украины, России, Беларуси, Грузии и Казахстана (ПРООН, 2011)

¹⁵² Депривация — невозможность для индивида или социальной группы удовлетворять свои базовые потребности из-за отсутствия доступа к основным материальным благам и социальным ресурсам: продуктам питания, жилищу, медицине, образованию и т. д.

¹⁵³ Индекс многомерной бедности был разработан для Доклада о развитии человека 2010 «Оксфордской инициативой в области бедности и развития человека» при поддержке ПРООН.

¹⁵⁴ http://hdr.undp.org/en/media/HDR_2010_RU_Chapter5_reprint.pdf

Как отмечается в отчете Счетной Палаты Украины, остройшей проблемой бедности является отсутствие жилья и несоответствие жилищных условий санитарным нормам¹⁵⁵. По данным Госкомстата Украины, почти половина семей в Украине проживает на площади ниже санитарной нормы, т.е. менее 13.65 кв. м на человека (табл. 4.10).

Таблица 4.10.

Количество семей, имеющих жилую площадь в расчете на одного человека ниже санитарной нормы

Год										
2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010
тыс. семей										
8362	8290	7959	7767	7530	7454	7230	7299	7033	7095	7151
% от общего числа										
47,3	47	45,2	44,1	42,7	42,5	41,5	42,1	40,9	41,5	41,8

По данным Украинского центра экономических и политических исследований им. А. Разумкова¹⁵⁶ в отношении качества жилищных условий, на начало 2010 года более половины опрошенных не имеют в своем жилье горячего водоснабжения; более трети – канализации (рис. 4.31, табл. 4.11).

По данным Всемирной организации здравоохранения, Украина занимает 85 место в мире по качеству воды.

По данным Украинского государственного научно-исследовательского института проблем водоснабжения, водоотведения и охраны окружающей природной среды «УкрВОДГЕО»¹⁵⁷, 69% всей

¹⁵⁵ «Про результати аналізу виконання комплексної програми забезпечення реалізації стратегії подолання бідності». — Київ: Рахункова палата України, 2011. — С. 33.

¹⁵⁶ http://razumkov.org.ua/ukr/expert.php?news_id=3063

¹⁵⁷ <http://www.uwodgeo.org.ua/>

питьевой воды, которая поставляется в дома населения Украины, не соответствует установленным санитарным нормам. Особенно плохая ситуация с качеством питьевой воды в Луганской, Донецкой, Херсонской, Харьковской, Одесской, Николаевской областях.

Таблица 4.11.

Данные социологического опроса¹⁵⁸

Имеете ли Вы в помещении, где постоянно проживаете, следующее	Процент опрошенных		
	Да	Нет	Не ответили
Стационарный телефон	62,4	37,5	0,1
Снабжение газом в баллонах	14,7	83,7	1,6
Централизованное газоснабжение	82,3	17,3	0,4
Канализация	66	33,7	0,3
Горячее водоснабжение	47,3	52,4	0,3
Холодное водоснабжение	82,5	17,2	0,3
Центральное отопление	60,3	39,5	0,2
Электроэнергия	99,6	0,3	0,1

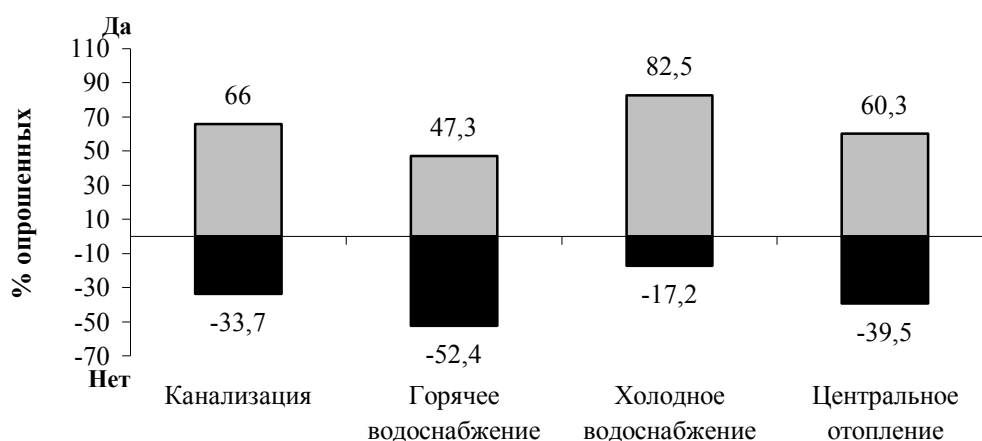

Рис. 4.31. Обеспеченность основными коммунальными благами¹⁵⁹

¹⁵⁸ http://razumkov.org.ua/ukr/poll.php?poll_id=350

¹⁵⁹ по результатам социологических опросов Украинского центра экономических и политических исследований им. А. Разумкова

По данным Министерства экологии и природных ресурсов Украины¹⁶⁰:

«Главная причина неудовлетворительного качества питьевой воды – загрязнение поверхностных водоемов, которые являются основными источниками водоснабжения как мегаполисов, так и небольших городов. В реки сбрасываются сточные воды из канализации и промышленных объектов. Сюда текут ливневые и талые воды, загрязненные органическими соединениями, нефтепродуктами, фенолами, тяжелыми металлами.

...Очистные сооружения водопроводных станций не всегда в состоянии ...довести качество питьевой воды до нормы. ...Опасность таит в себе и сама технология подготовки питьевой воды из поверхностных водоемов. Применяемые реагенты способствуют образованию вредных соединений, зачастую более токсичных, чем первичные загрязнители. В Украине питьевая вода проверяется по 54 показателям, тогда как в большинстве европейских стран количество таких показателей достигает 100–150. ...действуют устаревшие нормативы на питьевую воду. ...повысив требования, нужно будет запретить использовать водопроводную воду. Самый большой недостаток воды – ее насыщенность хлором. ...Это вещество очень вредит здоровью. В организме образуются хлорорганические соединения, имеющие канцерогенные и мутагенные свойства.

Согласно данным информационно-аналитического отчета Министерства охраны окружающей среды за III квартал 2009 года, основные загрязнители атмосферного воздуха – это пыль, диоксид азота, оксид углерода, формальдегид. Причем во многих городах Украины наблюдалось превышение гранично-допустимой концентрации в несколько раз. За третий квартал 2009 года средние концентрации вредных веществ в атмосферном воздухе превышали среднесуточные гранично-допустимые концентрации (ГДК) оксида углерода в 17 городах, пыли – в 24 городах, диоксида азота – в 32, формальдегида – в 39 городах; так же наблюдалось 10 случаев высокого загрязнения воздуха в городах¹⁶¹.

¹⁶⁰ <http://www.menr.gov.ua/content/article/1481?print=true>

¹⁶¹ т.е. значения максимальной разовой концентрации загрязняющего вещества равнялось или превышало 5 ГДК

4.2.5. Наука и образование

Расходы на гражданскую науку в ведущих странах составляют 2–3% ВВП, а на оборонные НИОКР – менее 0,1% ВВП¹⁶². Сопоставляя эти данные с соответствующими показателями Украины (табл. 4.12, рис. 4.32), легко заметить не только отставание Украины от развитых стран, но и снижающуюся динамику показателей научно-технической деятельности в Украине.

Таблица 4.12.

Показатели научно-технической деятельности в Украине

Год	Расходы на научные и научно-технические работы				Численность научных работников	
	всего		из них за счет госбюджета		чел.	% от занятого населения
	млн. грн.	% от ВВП	млн. грн.	% от общего объема		
2004	3 538,40	1,03	–	–	173 622	0,86
2005	4 386,30	0,99	–	–	170 579	0,82
2006	5164,4	0,95	2017,4	39,1	160 788	0,78
2007	6149,2	0,85	2815,4	45,8	155549	0,74
2008	8024,8	0,85	3909,8	48,7	149699	0,71
2009	7822,2	0,86	7822,2	43,4	146800	0,73
2010	8995,9	0,82	3704,3	41,2	141086	0,70

Главными центрами научного прогресса в мире (по показателю доли в мировых расходах на НИОКР¹⁶³) являются: США – 35%, Европейский Союз – 24%, Япония и Китай – примерно по 12%, Российская Федерация –

¹⁶² В США на военные НИОКР расходуется 0,5% ВВП, а во Франции и Великобритании – 0,2–0,3 %.

¹⁶³ по паритету покупательной способности

2%. По удельному весу научных публикаций в мировом объеме также лидирует США (рис. 4.33).

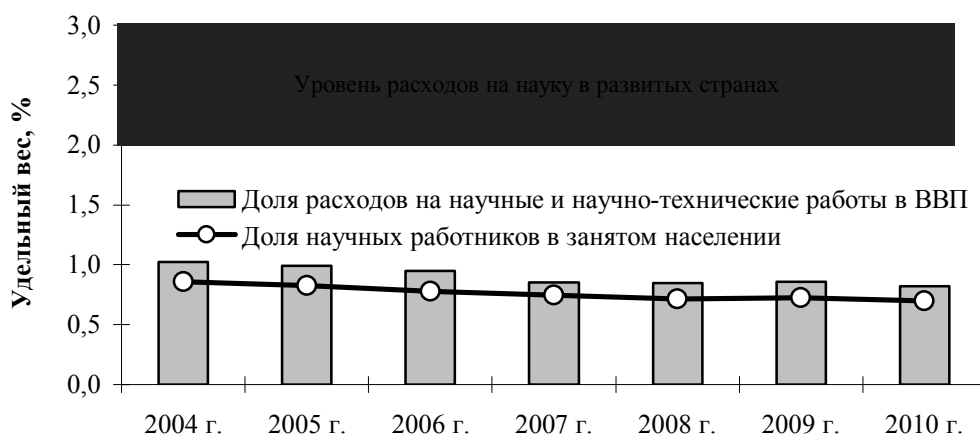

Рис. 4.32. Динамика показателей научно-технической деятельности в Украине

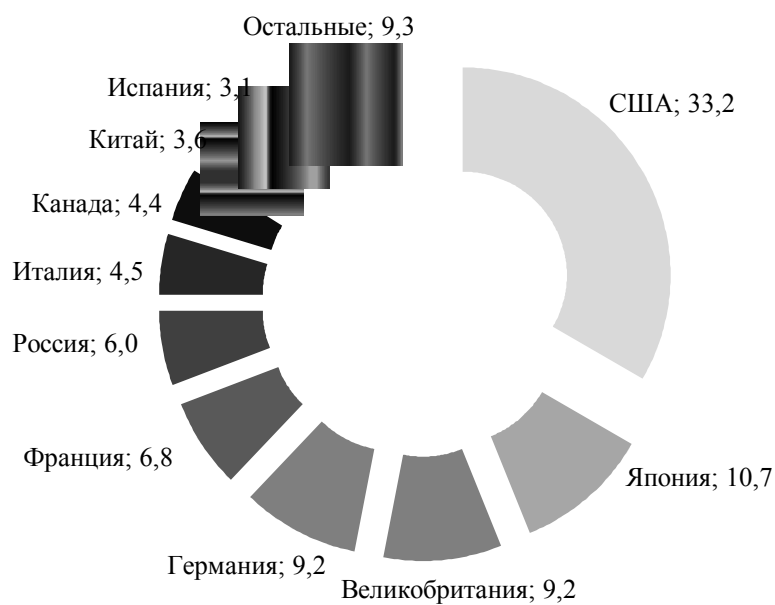

Рис. 4.33. Доля различных стран в международном объеме научных публикаций

Что же касается Украины, то рис. 3.34 наглядно иллюстрирует основную тенденцию ее развития: устойчивое снижение доли научно-технических исследований и разработок в ВВП свидетельствует о снижении инвестиций в эту сферу национальной экономики. Здесь проявляется неэффективность использования ресурсов: в Украине не только не приносит доход «человеческий капитал», воплощенный в научных работниках, сформированный еще до распада СССР, но и происходит его снижение (рис. 4.35). Поскольку неэффективное использование ресурсов, по утверждениям неоклассиков, не свойственно рыночной системе, то остается сделать вывод, что либо институт рынка в Украине еще не сформирован, либо данное утверждение ошибочно.

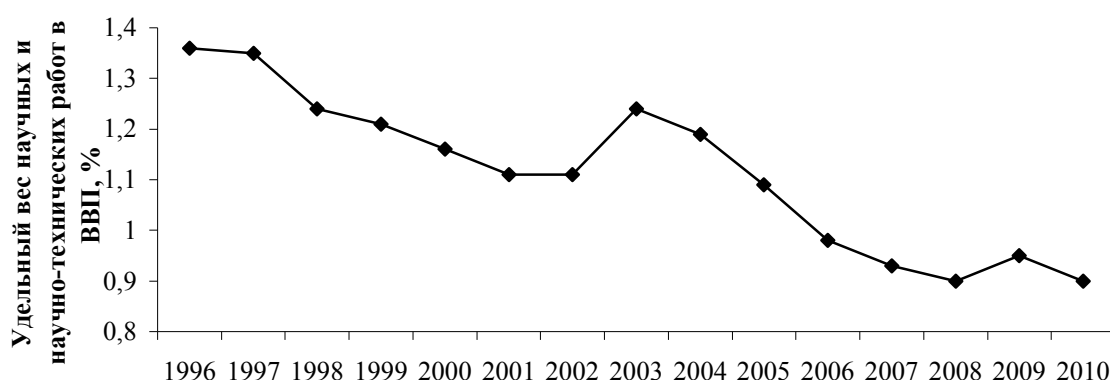

Рис. 4.34. Динамика удельного веса научных исследований и разработок в ВВП Украины

Представляется, что верно и то, и другое: рынок как сфера стихийного взаимодействия противоположных сил не обладает «разумом», т.е. способностью использовать имеющиеся человеческие ресурсы, которые этим разумом обладают; в противостоянии рынка и человека (институтов собственности и труда) рынок потому и «побеждает», что не «рассуждает».

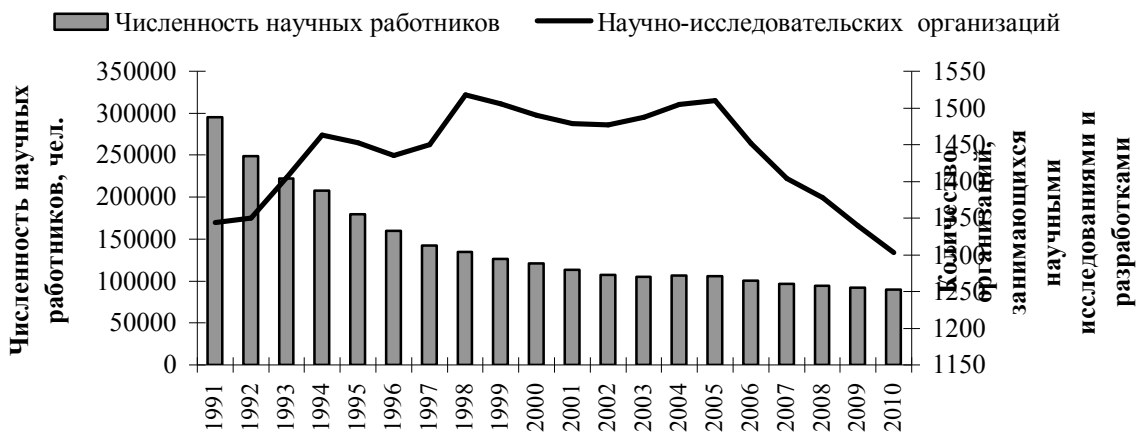

Рис. 4.35. Динамика численности научных работников и количества учреждений в Украине, занимающихся научными исследованиями и разработками

Проигрыш человека (социума) обусловлен не превосходством рынка как способа организации хозяйственной жизни, а доминированием института собственности, т.е. деформацией институциональной матрицы, деформацией системы ценностей общества, подмены человека социального «человеком экономическим», руководствующимся мотивами личной наживы.

Как видно из рис. 4.36, изменение структуры трудовых ресурсов (снижение доли научных работников в численности занятого населения) имеет прямую связь с долей научных исследований и разработок в ВВП, что представляется вполне логичным.

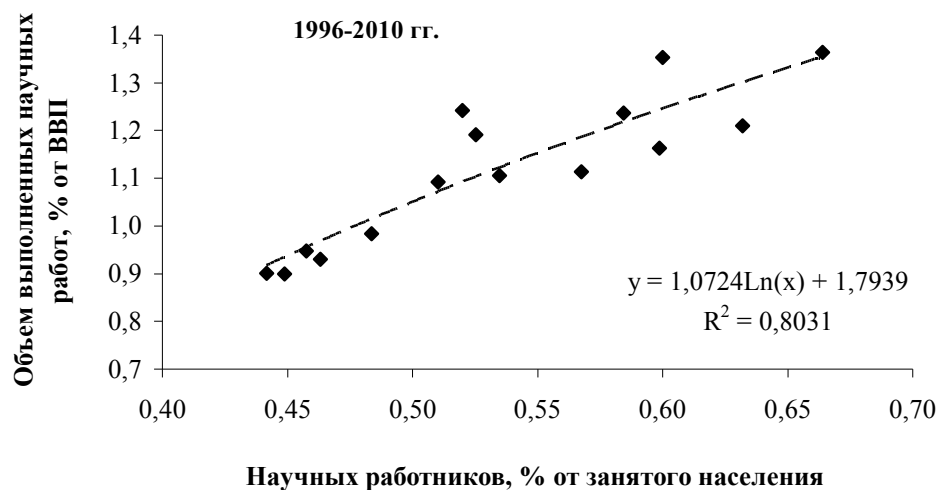

Рис. 4.36. Связь между долей научных работников в общей численности занятого населения Украины и удельным весом научных работ в ВВП

Однако по рис. 3.37 видно, что при этом происходит рост качественного показателя – доля докторов наук в численности занятого населения растет, вопреки чему доля научного продукта в ВВП снижается.

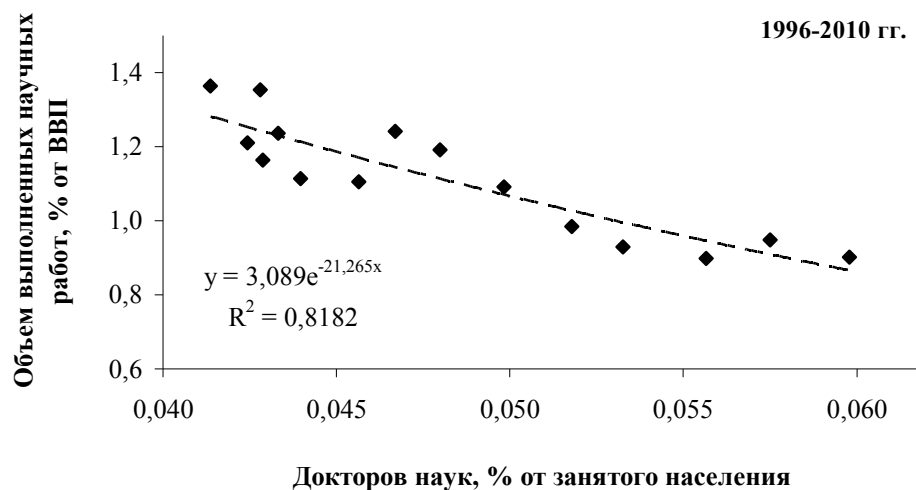

Рис. 4.37. Связь между долей докторов наук в общей численности занятого населения Украины и удельным весом научных работ в ВВП

Это объясняется нарушением принципа разделения труда: сфера исследований докторов наук связана с долгосрочной перспективой, они выполняют ориентирующую функцию в науке; прикладные исследования и разработки должны быть направлены на текущие нужды экономики и общества. Рост численности докторов наук приводит к росту объемов фундаментальных научных исследований (рис. 4.38), однако снижение общей численности научных работников (см. рис. 4.35) приводит к снижению объема прикладных научных исследований, необходимых для внедрения инноваций и повышения эффективности общественного производства.

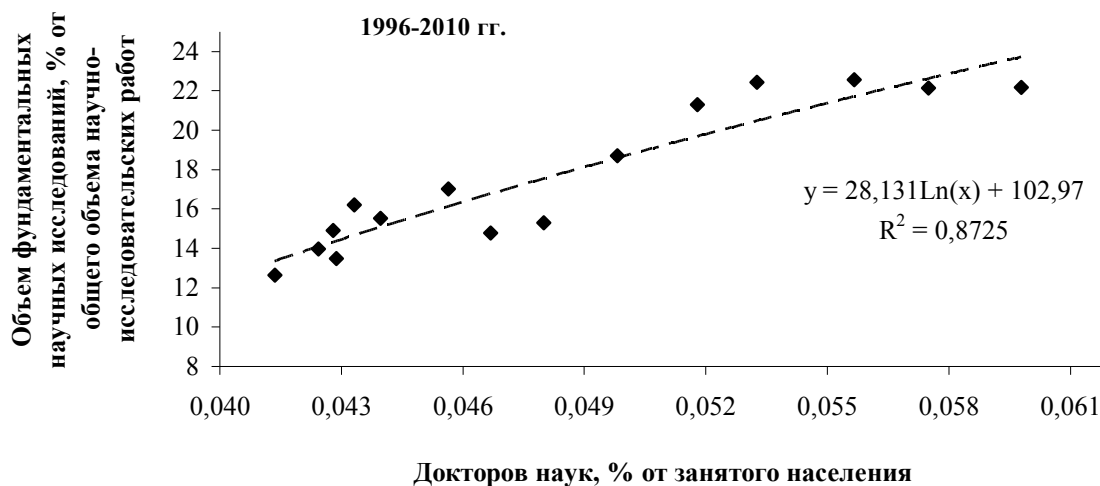

Рис. 4.38. Связь между долей докторов наук в общей численности занятого населения Украины и удельным весом фундаментальных научных исследований в совокупном объеме научного продукта

Ситуация, сложившаяся в Украине, свидетельствует о разбалансированности этой сферы деятельности общества; растущий потенциал фундаментальной науки не подкрепляется соответствующим

ростом прикладных исследований ввиду отсутствия соответствующего финансирования и снижения общей численности научных работников.

Результатом является то, что инновационная активность в Украине снижается (рис. 4.39, 4.40), что симптоматично на фоне растущей инновационной активности в развитых странах.

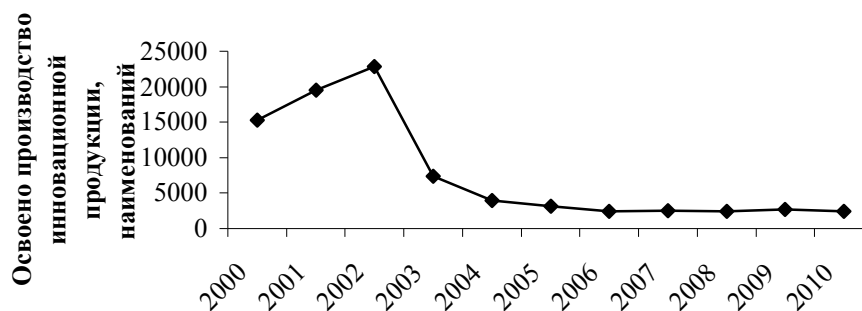

Рис. 4.39. Динамика освоения производства инновационной продукции в Украине

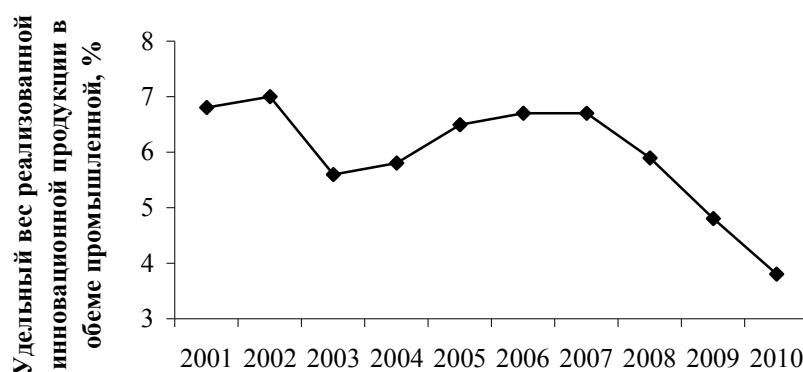

Рис. 4.40. Динамика удельного веса реализованной инновационной продукции в ВВП Украины

Сама по себе инновационная активность является, по Шумпетеру, свойственной предпринимателю; однако в Украине предпринимательский

сектор экономики не демонстрирует этого своего «свойства», по крайней мере, в той степени, в какой этого требуют сегодня экономическая реальность. Представляется, что, обладая значительным научно-техническим потенциалом, Украина не в состоянии его реализовать в силу действия институциональных факторов, к числу которых нужно отнести нарушение связующих принципов системной интеграции – социальной ответственности и социального контроля.

Для реализации связующего принципа социального контроля возможны различные механизмы, среди которых, например, может быть закон об эффективном собственнике¹⁶⁴; установление критериев оценки и системы мониторинга деятельности собственников позволит сформировать институты социальной ответственности и социального контроля, в рамках которых будут реализованы соответствующие связующие принципы системной интеграции социума.

4.3. Социальный капитал как системное качество

Объективная неустранимость влияния социальной среды на эффективность функционирования экономической подсистемы стала

¹⁶⁴ мы не будем здесь подробно рассматривать содержание подобного закона, поскольку это отдельная и весьма объемная тема для коллективной работы юристов, экономистов и т.д. Однако суть этого закона в нашем понимании заключается в том, что собственность (имеется в виду предприятия) должна изыматься у тех предпринимателей, которые используют ее неэффективно. Критерием эффективности должны быть материальные издержки и расходы на оплату труда: 1) если материальные издержки растут в результате критического износа оборудования и устаревших технологий, т.е. собственник не инвестирует в повышение производительности труда, а перекладывает рост издержек на потребителя и получает прибыль (экономическая эффективность); 2) если снижается реальная заработная плата наемных работников и ухудшаются условия их труда, т.е. качество трудовой жизни снижается (социальная эффективность). Эти критерии могут быть дополнены и развиты при наличии самой возможности принятия такого закона; рассуждать о его содержании более подробно в условиях деформированной институциональной среды нет смысла, поскольку принятие такого закона сегодня в Украине нереально.

причиной появления концепции социального капитала; и хотя отсутствие точных инструментов количественной оценки делает его «виртуальным» с точки зрения экономического анализа, это не означает, что данное понятие лишено реального содержания. Нобелевский лауреат Юджин Стиглиц выражает следующую мысль [134, с. 195]:

Экономисты часто называют тот «клей», который удерживает общество от распада, «социальным капиталом». Беспорядочное насилие и мафиозный капитализм часто приводятся как примеры, отражающие эрозию социального капитала.

В этом понятии «сталкиваются лбами» атомистический и социетальный подходы; попытки сторонников методологического индивидуализма сохранить свои позиции с появлением «нового фигуранта» приводят к довольно нечетким представлениям о его сущности; по сути, социум входит «без стука» в стройную систему представлений о рационально действующих индивидах, максимизирующих собственную полезность. Игнорировать этот феномен уже невозможно; очевидно, что эффективность общественного воспроизводства снижается с ростом внутреннего «трения»; внутрисистемные потери растут не только вследствие возникающих противоречий между субъектами, т.е. по причине неудовлетворительного качества системных связей, но и в результате низкой степени «связности» — неразвитости коммуникативной среды. Специфический характер социальных связей обусловлен активностью элементов системы, т.е. способностью по собственному усмотрению эти связи разрывать или устанавливать. Таким образом, уровень системного качества определяется как качеством коммуникативной среды, так и мотивацией субъектов к поддержанию и развитию связей с другими субъектами.

С этой точки зрения атомистический подход предлагает нереальную концепцию общества, полностью дезинтегрированного на субъектном уровне, в котором связи между элементами реализуются в форме транзакций и механически регулируются законами рынка [119, С. 72]:

«...обмен на основе колеблющихся цен имеет целью выгоду, которую можно получить только на основе выражено антагонистических отношений между партнерами. Элемент антагонизма, в сколь бы мягкой форме он ни проявлялся, непременно сопутствует данному типу обмена. Ни одно сообщество, стремящееся сохранить чувство солидарности в своих членах, не может позволить развиваться скрытой враждебности между ними (например, по поводу пищи – вопроса, столь важного для человеческого существования и, следовательно, способного вызывать сильное напряжение)».

Очевидно, что устойчивость такой системы – будь она реально возможна – была бы крайне низкой ввиду неустойчивости связей; функционирование неустойчивой системы не может быть эффективным ни с экономической, ни с социальной точки зрения. В «атомистическом мире» ни один субъект не является настолько «рациональным», чтобы, преследуя собственную выгоду, адекватно оценить «внешние эффекты», связанные с его деятельностью, и взять на себя ответственность за ее глобальные последствия.

Очевидно, что степень «связности» общества не измеряется объемом транзакций; устойчивость социальных связей обуславливается степенью ответственности субъектов не столько даже по отношению друг к другу, как по отношению к системе, элементами которой они являются. Если на институциональном уровне существуют общепринятые нормы и правила, регламентирующие процесс принятия решений с учетом критериев устойчивости системы, если все субъекты данного социума действуют в этих институциональных рамках, то очевидно, такая система будет эффективнее и в экономическом плане. Если провести аналогию с

кораблем, то каждый плывущий на этом корабле должен понимать, что для усовершенствования своего «кусочка» корабля нельзя отдиравать обшивку или изымать детали двигателя; конечно, можно предположить, что корабль не пойдет ко дну, поскольку найдутся те, кто отвечает за целостность обшивки корабля, и они отремонтируют образовавшуюся пробоину; однако корабль, на котором бесконечно происходит «отдираание обшивки» одними и ее ремонт – другими, очевидно, далеко не уплывет, не говоря уже о том, что бесконечно ремонтировать его невозможно, и в какой-то момент ресурсы окажутся исчерпанными, и корабль будет обречен вместе с теми, кто «максимизировал» свой комфорт на тонущем судне.

Это означает, что благополучное плавание корабля обеспечивается осознанием каждым членом команды или пассажиром своей личной ответственности, хотя бы в плане соблюдения определенных правил безопасности. Аналогично и с социально-экономической системой: именно уровень социальной ответственности субъектов этой системы определяет ее устойчивость и эффективность. Социальная ответственность в данном случае не рассматривается как «добрая воля»; это обязательное условие выживания. Если бы «атомизм» был принципом организации команды корабля, этот корабль был бы обречен еще до выхода из порта. А. Токвиль обращает внимание на такие когнитивные аспекты социального взаимодействия, как осознание людьми их взаимозависимости [139, С. 376]:

«Как только общественные дела начинают решаться общими усилиями, каждый человек приходит к пониманию, что он не столь независим от себе подобных, как он это представлял себе прежде, и что для того, чтобы обеспечить себе поддержку окружающих, он сам должен оказывать им содействие».

Сплоченность любой команды – залог ее успеха; однако сплоченность не является механически регулируемым параметром

системы; она есть результат субъективно-взаимных решений, и не может быть односторонней. Социальная ответственность может существовать только в абсолютно симметричной форме; социально безответственный бизнес не может рассчитывать на то, что все остальные – правительство, население – примут весь груз ответственности на себя, и как-нибудь спасут корабль, у которого бизнес «отдирает обшивку»; при социально безответственном правительстве соответствующая модель поведения становится общепринятой. Лауреат Нобелевской премии по экономике 2001 г. Джозеф Юджин Стиглиц по этому поводу пишет [134, С. 103]:

«Сегодня мы осознали, что существует «социальный контракт», который связывает граждан друг с другом и с их правительством. Если политика правительства разрывает этот контракт, граждане могут тоже не соблюдать свои «контракты» как друг с другом, так и с правительством».

Мы уже говорили о том, что социальная ответственность является связующим принципом системной интеграции общества. Чем глубже укоренен в сознании субъектов принцип социальной ответственности, тем выше уровень системного качества – его социальный капитал.

Существующие концепции социального капитала представлены двумя направлениями: индивидуалистическим и социетальным.

Пьер Бордье рассматривает социальный капитал как групповой ресурс – средство достижения групповой солидарности, который не может быть оценен на уровне отдельно взятого индивида, поскольку является продуктом классовых практик в процессе общественного материального производства [187, 20, 21]. Бордье рассматривает социальный капитал не как источник экономического богатства, а как характеристику социально-экономической сферы жизнедеятельности общества; внеэкономическая природа социального капитала проявляется в системе позитивно-эмоциональных связей, основанных на взаимном доверии [187, с. 248]:

«...совокупность существующих или потенциальных ресурсов, связанных с наличием устойчивой сети более или менее институционализированных отношений взаимного знакомства и признания, или, другими словами, членства в группе».

Концепция Джеймса Коулмена [191, 190, 80] является абсолютно инверсной: в его трактовке социальный капитал создается свободным и рационально действующим индивидом для достижения собственных целей; это, безусловно, предполагает существование социальных норм и базовый уровень доверия. Эта концепция [191] легла в основу научной традиции рассматривать социальный капитал на индивидуальном уровне. Социальный капитал как основа либерального общества обеспечивается системой социальных трансфертов; при этом он уменьшает издержки на координацию совместной деятельности, заменяя контракты, формальные правила и бюрократические процедуры доверительными отношениями, неформальными и этическими нормами, базирующимися на культурных традициях. Преимуществом использования социального капитала для индивида является когнитивное упрощение мира и расширение социальных перспектив; для общества в целом социальный капитал облегчает процесс циркуляции опыта и знаний, рост солидарности, снижение издержек на процедуры социального контроля и удешевление бюрократического механизма [80].

Коулмен определяет отношения доверия как объединение риска при принятии решений, а систему доверия – как распространение отношений доверия на макро-уровень, где они институционализируются [191, 190]. При изучении рациональных действий индивидов в рамках определенной системы социальных связей Коулмен не рассматривает «рациональность» самой системы, которая не является аксиоматически заданной. Коулмен рассматривает социальный капитал как ресурсы социальных отношений,

облегчающие действия индивидов за счет формирования взаимного доверия, взаимных обязательств и ожиданий, социальных норм, образования ассоциаций. Однако в таком ракурсе социальный капитал персонифицируется¹⁶⁵; рационально действующий индивид, которого рассматривает Коулмен, может использовать его в собственных целях в ущерб интересам общества в целом, что противоречит социетальной сущности этого феномена. Отсутствие индивидуальной мотивации к участию в общем благе ввиду ограниченности восприятия отмечает А. Токвиль [139, С. 377]:

«Человека трудно заставить бросить свои дела и действовать в интересах будущего всего государства, ибо он слабо представляет себе то влияние, которое судьба государства может оказать на его собственную участь».

Таким образом, социальная ответственность – результат расширенного восприятия индивидом собственного бытия на уровне бытия общества. Хотя мы и использовали слово «индивид», этот процесс имеет социальный, т.е. всеобщий характер; расширение «рамок восприятия» – это процесс развития общественного сознания, отражающегося на индивидуальном уровне, условием чего является соответствующая конфигурация институциональной матрицы.

Трехфакторная модель социального капитала Р. Патнема [113, 214, 215] включает нормы взаимности, доверие и социальные сети. Поскольку взаимность и доверие являются индивидуальными социально-психологическими факторами, Патнем оценивает социальный капитал такими индикаторами, как интенсивность контактов индивида, его участие в объединениях, электоральная активность, удовлетворенность

¹⁶⁵ облегчает действия конкретных индивидов

социальными связями и отношениями, ощущение безопасности, доверие к ближайшему окружению и социальным институтам. Социальный капитал общности Патнем рассматривает как агрегат индивидуальных индикаторов.

Процесс формирования социального капитала Патнем рассматривает как развитие системы горизонтальных общественных связей, поскольку эффективность коллективного действия зависит от степени сплоченности индивидов; неспособность «договориться» и действовать согласованно приводит к тому, что даже при наличии общих интересов и общей цели люди не могут объединить свои усилия для ее достижения [214].

Подвергая сомнению легитимность результата агрегирования индивидуальных индикаторов, Сивуха С.В. отмечает, что, несмотря на критику, индивидуалистический подход к измерению социального капитала доминирует в исследовательской программе Всемирного банка [126]. Он обращает внимание на то, что сплоченность и солидарность могут иметь как позитивный, так и негативный характер (враждебность к окружению группы), поэтому не могут быть использованы для оценки социального капитала. В этом смысле высказывался и А. Смит: «люди одной и той же профессии редко встречаются между собой даже для развлечения или досуга, но их беседа всегда заканчивается заговором против общества» [126]. В. Степаненко также отмечает, что объединение граждан не всегда приводит к росту социального капитала [133]; организованная преступность является наиболее показательным «негативным» социальным капиталом. А.А. Бова также отмечает институционализацию организованной преступности и ее культурные корни [18, С. 18]:

|| «Сучасна організована злочинність являє собою виробництво, розподіл, обмін і споживання нелегальних благ і послуг, що спричиняє

заміну спонтанних, випадкових, хаотичних, неорганізованих дій на впорядковану, стандартизовану, нормативно врегульовану, стійку взаємодією злочинців, зумовлює розподіл функцій та професіоналізацію, формування статусно-рольової системи як в середині злочинних спільнот, так і перенесення її в суспільство в цілому. Іншими словами, можна говорити про інституційні та структурні аспекти організованої злочинності. А ступінь її інституціалізації і вкоріненості в суспільстві та державних інститутах обумовлюється якраз культурним контекстом. У деяких країнах організована злочинність тримається в певних межах, не завдаючи істотної шкоди економіці й політиці, в інших – значною мірою “підмінює” легальні інститути, а соціальні норми мафії конкурують за силою примусу з позитивними законами».

В. Степаненко поднимает также следующую актуальную проблему подхода к определению социального капитала [133, С. 39]:

«Р. Патнем фокусирует свое внимание на уровне развития добровольных объединений граждан как свидетельства существования социального капитала и источнике способности к социальному сотрудничеству, солидарности и доверию. Но можно ли исключать из проблемной области анализа социального капитала институциональную деятельность государства как актора формирования демократических институтов, а также сферу правовых отношений?»

Проблема формулировки сущности социального капитала состоит в том, что большинство исследователей рассматривают в этом качестве производные социальной ответственности – доверие, способность объединяться, гражданскую активность и т.д. Доверие как основополагающий элемент социального капитала является наиболее общепризнанным и распространенным; так, Дж. Лоури определяет социальный капитал как совокупность властных полномочий, отношений, основанных на доверии, нормы доверия, установленной обществом¹⁶⁶.

Возвращаясь к определению Р. Патнема, который под социальным капиталом подразумевает гражданскую активность, направленную на общественные цели, эгалитарную политическую систему и общественные

¹⁶⁶ Loury G. A Dynamic Theory of Racial Income Differences. — Lexington: Lexington Books, 1977.

отношения, основанные на доверии и сотрудничестве [113, 214, 215], стоит отметить, что фактически это формулировка принципов демократического (гражданского) общества; вряд ли будет корректным отождествлять принципы с капиталом, поскольку сами по себе принципы не генерируют поток доходов.

С другой стороны, по выражению Алексиса де Токвиля, искусство ассоциации, изучаемое и применяемое всеми, становится источником действия [139, С. 379, 381]:

«...самой демократической страной в мире является та из стран, где в наши дни люди достигли наивысшего совершенства в искусстве сообща добиваться цели, отвечающей их общим желаниям, и чаще других применять этот новый метод коллективного действия. Случайна ли эта зависимость или же между ассоциациями и равенством действительно существует неперенная взаимосвязь?»

«В демократических странах умение создавать объединения – первооснова общественной жизни; прогресс всех остальных ее сторон зависит от прогресса в этой области»

Хотя Токвиль не использует термин «социальный капитал», однако его рассуждения об опасностях, угрожающих демократическим обществам, и объединениях граждан как неперенном условии эффективного противостояния этим опасностям напрямую связаны с сущностью этого феномена [139, С. 374]:

«...демократия не только заставляет каждого человека забывать своих предков, но отгоняет мысли о потомках и отгораживает его от современников».

Так, одной из проблем демократических обществ он считает индивидуализм [139, С. 373]:

«Индивидуализм – это взвешенное, спокойное чувство, побуждающее каждого гражданина изолировать себя от массы себе подобных и замыкаться в узком семейном и дружеском круге. Создав для себя, таким образом, маленькое общество, человек охотно перестает тревожиться обо всем обществе в целом».

Опасность, угрожающая демократическим обществам – это тирания власти, противостояние которой невозможно без ассоциации граждан [139, С. 379]:

«...приближается такое время, когда человек в одиночку будет все менее способен создавать для себя самые простые и жизненно необходимые условия существования. Задача государственной власти, таким образом, будет беспрестанно усложняться, и сами усилия власти, направленные на то, чтобы справиться с этой задачей, день ото дня будут все более расширять ее полномочия. Чем больше власть станет подменять собой ассоциации, тем больше частные лица, забывая о возможности объединенных действий, будут испытывать потребность в помощи со стороны этой власти».

Из этого следует, что эффективность коллективного действия зависит от «искусства» объединения усилий. В этом смысле социальный капитал определяется не столько социальными нормами, сколько приобретенными навыками взаимодействий. Однако открытым остается вопрос о сути понятия «искусство ассоциации», в том плане, в каком оно может обеспечить необходимый уровень доверия между участниками совместного действия и устойчивость объединений; здесь Токвиль рассматривает позитивное влияние общения на индивидов и его недостаток в современных обществах [139, С. 380]:

«Лишь в процессе общения людей человеческие чувства и идеи обновляются, сердца становятся благороднее, а интеллект получает развитие. ...в демократических странах почти нет этого общения. Поэтому его необходимо создавать искусственно. И сделать это можно только с помощью объединений».

Ф. Фукуяма [156, 157, 158] называет общественный капитал материализованным доверием, имеющим культурные корни; а поскольку культура представляется чем-то абсолютно нерациональным [157, С. 64, 79]:

«У общественного капитала, этого материализованного доверия, играющего принципиальную роль в создании здоровой экономики, – культурные корни. Поскольку и по своему существу, и по своему бытованию культура есть нечто абсолютно нерациональное, утверждение,

что она влияет на экономическую эффективность, может на первый взгляд показаться парадоксальным. Действительно, в качестве предмета научного исследования она постоянно обнаруживает свою неуловимость. Экономисты, считающие себя наиболее трезвомыслящими из всех обществоведов, к понятию культуры обращаться, как правило, не любят: ему очень трудно дать определение, а потому его нельзя взять в качестве основы для построения ясной модели человеческого поведения – вроде уже известной нам «рациональной максимизации пользы»,

то ее влияние на экономическую эффективность представляется парадоксальным. Однако [157, С. 79]:

«Как явствует из самого слова «культура», наиболее сложные этические правила, по которым живет человек, всегда произрастают на почве повторения, традиции и примера. Эти правила могут отражать глубокую «адаптивную» рациональность, они могут служить экономически рациональным целям, наконец, в ограниченном кругу индивидов они могут быть результатом рационально достигнутого соглашения. Однако от поколения к поколению они передаются как нерациональные навыки общественной жизни. Эти навыки, в свою очередь, гарантируют, что поведение людей никогда не будет сводиться к голой максимизации эгоистически понимаемой полезности, о которой твердят экономисты».

Специалисты Мирового банка под социальным капиталом подразумевают [193, с. 78]:

«...совокупность сетей, взаимоотношений, норм и институтов, посредством которых люди получают доступ к власти и ресурсам и влияют на принятие решений, в т.ч. политических».

Очевидно, что в определении специалистов Мирового Банка социальный капитал является скорее капиталом власти и управления. В этом смысле он может быть как положительным, так и отрицательным, о чем уже говорилось ранее.

Если рассматривать социальный капитал как искусство ассоциации [139], имеющее культурные корни [157], определяемое уровнем доверия [214, 187], то наибольший интерес представляют его идеологические «истоки», поскольку идеология отражается в культуре, искусстве и в значительной степени определяет уровень взаимного доверия; при этом если рассматривать идеологию как инструмент для удержания власти [89],

мы приходим к пониманию ключевой роли государства в формировании социального капитала; с другой стороны, если рассматривать идеологию как «способ мышления» общества, актуализируется проблема трансформации идеологии меньшинством, обладающим доступом к ресурсам власти.

На наш взгляд, все предложенные подходы к определению сущности социального капитала делают акцент скорее на его проявлениях, чем на сути; как системное качество, социальный капитал определяется институциональной матрицей общества, а конкретно – соотношением базисных институтов; здесь происходит его формирование в виде связующих принципов системной интеграции. Поскольку социальный капитал понимается практически всеми исследователями как нечто, способствующее интеграции общества, росту его сплоченности, то ключевая роль в этом процессе, безусловно, принадлежит системообразующему институту труда. При этом дезинтегрирующим институтом является институт собственности, откуда следует, что степень интеграции социума зависит от того, какой из этих институтов доминирует в институциональной матрице, а достижение баланса между ними является регулирующей функцией института власти в этой полярной системе.

С этой точки зрения оценку социального капитала можно сделать по трем составляющим: 1) направленность социальной политики государства; 2) социальная стратегия крупного капитала; 3) вариация симптомов социального распада: уровня преступности; числа самоубийств, индикаторов психического здоровья населения (в том числе уровня алкоголизма, наркомании), сальдо миграции (этот список можно продолжить, включив процент разводов, среднее количество детей в семье и т.д.). Три группы субъектов отношений – три группы индикаторов;

поскольку социальная ответственность, как связующий принцип системной интеграции, является симметричной, то несложно предсказать, что на фоне негативной динамики индикаторов первой и второй групп динамика индикаторов третьей группы будут также негативной.

Итак, мы приходим к определению социального капитала как системного качества, характеризуемого уровнем социальной ответственности субъектов отношений и детерминируемого соотношением базисных элементов институциональной матрицы и наличием механизма социального контроля. В данном определении автоматически предполагается социальная активность, выражающаяся в деятельной позиции каждого индивида в отношении увеличения общего благосостояния и социального прогресса¹⁶⁷. Таким образом, социальный капитал является результатом воплощения связующих и условием реализации базовых принципов системной интеграции.

Поток доходов, который «генерирует» этот капитал, измеряется снижением транзакционных издержек и потерь внутри системы, связанных с ее диссипативностью. Эти издержки выражаются расходами на содержание пеницитарных учреждений, заключенных и т.д. (всех расходов общества, связанных с преступностью); потерях общества в результате алкоголизма, самоубийств, наркомании, психических заболеваний, миграции, а также расходах на профилактику подобных явлений, и т.д.

Определяя социальный капитал таким образом, мы должны внести четкость в понятие «социальная ответственность»: это симметричная

¹⁶⁷ Рост социального капитала обеспечивается исключительно развитием института труда; именно этот системообразующий институт должен определять нормы взаимодействия, роли и статусы субъектов социума, обеспечивать реализацию их социальной активности и ответственности, развитие личности, удовлетворение потребностей. Институт собственности и институт власти должны быть подчинены институту труда, играя вспомогательную, а не основную роль в регулировании социальной реальности.

форма отношений; принцип симметричной социальной ответственности означает не только то, что при ее отсутствии хотя бы у одного из субъектов этих отношений (государства, бизнеса, населения) остальные субъекты будут вести себя аналогичным образом; в данном случае симметрия означает одинаковое соотношение «власть / ответственность». Действительно, вряд ли можно считать симметричными отношения, в которых принцип субсидиарности сочетается с тем, что одна из сторон имеет меньший объем полномочий и ограниченный доступ к принятию решений.

Принцип социальной ответственности базируется на аксиоматическом принятии целей социального прогресса, основой которого является рост уровня жизни. В этом ракурсе социальный прогресс находится в неразрывной связи с ростом эффективности труда, который, в свою очередь, определяется качеством трудовой жизни (рис. 4.41).

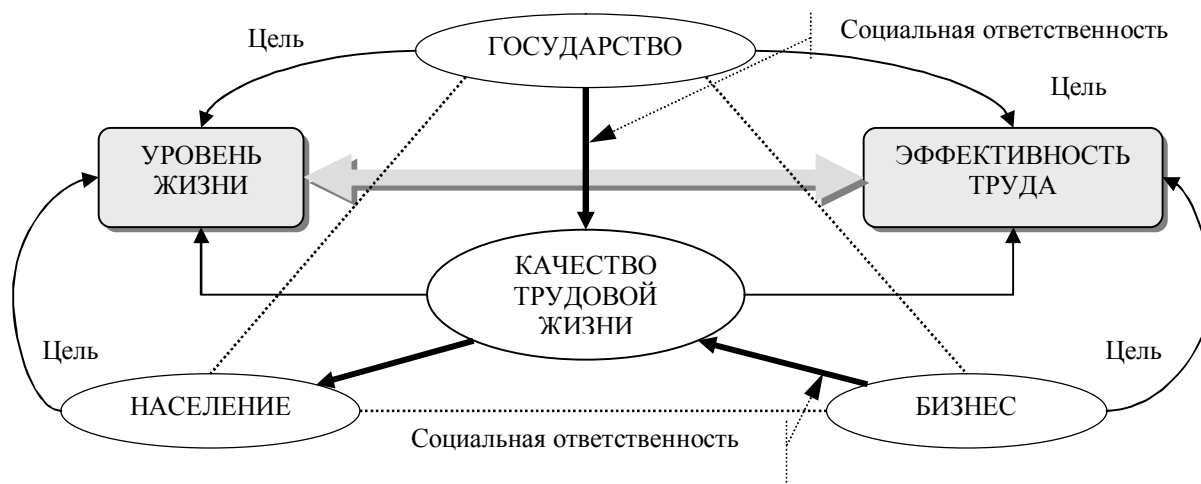

Рис. 4.41. Принцип симметричности социальной ответственности

Возможности наемных работников влиять на качество трудовой жизни зачастую преувеличиваются; все это «влияние» заключается либо в праве отказаться от работы и умереть с голоду, либо в праве на легитимные формы протеста. В обоих случаях наемный работник не принимает решений. Его реактивная роль обуславливает столь же реактивную социальную ответственность: в этом и заключается принцип симметрии. Таким образом, социальный капитал – это капитал симметричной социальной ответственности; проводя аналогию с произведенным капиталом, можно сказать, что это технология управления социальной реальностью: при всех прочих равных условиях¹⁶⁸ богатство общества будет тем больше, чем она совершеннее [89, с. 417]:

|| «Истинная координация в социальной сфере означает увеличение экономии и более целесообразное использование социальной технологии».

Каждая конкретная конфигурация институциональной матрицы подразумевает локализованный спектр технологий управления социальной реальностью, т.е. ограниченную вариацию социального капитала. Необходимым и достаточным условием существенного роста социального капитала является перераспределение функций между базисными институтами с увеличением функциональной нагрузки института труда.

Очевидно, что социальный капитал обеспечивает положительный или отрицательный прирост человеческого потенциала, что также отражается на экономических показателях; таким образом, в результате более эффективной интеграции происходит снижение транзакционных издержек и издержек на нейтрализацию антисоциального поведения; за

¹⁶⁸ при одном и том же уровне технологического и экономического развития

счет положительного влияния на развитие человеческого потенциала растет эффективность общественного производства.

4.4. Экономическая составляющая социального капитала

Поскольку под социальным капиталом логично понимать все, что способствует интеграции социума, в этом смысле в него следует включать доступность средств коммуникации (услуг произведенного капитала). В этом аспекте социальный капитал общества может оцениваться степенью распространенности (широтой охвата) фактически потребляемых услуг связи и коммуникаций, поставляемых экономической системой общества, за счет которых число связей (отношений) в социальной системе растет и количественно, и качественно.

Тогда социальный капитал общества представляется состоящим из двух компонент: непосредственно в социальной подсистеме общества создаются институты и складываются отношения, способствующие интеграции социума – это первая компонента; вторая – это обеспечиваемая экономической подсистемой общества совокупная возможность взаимодействий субъектов социума, т.е. количества и качества связей в социальной системе. Технически последнюю компоненту можно характеризовать с двух сторон: с одной стороны – по увеличению временной «плотности» связей за счет роста числа одновременно происходящих коммуникаций в единицу времени; с другой стороны – по пространственной организации коммуникаций, т.е. возрастанию числа связей между удаленными субъектами.

Важнейшим показателем является широта охвата населения этими услугами, поскольку плотность связей может расти не за счет увеличения

количества пользователей, а за счет роста объема потребляемых услуг транспорта и связи немногочисленной группой субъектов с высоким уровнем дохода. Таким образом, удешевление услуг транспорта и связи на фоне роста благосостояния населения является одним из важнейших индикаторов роста социального капитала.

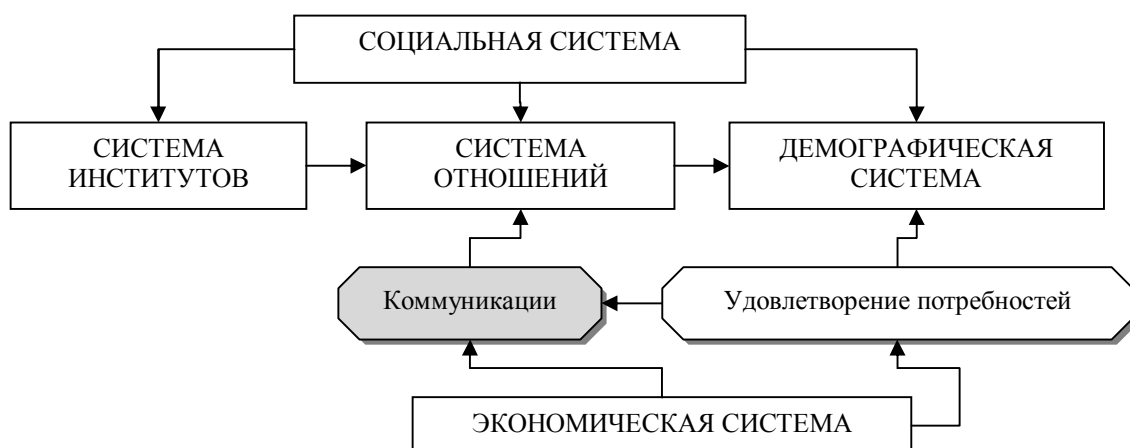

Рис. 4.42. Роль экономической системы в формировании социального капитала

Таким образом, в предлагаемой концепции социальный капитал включает интегративные способности инфраструктуры как число фактически обеспечиваемых ею связей в единицу времени на единицу площади; с другой стороны – как фактически обеспечиваемое ею число связей единичного субъекта с остальными субъектами социума с учетом пространственной характеристики этих связей. При этом территориально удаленные друг от друга субъекты могут вступать в устойчивые

отношения только при доступности средств коммуникаций¹⁶⁹, причем уровень доступности определяется, в первую очередь, ценой данных услуг в отношении к доходу субъекта¹⁷⁰.

Сравнивая ситуацию в Украине с другими странами, можно заметить катастрофический разрыв в уровне обеспечения услугами Интернет (рис. 4.43).

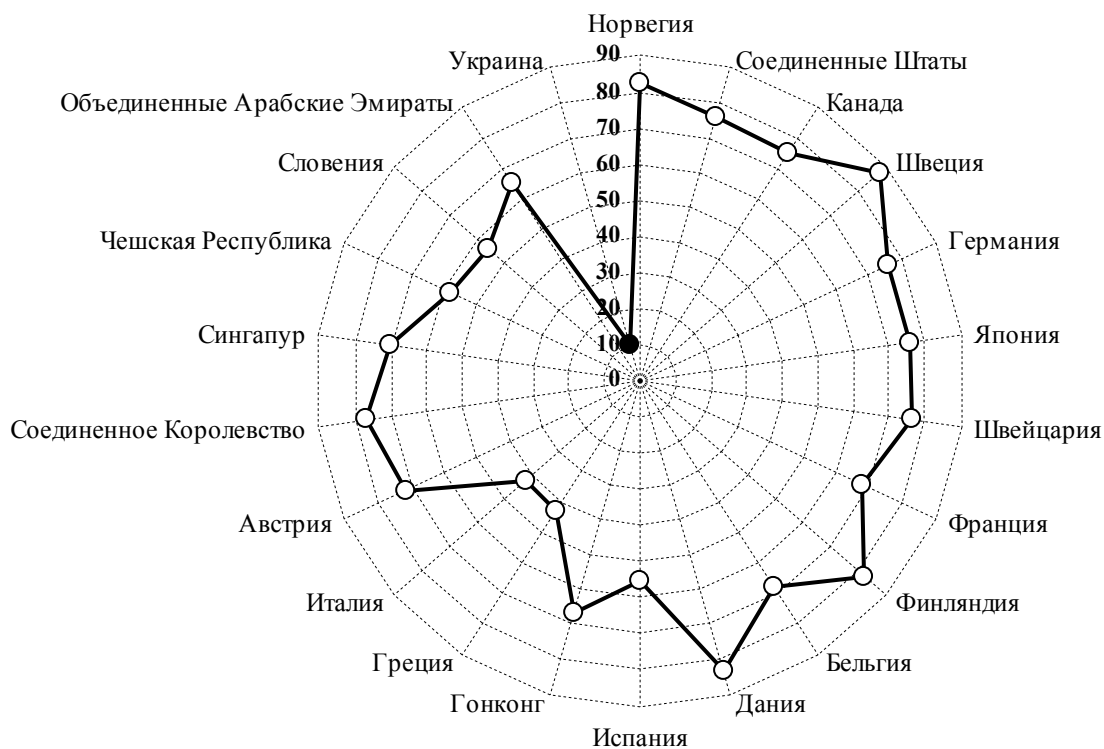

Рис. 4.43. Сопоставление числа пользователей Интернет в расчете на 100 человек населения в различных странах мира и в Украине

¹⁶⁹ Нередкой в наше время является ситуация, когда члены одной семьи оказываются удаленными друг от друга на значительное расстояние, и ввиду высокой стоимости проезда не могут достаточно часто посещать друг друга, чтобы сохранить тесные отношения; если кто-то из них проживает в местности, где проблемой является даже телефонная связь, то фактически родственные связи разрываются.

¹⁷⁰ В данном случае это объясняется не стоимостью услуг Интернет-провайдеров, а стоимостью персональных компьютеров

Это становится причиной соответствующего отставания в темпах роста «человеческого капитала», который, по данным ученых Национальной Академии Наук Украины, имеет отрицательное значение (см. табл. 4.5, рис. 4.6). В этом смысле та часть социального капитала, которая продуцируется экономической подсистемой общества, варьирует в зависимости от соотношения между уровнем доходов субъектов социума, который она обеспечивает, и уровнем цен на связующие (коммуникационные) услуги произведенного капитала, поставляемые социуму. Очевидно, что широта охвата населения подобными услугами¹⁷¹, их количество на душу населения играют здесь большую роль, чем объем произведенного капитала, генерирующего эти услуги. Условно можно сказать, что удельный вес стоимости услуг транспорта, связи, Интернета¹⁷² в среднедушевом доходе населения – важнейший индикатор, характеризующий «экономическую» (или техническую) компоненту социального капитала.

Так, по данным исследования компании BIGMIR-Internet, проведенного в ноябре 2007 года, почти 90 % украинских пользователей Интернет проживают в Киеве и крупных городах: 5,56 % от всех пользователей Интернета в Украине приходилось на Киев и область; 6,48 % – на Одессу; 5,84 % – на Днепропетровск; 5,78 % – на Донецк; 5,16 % – на Харьков; 3,74 % – на Львов; 3,11 % – на Запорожье и 3,02 % – на Крым.

Согласно результатам исследования агентства InMind, проведенного по заказу Интернет Ассоциации Украины, по состоянию на второй квартал 2010 г. в Украине насчитывалось 12,6 миллионов регулярных пользователей, а по данным компании «Спутник Медиа» по состоянию на февраль 2010 г. доступом в Интернет обладали более 16 млн украинцев (примерно треть населения страны).

¹⁷¹ <http://www.comscore.com/>

¹⁷² А, соответственно, стоимость персональных компьютеров, сетевых карт и прочего оборудования, необходимого для «включения» индивида в сеть

Обеспечение «связности» социума за счет интегрирующей способности инфраструктуры не гарантирует его единства; последнее обеспечивается связующими принципами системной интеграции и системой институтов, которые с этой точки зрения следует разделять на позитивные (способствующие интеграции), и негативные (расслаивающие социум на антагонистические группы).

Здесь мы возвращаемся к уже рассмотренной ранее проблеме дезинтегрирующего влияния экономической подсистемы общества ввиду ее имплицитного свойства усиливать отчуждение. При этом отчуждение продукта труда становится фактором отчуждения человека от человека, т.е. отрицательным социальным капиталом.

Результатом накопления отрицательного социального капитала становится институционализация антисоциальных форм активности: организованной преступности, коррупции, «теневой» экономики [133, С. 36]:

«...могут ли неформальные межличностные отношения, в определенной мере сформированные вынужденно–рациональными стратегиями родственно–кланового выживания в период кризиса, быть аналогом аутентичной социальности свободных личностей стабильного социума и фундаментом формирования социального капитала гражданского общества? И как отличить формально изоморфные разновидности социального капитала кооперативного сотрудничества, взаимопомощи и доверия граждан от “социальных капиталов” круговой поруки, клановой солидарности и корпоративности мафиозных группировок...»

Любое объединение индивидов имеет конкретную цель, которая определяет социальный капитал группы. В процессе совместной деятельности, направленной к единой цели, формируются устойчивые отношения и нормы взаимодействия, а так же отношения с обществом в целом; если эта деятельность направлена на индивидуальные цели, противоречащие интересам социума, и не существует институциональных

рамок, действительно ограничивающих подобную антисоциальную активность, то происходит формирование негативных неформальных институтов – коррупции, теневой экономики, организованной преступности, т.е. формируется отрицательный социальный капитал.

С другой стороны, в процессе труда формируется положительный социальный капитал; неперенным условием формирования отношений, основанных на взаимном доверии, является взаимная ответственность субъектов этих отношений; такая ответственность возникает только в процессе совместной трудовой деятельности, когда взаимозависимость участников процесса является ее гарантией. Превращение труда в товар разрушает основу формирования положительного социального капитала, дезинтегрирует работников, выступающих «конкурентами» на рынке труда; они уже не являются участниками совместного трудового процесса; они всего лишь «продавцы» своего рабочего времени, результат использования которого не имеет для них особого значения. В таких условиях их рабочая сила с одинаковым успехом может быть использована на достижение любых, в том числе антисоциальных и даже преступных целей; индивид выполняет порученную ему работу, не вникая в намерения того, кто ему эту работу предоставил. По сути, общество само загоняет себя в институциональную ловушку; с точки зрения формальной логики, поскольку продавец товара не отвечает за то, как этот товар будет использован покупателем, то и к товару «труд» должны применяться те же правила. Безразличие наемных работников к содержанию и результату рабочего процесса, ориентация только на получение оплаты – это логическое следствие давления институтов собственности и власти на институт труда, приводящее к нарушению принципа социальной ответственности.

ГЛАВА 5. СОЦИАЛЬНЫЙ ПРОГРЕСС И СОЦИАЛЬНЫЕ ИЗДЕРЖКИ

5.1. Социальный прогресс как научная категория

Социальный прогресс, по идее, должен быть главной целью любого человеческого сообщества; представляется логичным предположение, что любой разумный человек предпочтет жить в более совершенном обществе, с более высоким уровнем развития и каждой отдельно взятой личности, и всей системы социальных связей. Желание жить в более совершенном обществе должно мотивировать индивидов на создание условий социального прогресса.

В этом смысле социальный прогресс выступает как категория мышления, связанная с осознанием смысла существования общества и индивида, определяющая институциональную среду и уклад общественной жизни. В методологии экономического детерминизма социальный прогресс подменяется экономическим ростом, что не просто существенно сужает смысловое содержание понятия «развитие», но и приводит к радикальному изменению его цели. Несмотря на многочисленные попытки доказать превосходство рыночной системы хозяйствования и ее способность стихийно действовать на благо общества, *vulpes pilum mutat, non mores*¹⁷³.

В силу этого мы рассматриваем социальный прогресс как научную категорию, четкое определение смыслового содержания которой является непременным условием формирования соответствующей концепции

¹⁷³ лиса меняет шерсть, но не нрав (лат.)

развития общества, определяющей направление научной мысли [89, С. 284]:

«Прогресс разума и сдерживание в нас хаотического начала сохраняются лишь до тех пор, пока в общественном устройстве выполняются определенные условия и соответствующие силы действуют в этом направлении».

Многие исследователи склонны рассматривать социальный прогресс как процесс реализации ценностей этического порядка, что и приводит к его отрицанию как научной категории в практике экономического анализа. Большинство концепций социального прогресса рассматривают его как абстрактное *summum bonum*¹⁷⁴, в то время как научный анализ базируется на конкретных фактах и измеримых целях.

В традиционном понимании прогресс любой системы – это внутренне обусловленный процесс ее роста и усложнения; он предполагает снижение энтропии системы, повышение гибкости связей между ее элементами, усложнение (совершенствование) самих элементов. Однако различные концепции социального прогресса формулируют различные критерии его оценки.

Так, Герберт Спенсер понимал под социальным прогрессом возрастающую дифференциацию и одновременно интеграцию структуры общества; К. Маркс – уровень развития материального производства; Эмиль Дюркгейм – расширение индивидуальной свободы в рамках органически солидарного общества; Макс Вебер – модернизацию различных сфер социальной жизни; Т. Парсонс – развитие адаптивных возможностей общества. Фридрих Ницше был одним из наиболее последовательных противников теории социального прогресса,

¹⁷⁴ высшее благо

аргументировавшим свою позицию тем, что социальное знание не является объективным.

Однако категория социального прогресса была и остается в центре внимания многих ученых как необходимое условие выполнения базового принципа системной интеграции – принципа конечной цели, без которой человеческое сообщество не может быть саморегулирующимся. Наиболее адекватная, на наш взгляд, концепция социального прогресса используется ПРООН при определении программ и целей человеческого развития.

Сторонник циклически–волнообразного подхода к эволюции человеческих сообществ В.И. Пантин определяет прогресс как [107, С. 27]:

«...тенденция к усложнению системы, повышению ее возможности регулировать внутренние и внешние процессы».

Таким образом, социальный прогресс Пантин рассматривает как совокупность локальных процессов: а) усложнения социальных систем; б) повышения их способности¹⁷⁵ к саморегулированию; в) увеличения их влияния на внешнюю среду. По поводу характера волновых колебаний Пантин пишет [107, С. 230, 232]:

«...в рамках каждой социальной системы формируются собственные ритмы развития, определяемые ее специфическими сущностными чертами...

Характер результирующих волн определяется, прежде всего, природой модернизирующегося социума, его цивилизационной спецификой, а также общемировой ситуацией, уровнем развития всего международного сообщества. Как правило, происходит взаимодействие собственных циклов и волн социального развития модернизирующегося общества с циклами и волнами мирового развития»,

т.е. эти локальные процессы взаимодействуют с общемировым процессом.

¹⁷⁵ здесь представляется менее подходящим используемое автором слово «возможности»

Итак, речь идет о самоорганизации социальной системы в рамках мирового сообщества (т.е. фактически – об уровне системного качества, которое мы рассматриваем как социальный капитал); социальные системы с наиболее высоким его уровнем способны оказывать влияние на процессы, происходящие в остальном мире.

П.Л. Лавров дает следующее определение социального прогресса [3, С. 131–132]¹⁷⁶:

«Прогресс, как смысл истории, осуществляется в росте и скреплении солидарности, насколько она не мешает развитию сознательных процессов и мотивов действия в личностях, точно так же как в расширении и уяснении сознательных процессов и мотивов действия в личностях, поскольку это не препятствует росту и скреплению солидарности между возможно большим числом личностей»

Таким образом, социальный прогресс в определении П.Л. Лаврова связан с ростом социального капитала и человеческого потенциала (рис. 5.1). С учетом определения Пантина можно добавить, что социальный прогресс подразумевает повышение способности социальной системы к саморегулированию и рост устойчивости к внешним воздействиям.

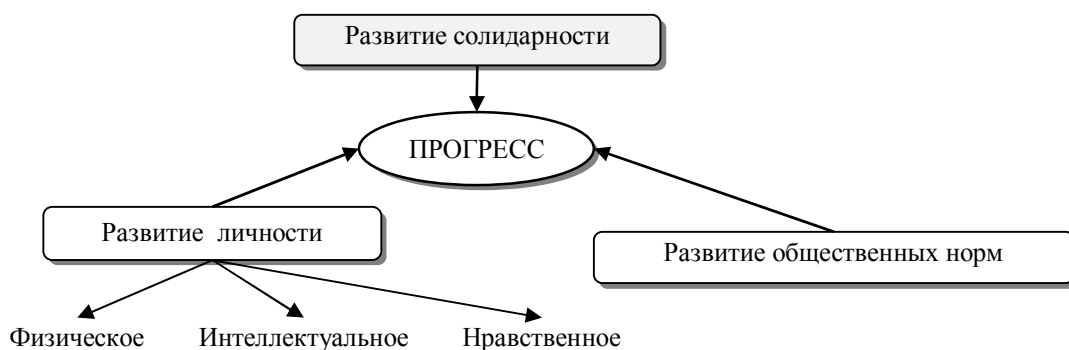

Рис. 5.1. Концепция социального прогресса П.Л. Лаврова

¹⁷⁶ Прижизненное издание

Отстаивая волнообразный характер социального прогресса, Пантин утверждает, что в каждом обществе на любом этапе его развития заключен потенциал как к прогрессу, так и к деградации; колебания, таким образом, обусловлены изменением соотношения между ними [107, С. 27–28]:

То, что в одной фазе развития выглядело как социальная деградация... в другой фазе... создает условия для социального прогресса; и наоборот, то, что выглядело и являлось общественным прогрессом в одной фазе развития, в другой фазе становится тормозом и ведет к социальной деградации.

В этом смысле данная концепция предполагает вариацию смыслового содержания категории «социальный прогресс», с чем мы абсолютно не согласны. Однако что касается социальной реальности, то колебательный характер происходящих в ней процессов является, действительно, объективным свойством социальных систем, обусловленным полярной структурой институциональной матрицы. При этом институты власти и управления, функцией которых является поддержание баланса между институтами труда и собственности, отвечают за результирующее направление развития социума, т.е. колебания в принципе являются регулируемыми. Что касается обратимости условий прогресса и деградации, то здесь можно согласиться в том смысле, что рыночная система хозяйствования, выглядевшая ранее как прогрессивная модель, сегодня уже не представляется таковой; более того, ее социально регрессивный характер становится все очевиднее. Вмешательство государства, столь активно критиковавшееся ранее как препятствующее развитию (экономическому росту), сегодня становится очевидно необходимым для обеспечения его условий. Социальный прогресс необходимо требует создания экономических благ, обеспечивающих рост благосостояния населения. Экономическая система, продуцирующая эти блага, выступает здесь в качестве прогрессивного звена, однако она же

порождает стратификацию, препятствующую социальному прогрессу. Это является следствием диалектического противоречия между базисными институтами труда и собственности. Однако условия протекания процесса не отождествимы с самим процессом.

Далее Пантин пишет [107, С. 41]:

«...социальная система реагирует на периодически изменяющуюся ситуацию, например, на изменения в степени обеспеченности природными и человеческими ресурсами, на угрозы натиска со стороны других социально-экономических систем или внутреннего ослабления, перестраиваясь и переходя из одного состояния в другое. При этом, поскольку число принципиально различающихся состояний, в которые может переходить система, не распадаясь, ограничено, возникают периодически повторяющиеся переходы из одного состояния в другое и обратно. Однако общие внутренние и внешние условия существования сложной системы меняются необратимо, и она не может полностью вернуться в те состояния, которые проходила прежде. Она проходит подобные, но не те же самые состояния; так возникают волны эволюции социальных систем»

С другой стороны, критикуя циклические теории, Петр Штомпка пишет [177, С. 49–50]:

«Идея прогресса логично вписывается в модель направленной трансформации и в некоторые версии теории развития. Что касается структурного функционализма и циклических теорий, то с ними данная идея сочетается с трудом. В самом деле, бессмысленно говорить о том, что общество прогрессирует, т.е. становится лучше, если оно остается стабильным. ...Концепция прогресса приобретает какой-то смысл только в сочетании с идеей трансформации (т.е. изменения самого общества, а не только изменения внутри него)».

Споры о колебательном, или волнообразном, характере социальной динамики мы считаем несущественными при анализе смыслового содержания категории социального прогресса. Прогресс не может быть волнообразным и циклическим, поскольку различные фазы социальной динамики не являются различными «фазами» социального прогресса; напротив, социальный прогресс является «мерилом» их направленности, вследствие чего они имеют различные наименования.

Переходя в плоскость институционального анализа и используя введенные ранее понятия, можно сформулировать следующее: социальный прогресс – это процесс повышения уровня системного качества, т.е. рост социального капитала; последнее в нашем понимании автоматически подразумевает рост человеческого потенциала. Условием социального прогресса является формирование институциональной среды, обеспечивающей выполнение базовых и связующих принципов системной интеграции общества. Т.е. строго необходимым условием социального прогресса является выполнение связующих принципов, а критерием – выполнение базовых принципов системной интеграции. Заметим, что принцип саморегулирования социума, на котором настаивает Пантин, уже включен в это определение, поскольку институциональная среда обеспечивает выполнение данной функции.

5.2. Социальные издержки и энтропия социальной системы

5.2.1. Понятие социальных издержек

Р. Коуз [189, 188, 79], а вслед за ним и целый ряд других ученых рассматривают социальные издержки исключительно в виде так называемых «вредных последствий» (как их называл Коуз) или «экстерналий» (по выражению Самуэльсона); в нашем понимании социальные издержки находят свое выражение в гораздо более масштабном влиянии экономической системы на социум. Подход защитников рынка от государственного вмешательства сводится к проблемам ценообразования или налогообложения; однако ни ценовой механизм, ни фискальная политика не могут решить проблемы роста

негативной социальной динамики и устранить тенденции дезинтеграции социума, а именно эти явления мы склонны относить к «социальным издержкам» в первую очередь.

Социальные издержки в нашем понимании – это нарушение базовых принципов системной интеграции общества в результате нереализованных институциональной системой связующих принципов; как видно из этого определения, социальные издержки неразрывно связаны с концепцией социального прогресса: по сути, это издержки нарушения связующих принципов системной интеграции, измеряемые степенью нарушения базовых принципов.

Социальные издержки выражаются ущербом, причиненным социуму в результате определенных неконтролируемых действий составляющих его субъектов; в первую очередь – в плане угрозы его существованию; во вторую – в аспекте торможения социального прогресса или даже изменения его направления (к регрессу). Вообще говоря, это издержки функционирования социально-экономической системы общества, выражающиеся в той или иной степени его¹⁷⁷ стратификации, ухудшении демографических показателей, снижении уровня законности, росте преступности и т.д.

Исходя из данного ранее определения социальной системы (демографическая система + система отношений + система институтов) представляется логичным таким же образом дифференцировать социальные издержки как издержки демографические, отношенческие и институциональные¹⁷⁸. Демографические издержки наиболее

¹⁷⁷ общества

¹⁷⁸ экологические издержки, или «экстерналии», относятся к ухудшению условий существования социума, результатом чего будут издержки демографические.

«наблюдаемы» статистически; отношенческие и институциональные, как правило, не так просто выражаются языком цифр, хотя показатели числа преступлений, самоубийств, психических заболеваний и т.д. на 100 тыс. населения, а также показатели миграции, алкоголизма, наркомании достаточно наглядно отражают состояние общества. Институциональные издержки косвенно выражаются через отношенческие, и непосредственно – в нарушении прав человека (см. раздел 4.2.2).

Отношенческие издержки проявляются в растущей энтропии системы отношений; в этом плане глубокое и интересное исследование Зигмунта Баумана раскрывает современные процессы распада системы отношений под влиянием глобализационных процессов [8, С. 26–28]:

«...доступность скоростных средств передвижения стала главным катализатором характерного для современной эпохи процесса разложения и подрыва всей совокупности социальных и культурных явлений местного происхождения...» [С. 26]

«...тесно спаянные сообщества прошлого... возникли и существовали благодаря разрыву между почти мгновенной связью внутри небольшого сообщества... и громадным временем и расходами, необходимыми для передачи информации от одного сообщества к другому» [С. 27].

«...хрупкость и недолговечность сегодняшних сообществ связана, прежде всего, с сокращением или полным исчезновением этого разрыва: связь внутри сообщества не имеет никаких преимуществ над обменом информацией между сообществами – и то, и другое осуществляется мгновенно» [С. 28].

Интересно то, что в данном случае отношенческие издержки являются результатом технического прогресса на фоне усиливающейся имущественной стратификации, что в сочетании приводит к стратификации по критерию мобильности. Это негативно отражается на институциональной среде общества: власть элит становится экстерриториальной, практически безграничной, абсолютно непрозрачной

для массы «неэлитарных» субъектов; она «обесчеловечивается», что очень хорошо описано в [8].

Продолжая анализ, Бауман раскрывает причину разрыва горизонтальных связей, которая заключается в усилении «функциональной специализации пространства» и [8, С. 41]:

«...ликвидации общественных пространств. Это были не только места встреч: там создавались нормы, вершилось и горизонтально распределялось «правосудие», и, тем самым, собеседники превращались в сообщество, отличное от других и сплоченное общими критериями оценки. ...на территории, лишенной публичного пространства, существует мало возможностей для обсуждения норм, для столкновения ценностей и выработки компромиссов».

Технический прогресс, являющийся «безоговорочным благом» с позиции экономического детерминизма, рационализация пространства, повышение мобильности – все это обходится социуму ценой распада системы отношений, т.е. ростом отношенческих социальных издержек.

Объясняемые экономической целесообразностью требования «гибкости рынка труда» – еще один аспект проблемы отношенческих социальных издержек, заслуживающий отдельного внимания [8, С. 148]:

«Концепция «гибкости»... не афиширует своего происхождения, связанного с общественными отношениями: того факта, что она требует перераспределения власти и предусматривает экспроприацию возможностей к сопротивлению у тех, чью «косность» необходимо преодолеть ...главное – возможность игнорировать любые соображения, кроме «экономической целесообразности».

По поводу социальной справедливости как необходимого условия интеграции социума сторонник эволюционных методов преобразования общества Карл Манхейм пишет [89, С. 418]:

«Функционирование существующей экономической системы, если пустить ее на самотек, приведет в самый кратчайший срок к увеличению различий в доходах и благосостоянии между различными классами до такой степени, что это ...вызовет ...социальную напряженность».

...принцип социальной справедливости ...не обязательно подразумевает механическое понятие равенства. Разумные различия в доходах и накоплении богатства могут сохраняться в обществе..., пока они ...не ...препятствуют сотрудничеству между различными классами».

Мы не рассматриваем упомянутый Манхеймом принцип социальной справедливости как некий институциональный критерий, поскольку само понятие справедливости противоречиво. Однако Манхейм подразумевает, очевидно, то, что мы называем связующими принципами системной интеграции; в этом смысле речь идет о влиянии экономической подсистемы на институциональную среду, т.е. об институциональных издержках.

Институциональные издержки наиболее опасны для целостности социума; их неизбежным следствием являются издержки отношенческие и демографические. Проявляются они в нарушении функционирования системы институтов: ослаблении или отмирании позитивных и усилении негативных, таких, как, например, институт коррупции. При этом в экономической подсистеме, порождающей эти институциональные издержки, возникают соответствующие транзакционные издержки, ведущие к снижению эффективности ее функционирования.

Безусловно, любые издержки функционирования социально-экономической системы общества проявляются во всех трех «плоскостях» ввиду их неразрывной связи; однако отчетливо проявляются они не одновременно: возникая в одной подсистеме социума, они со временем «просачиваются» в другие подсистемы. Единственный способ снижения социальных издержек – обеспечение условий выполнения связующих принципов системной интеграции, т.е. формирование соответствующей

институциональной среды; *punctum quaestionis*¹⁷⁹ – в конфигурации институциональной матрицы.

Итак, социальные издержки – это «нарушение здоровья» социального организма, симптомами чего являются рост числа самоубийств, преступлений, психических расстройств, алкоголизма, наркомании т.д. Вопрос о том, является ли причиной роста социальной энтропии саморазрушительная природа человека или же эта причина кроется в социально неэффективном способе интеграции индивидов, мы решаем в пользу последнего варианта.

5.2.2. Измерение социальных издержек

Вообще говоря, эти данные следовало включить в раздел 4.2, но мы приводим их здесь, поскольку все элементы данной концепции неразрывно связаны; в данной ситуации мы рассматриваем конкретные симптомы социальной деградации для иллюстрации понятия социальных издержек.

Согласно официальной статистике Министерства здравоохранения Украины, в конце 2009 года в медицинской помощи врача-психиатра нуждались 1171133 украинца, что составляет 2,5 % жителей все страны; число инвалидов вследствие психических расстройств с 2000 года выросло на 18,7% и составляет 594 человека на 100 тысяч населения.

Однако по данным эпидемиологического исследования, проведенного в рамках сотрудничества Киевского международного института социологии и Ассоциации психиатров Украины с отделом эпидемиологии кафедры психиатрии Нью-Йоркского университета, распространенность психических расстройств на протяжении жизни в

¹⁷⁹ Суть вопроса (лат.)

Украине составила 31,6 % (табл. 5.1, рис. 5.2), причем она была значительно выше у мужчин (35,9 %), чем у женщин (28,1 %) [115].

Таблица 5.1.

**Распространенность основных психических расстройств и
алкоголизма на протяжении 12 мес в странах Европы***

Страна	Аффективные расстройства	Тревожные расстройства	Алкоголь (злоупотребление или зависимость)	Все
	(%)			
Бельгия	5,0	13,3	1,0	10,4
Испания	4,4	5,2	0,3	8,4
Италия	3,1	10,9	0,1	7,2
Нидерланды	4,8	15,2	1,5	11,4
Украина	8,8	11,3	4,8	19,1
Франция	6,4	9,7	0,7	14,3
ФРГ	3,4	14,1	1,1	8,6

* Источник: [182]

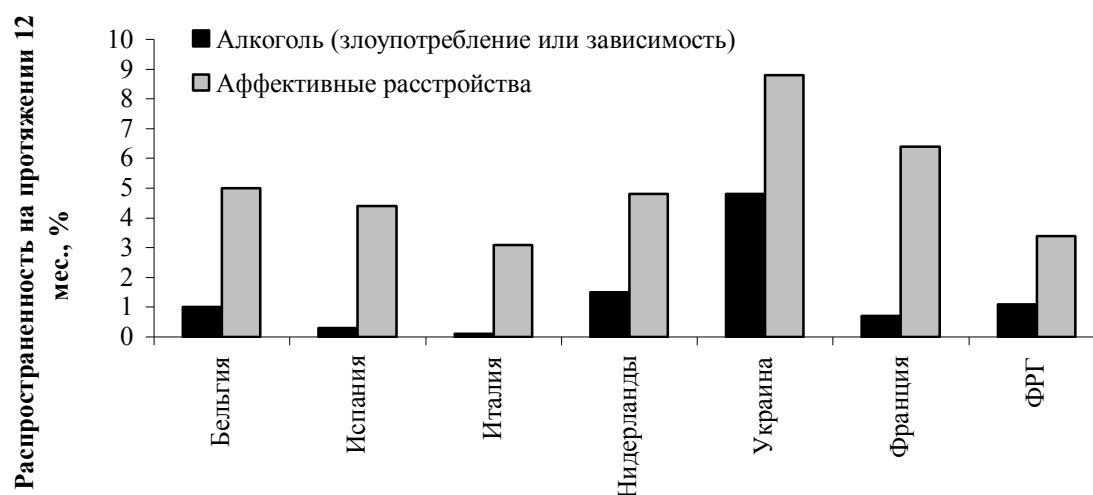

Рис. 5.2. Распространенность психических расстройств и
алкоголизма на протяжении 12 месяцев в странах Европы

Таким образом, каждый третий житель Украины в течение жизни имеет психические расстройства¹⁸⁰. При этом Украина оказалась единственной страной, где депрессивные расстройства на протяжении 12 месяцев заняли первое место в структуре изучавшихся расстройств. В развитых странах более 50 % лиц с тяжелыми формами психических расстройств обращаются за медицинской помощью; в Украине – не более чем в 20 % случаев [223].

Первым гипотезу обратной связи между числом самоубийств и степенью социальной интеграции сформулировал Э. Дюркгейм [61], т.е. уровень самоубийств можно рассматривать как симптом социального распада, а рост числа самоубийств – как один из видов измеряемых социальных издержек

По данным Всемирной организации здравоохранения¹⁸¹, за последние 50 лет число случаев самоубийств возросло на 60%; ежегодно почти 900 тыс. человек в мире добровольно сводят счеты с жизнью¹⁸², при этом на каждого человека, совершившего самоубийство, приходится не менее 20 человек, совершивших попытку суицида. Основными причинами самоубийств являются бедность, безработица, страх перед наказанием, психические заболевания, страсти, пресыщенность жизнью и тяжелые заболевания.

По данным за 2009 год «мировыми лидерами» по уровню самоубийств являются Литва, Россия, Казахстан, Венгрия, Беларусь, Латвия и Украина (рис. 5.3).

¹⁸⁰ Поскольку официальная статистика Министерства здравоохранения Украины фиксирует психические расстройства, с которыми обращаются за психиатрической помощью, ее данные отличаются от данных эпидемиологического исследования.

¹⁸¹ http://www.who.int/violence_injury_prevention/violence/world_report/en/annex_ru.pdf

¹⁸² По критериям Всемирной организации здравоохранения, к странам с высоким уровнем суицидов относятся те, где этот показатель выше 20 случаев на 100 тыс. жителей.

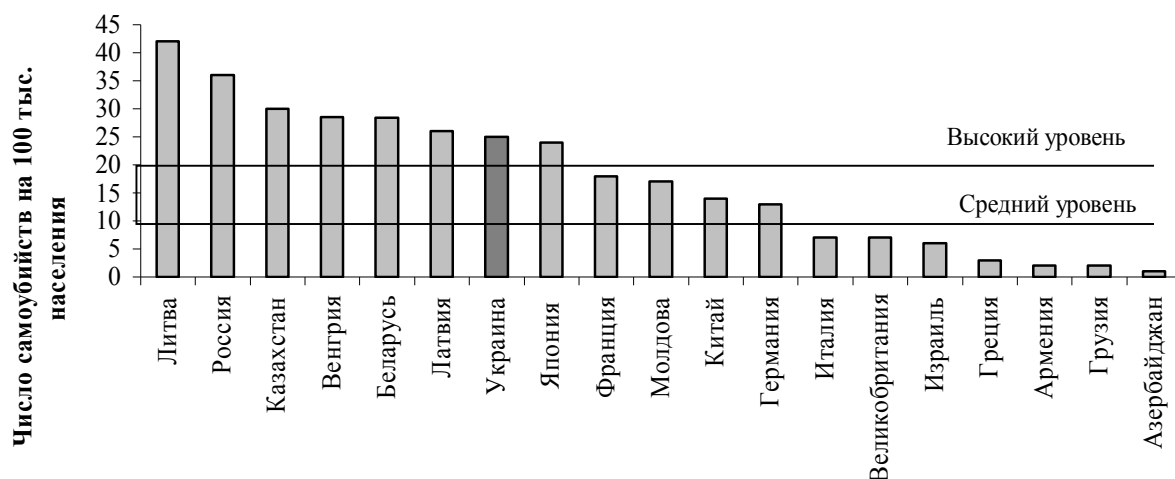

Рис. 5.3. Уровень самоубийств в различных странах в 2009 г.

Что касается уровня преступности, по результатам исследования численности заключенных в 217 странах мира, проводимого Лондонским королевским колледжем, Украина занимает десятое место после США, Китая, России, Бразилии, Индии, Мексики, Таиланда, Ирана и ЮАР (рис. 5.4). При этом норма для развитых стран колеблется в пределах 70–80 человек¹⁸³ на 100 тыс. населения (в мире – 141 человек).

По данным официальной статистики, в 2010 году в Украине зарегистрирован рост уровня преступности: если в 2009 г. на 10 тыс. населения приходилось 57,2 преступления, то в 2010 г. – уже 69,9. При этом количество преступлений, совершенных против детей, выросло на 34,5%.

¹⁸³ Во Франции этот показатель не превышает 96 человек на 100 тыс. населения; в Германии — 88; Великобритании – 78; Швеции – 78; Норвегии и Дании – 71.

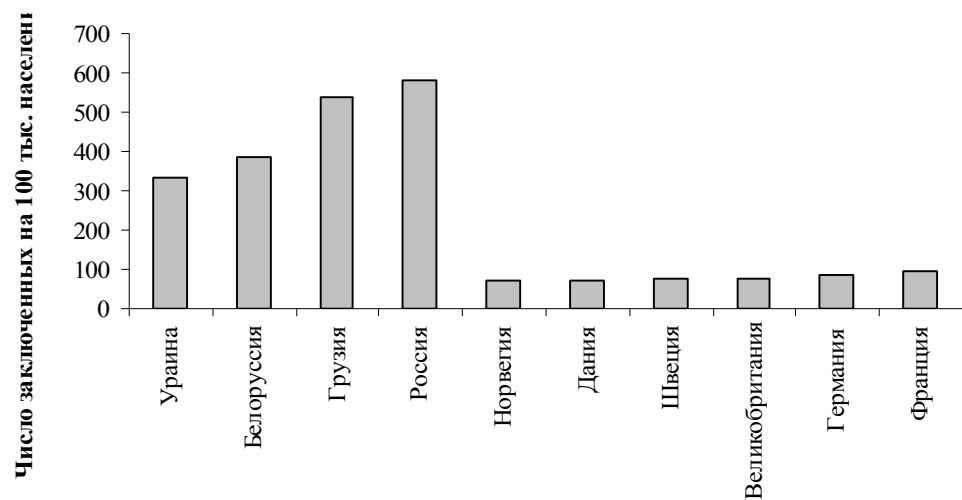

Рис. 5.4. Численность заключенных в расчете на 100 тыс. населения в различных странах в 2010 г.¹⁸⁴

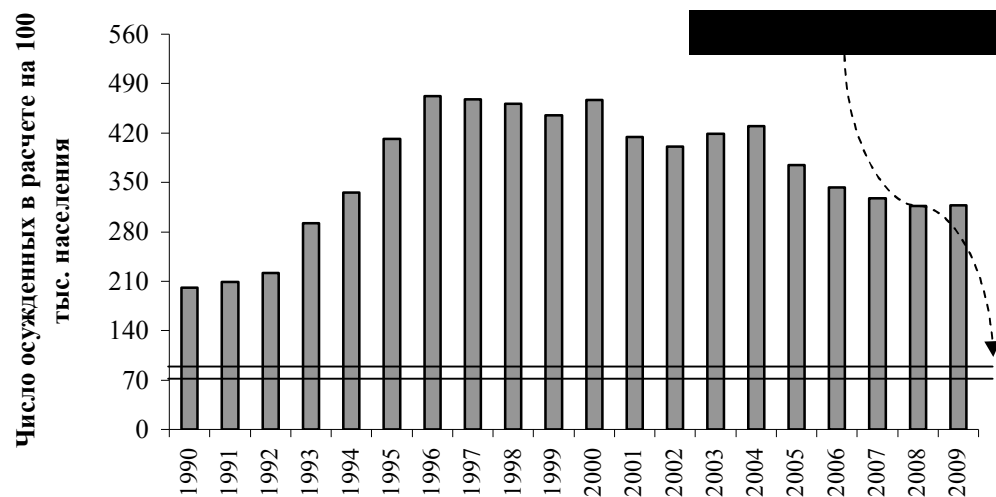

Рис. 5.5. Динамика численности заключенных в Украине в расчете на 100 тыс. населения¹⁸⁵

¹⁸⁴ Источник: <http://www.kcl.ac.uk/index.aspx>

¹⁸⁵ Расчеты выполнены по данным Госкомстата Украины

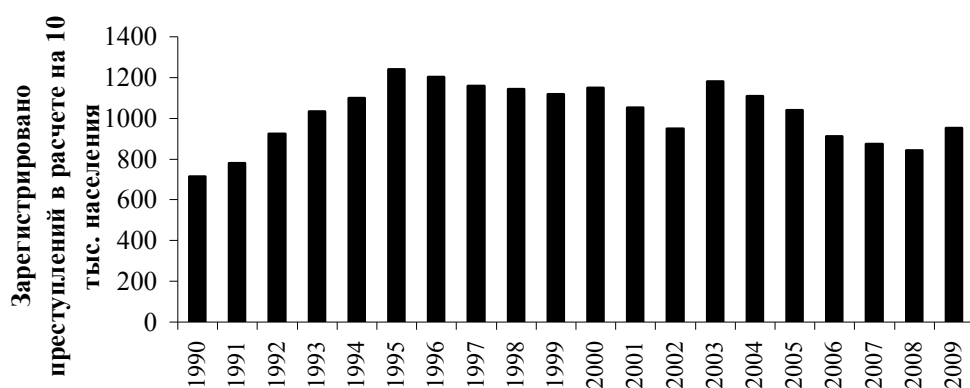

Рис. 5.6. Динамика зарегистрированных преступлений в Украине (в расчете на 100 тыс. населения)

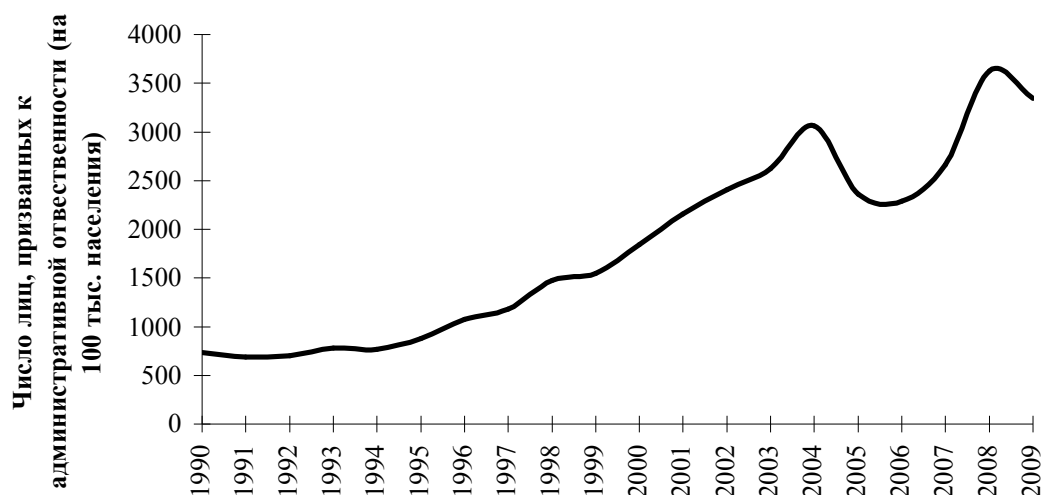

Рис. 5.7. Динамика численности лиц, призванных к административной ответственности, в Украине (в расчете на 100 тыс. населения)

Более сложным является измерение таких институциональных издержек, как уровень коррупции или объем теневой экономики.

В справочном документе ООН о международной борьбе с коррупцией дано такое определение: «Коррупция – это злоупотребление государственной властью для получения выгоды в личных целях».

Рабочее определение междисциплинарной группы по коррупции Совета Европы ещё более широко: коррупция представляет собой взяточничество и любое другое поведение лиц, которым поручено выполнение определённых обязанностей в государственном или частном секторе, которое ведёт к нарушению обязанностей, возложенных на них по статусу государственного должностного лица, частного сотрудника, независимого агента или иного рода отношений и имеет целью получение любых незаконных выгод для себя и других. Аналогичная идея заложена в Руководстве, подготовленном секретариатом ООН на основе опыта разных стран. Оно включает в понятие коррупции 1) кражу, хищение и присвоение государственной собственности должностными лицами; 2) злоупотребления служебным положением для получения неоправданных личных выгод в результате неофициального использования официального статуса; 3) конфликт интересов между общественным долгом и личной корыстью.

Международная организация Transparency International¹⁸⁶, занимающаяся проблемой коррупции, имеет филиалы более чем в 75 странах; ее сотрудники разработали индекс восприятия коррупции¹⁸⁷, который впервые был опубликован в 1995 г. Этот индекс позволяет ранжировать страны по уровню коррумпированности по десятибалльной шкале: чем выше значение индекса, тем ниже уровень коррупции.

Индекс восприятия коррупции дополняется Индексом плательщиков взяток¹⁸⁸, отражающим склонность компаний ведущих стран-экспортёров мира давать взятки в развивающихся странах.

В зависимости от значения индекса восприятия коррупции страны мира делятся на четыре категории:

¹⁸⁶ <http://www.transparency.org/>

¹⁸⁷ Corruption Perceptions Index

¹⁸⁸ Bribe Payers Index

– наименее коррумпированные страны – значение индекса в пределах от 7 до 10;

– страны со средним уровнем коррупции – от 4,8 до 7;

– страны со значительным уровнем коррупции – от 3 до 4;

– страны с высоким уровнем коррупции – от 0 до 3.

Как видно из рис. 5.8, Украина относится к чрезвычайно коррумпированным странам: индекс восприятия коррупции равен 2,4.

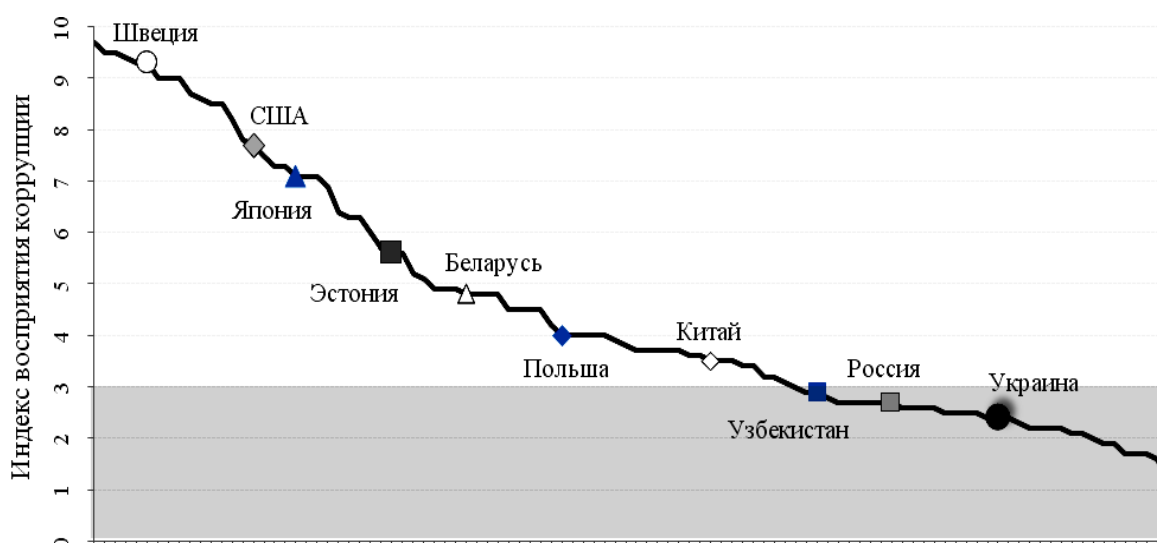

Рис. 5.8. Индексы восприятия коррупции для различных стран

По данным Университета Иоганна Кеплера из австрийского города Линц, объем теневой экономики в Европе превышает 2 трлн. евро. Размах теневого рынка различен в разных странах – от 7–8 % ВВП в Австрии и Швейцарии до 30% и более в ряде стран Центральной и Восточной Европы. Из всех стран еврозоны по этому показателю «лидирует» Эстония, где в 2011 году теневой сектор экономики составил около 28,6% ВВП¹⁸⁹.

¹⁸⁹ Как правило, объем теневой экономики рассчитывается в процентах от ВВП.

По данным Министерства экономики Украины, за период 07.2008–07.2009 г. объем нелегального сектора экономики вырос до 35,6% ВВП. Однако эти данные не отражают объем криминальной «экономики» (проституция, торговля наркотиками, азартные игры, деятельность нелегальных мигрантов). К деятельности в сфере теневой экономики относится также оптимизация налогов, коррупционный механизм возврата НДС из государственного бюджета.

В аналитическом докладе Национального института стратегических исследований «Теневая экономика в Украине: масштабы и направления преодоления» (2011 г.) сообщается, что объем рынков некоторых нелегальных товаров существенно превышает объем государственного бюджета. Так, емкость рынка нелегальной торговли природными ресурсами в Украине составляет порядка 20 млрд. долл. Кумулятивный отток теневого капитала из страны за период с 2000–2008 гг. оценивается экспертами НИСИ в 82 млрд. долл.; это почти трехкратное превышение расходов сводного бюджета на здравоохранение за этот период, и в 2,3 раза больше объема прямых инвестиций.

Согласно расчетам Министерства экономического развития и торговли Украины, объем теневой экономики последние пять лет находится в диапазоне от 28 до 39% ВВП. Однако согласно расчетам австрийского экономиста Ф. Шнайдера¹⁹⁰, уровень теневой экономики в Украине составляет 52,8% от ВВП. На рис. 5.9 представлены результаты¹⁹¹ исследований, проведенных этими учеными. Причем на диаграмме отражены данные о легальной деятельности, которая «уходит в тень» для

¹⁹⁰ Фридрих Шнайдер, Доминик Энсте «Теневые экономики. Размеры, причины роста и следствия»

¹⁹¹ <http://www.imf.org/external/pubind.htm>

того, чтобы не платить налоги, но не учтены криминальные виды деятельности, такие, как торговля наркотиками и проституция. По этим оценкам Украина занимает третье место в данной выборке после Грузии и Азербайджана (рис. 5.9).

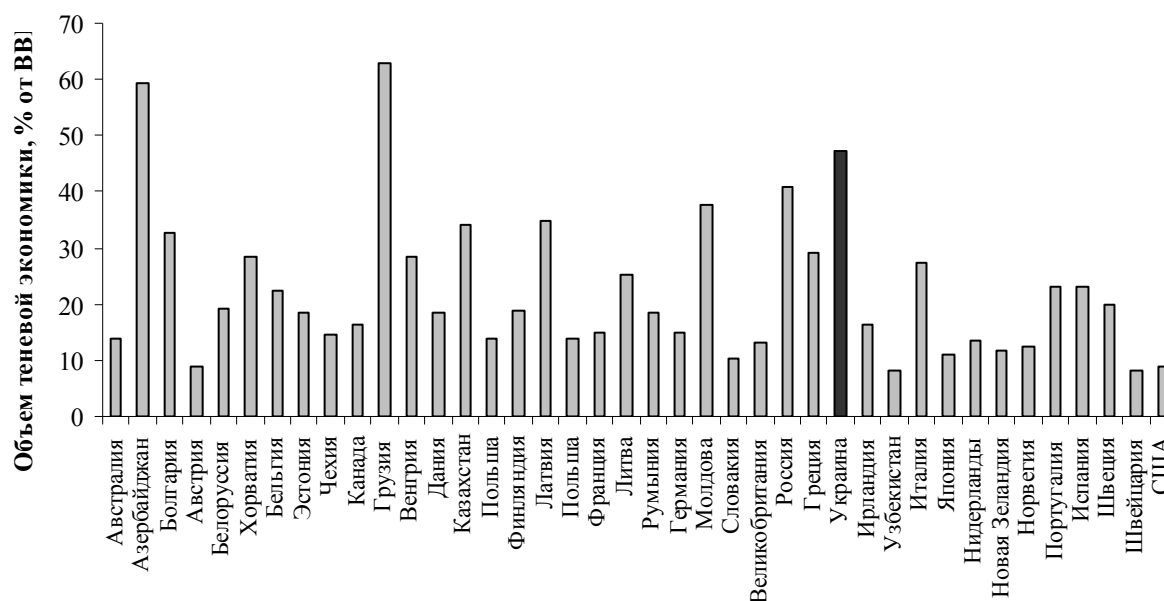

Рис. 5.9. Объемы неформальной экономики ряда стран (по данным Ф. Шнайдера и Д. Энсте¹⁹²)

Все приведенные данные, как и те, что представлены в разделе 4.2, очевидно могут быть отнесены к социальным издержкам, поскольку свидетельствуют о нарушении базовых принципов системной интеграции в Украине, где институциональная среда разбалансирована настолько, что неформальные негативные институты играют определяющую роль, а связующие принципы системной интеграции не выполняются.

¹⁹² Шнайдер Ф. Скрываясь в тени. Рост подпольной экономики [Электронный ресурс] / Фридрих Шнайдер, Доминик Энст // Вопросы экономики. Международный валютный фонд. — 2002. — № 30. — Режим доступа : <http://www.imf.org/Extremal/Pubs/issues30/rus/issue30r.pdx>

Очевидно также, что социальные издержки являются измеряемыми, что позволяет оценивать эффективность функционирования экономической подсистемы не только показателями роста ВВП на душу населения, но и – в первую очередь – отрицательной динамикой социальных издержек.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Приступая к написанию этой монографии, мы планировали ограничиться построением аналитической модели институциональной матрицы; однако если рассматривать ее деформацию, описанную во второй главе, необходимым становится анализ более широкого спектра проблем, связанных с этим процессом, что выводит нас на описание социальной системы и ее взаимоотношений с экономической.

Предложенная в данной монографии модель структуры институциональной матрицы базируется на анализе процесса возникновения и формирования «социального организма» как результата трех этапов отчуждения. Это логически приводит нас к определению системообразующего характера института труда.

Неприятие доктрины экономического детерминизма стало причиной критического пересмотра ряда существующих понятий и методологических подходов к анализу социально-экономической реальности. Рассматривая институт труда как системообразующий пра-институт, мы пришли к выводу, что деформация институциональной матрицы связана, прежде всего, с изменением соотношения между ним и институтом собственности. Отчуждение труда как процесс неизбежный с точки зрения экономического роста и негативный с точки зрения целостности социальной системы, приводит нас к диалектическому противоречию базисных институтов труда и собственности как «полюсов» институциональной матрицы.

Поскольку невозможно непосредственно «подкорректировать» структуру институциональной матрицы, возникает проблема идентификации и определения соотношения стихийных и сознательных

сил, под влиянием которых трансформируется институциональное пространство. Поскольку стихийные силы имеют дезинтегрирующий характер, то единственной альтернативой этому являются соблюдение принципов системной интеграции, определяющих направление любых сознательных трансформаций институциональной системы общества. Эти принципы мы разделили на три категории: базовые, связующие и вторичные. Как мы надеемся, нам удалось показать, что все негативные явления социальной реальности являются следствием нарушения связующих принципов системной интеграции социума, а так же то, что социальные издержки в данном нами определении являются измеряемыми. Это обеспечивает «обратную связь», т.е. возможность мониторинга социальной реальности для принятия решений в отношении необходимых корректирующих воздействий на институциональную систему.

Рассматривая такие фундаментальные понятия, как трудовой потенциал, «человеческий» и социальный капитал, мы подвергли критическому анализу ряд подходов постольку, поскольку, во-первых, эти подходы базировались на доктрине экономического детерминизма, во-вторых, поскольку того требовала общая концепция, изложенная в данной работе.

В результате сформировалась достаточно целостная, на наш взгляд, концепция, в которой решаются основные задачи, связанные с проблемой повышения управляемости социально-экономических процессов. В этой концепции не только прослеживается процесс формирования социального организма, но и четко определена полярная структура институциональной матрицы как системы регулирования протекающих в нем процессов; определены функции базисных институтов, сформулированы принципы системной интеграции социума и расширена трактовка понятия

«социальный капитал», посредством которого определено понятие социального прогресса и сформулировано понятие социальных издержек, на основании которого становится возможным формирование системы критериев для мониторинга социальной динамики. Анализ процесса деформации институциональной матрицы раскрывает глубинный механизм социально-экономических процессов, действующий подобно «подземным толчкам», отражающимся на поверхности расколом земной коры, извержениями и пр.

Таким образом, предложенная методологическая концепция анализа социально-экономических систем раскрывает причинно-следственные связи и позволяет выявить закономерности протекания и взаимодействия процессов стихийной и сознательно управляемой самоорганизации общества. Данная концепция базируется на аксиоматическом признании способности социальных систем к сознательной коррекции институциональной среды в соответствии с принципами системной интеграции социума.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антонюк В.П. Головні напрями зміцнення соціально-економічних основ формування людського капіталу / В.П. Антонюк // Україна: аспекти праці. — 2006. — № 2. — С. 39–47.
2. Антонюк В.П. Человеческий капитал предприятия и стратегия его развития / В.П. Антонюк, И.Н. Лашенко, Ю.Б. Скаженик // Економіка промисловості. — 2004. — № 4 (26). — С. 175–181.
3. Арнольди С.С. [Лавров П.Л.] Задачи понимания истории. Проект введения в изучение эволюции человеческой мысли. — М: изд. М. Ковалевского, 1898. — 371 с.
4. Аширова Г. Современные проблемы оценки человеческого капитала / Г. Аширова // Вопросы статистики. — 2003. — № 3. — С. 26–31.
5. Бабст И.К. Изложение начал народного хозяйства. — М., 1872. — 162 с.
6. Бабст И.К. Избранные произведения / Под ред. М.Г. Покидченко, Е.Н. Калмычковой. — М.: «Наука», 1999. — 301 с.
7. Балацкий Е.В. Социальная гетерогенность единого экономического пространства // Мониторинг общественного мнения. — № 2 (74), апрель–июнь 2005. — С. 19–30.
8. Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества. [Пер. с англ.]. / З. Бауман — М.: Издательство «Весь Мир», 2004. — 188 с.
9. Бауман З. Индивидуализированное общество / Зигмунт Бауман; Пер. с англ. под ред. ВЛ. Иноземцева. // Центр исследований постиндустр. об-ва, Журн. «Свобод. Мысль». — М.: Логос, 2002. — 390 с.
10. Бауман З. Социологическая теория постсовременности / Зигмунт Бауман // Социологические очерки. — М., 1991. — Вып. 1. — С. 28–48.

11. Беккер Гэри С. Человеческое поведение: экономический подход / Г.Беккер — М: ГУ ВШЭ, 2003. — 672 с.
12. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Д. Белл / Пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. — М.: Academia, 1999. — 787 с.
13. Бессонова О.Э. Итегрально-институциональная парадигма цивилизационного развития как новая методология познания / О.Э. Бессонова // Журнал социологии и социальной антропологии. — 2008. — Том XI. — № 2. — С. 15–32.
14. Бессонова О.Э. Образ будущего России и код цивилизационного развития / О.Э. Бессонова. — Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2007. — 124 с.
15. Бессонова О.Э. Роль государства в современной экономике в контексте общей теории социальных трансформаций / О.Э. Бессонова // Регион: экономика и социология. — 2008. — № 3. — С. 126–146.
16. Бессонова О.Э. Феномен теории институциональных матриц: реставрация устаревшей парадигмы / О.Э. Бессонова // Экономическая наука современной России. — 2007. — № 2 (37). — С. 23–33.
17. Близнюк В.В. Людський капітал / У книзі: Капіталізація економіки України / В.В. Близнюк / За ред. В. М. Гейця, А. А. Гриценка. — К.: Ін-т екон. та прогнозув., 2007. — С. 70–73.
18. Бова А.А. Соціологія організованої злочинності: окреслення предметної галузі / А.А. Бова // Український соціум. — 2003. — № 1 (2). — С. 16–23.
19. Богиня Д. П. Трансформаційні процеси в системі формування національного ринку праці: інституційні аспекти / Богиня Д. П. // Україна: аспекти праці. — 2005. — № 1. — С. 3—9.

20. Бордьё П. О телевидении и журналистике. [Пер. с фр.] / П. Бордьё — М.: Фонд научных исследований «Прагматика культуры», Институт экспериментальной социологии, 2002. — 159 с.
21. Бордьё П. Формы капитала / П. Бордьё // Экономическая социология. — 2002. — Т. 3. — № 5 (ноябрь). — С. 60–75.
22. Бородина Е. Человеческий капитал как основной источник экономического роста / Е. Бородина // Экономика Украины. — 2005. — № 1. — С. 19–27.
23. Бузгалин А.В. «Постиндустриальное общество» – тупиковая ветвь социального развития / А.В. Бузгалин // Вопросы философии. — 2002. — № 5. — С. 26–43.
24. Бузгалин А.В. Теория социально–экономических трансформаций. (Прошрое, настоящее и будущее экономик «реального социализма» в глобальном постиндустриальном мире) / А.В. Бузгалин, А.И. Колганов. — М.: ТЕИС, 2003. — 680 с.
25. Бусова Н. Культурные корни социального капитала / Н. Бусова // Социологические исследования. — 1999. — № 8. — С. 144–148.
26. Валентей С.Д. Развитие общества в теории социальных альтернатив / С.Д. Валентей, Л.И. Нестеров. — М.: Наука, 2003. — 197 с.
27. Валлерстайн И. После либерализма: [Пер. с англ.] / И. Валлерстайн [Под ред. Б. Ю. Кагарлицкого]. — М.: Едиториал УРСС, 2003. — 256 с.
28. Вальрас Л. Элементы чистой политической экономии, или теория общественного богатства / Л. Вальрас. — М.: Изограф, 2000. — 448 с.
29. Васильев П.П. О роли интеллектуального капитала на современном этапе / П.П. Васильев, В.В. Сергиенко // Интеллектуальный капитал: состояние, проблемы, перспективы : сб. материалов науч. конф.

«Интеллектуальный капитал организации – ключ к развитию и росту экономики» / сост. и науч. ред. Т.М. Орлова. — М.: ЦЭМИ РАН, 2004. — С. 17–22.

30. Вебер М. Избранное. Образ общества.: Пер. с нем. — М.: Юрист, 1994. — 704 с.

31. Вебер М. Хозяйство и общество / М. Вебер; [пер. с нем. под научн. ред. Л. Г. Ионина]. — М.: Изд-во ГУ ВШЭ, 2007 — 267 с.

32. «Великая трансформация» Карла Поланьи: прошлое, настоящее, будущее. / Под общей ред. Р.М. Нуреева. — М.: ГУ–ВШЭ, 2007. — 321 с.

33. Вольчик В.В. Вторичность нового мифа? (Возможности и пределы институциональной экономики) / В.В. Вольчик // Экономический вестник Ростовского государственного университета. — 2003. — Т. 1. — № 1. — С. 126–134.

34. Всемирный доклад ЮНЕСКО 2005 года. К обществам знания : [Пер. с англ.]. — М., 2005. — 235 с.

35. Гавкалова Н.Л. Формування та використання інтелектуального капіталу. Наукове видання / Н.Л. Гавкалова, Н.С. Маркова. — Харків: Вид. ХНЕУ, 2006. — 252 с.

36. Геєць В.М. Взаємодія довіри і розвитку / В.М. Геєць // Екон. теорія. — 2005. — № 2. — С. 3–16.

37. Геєць В.М. Економіка України: стратегія і політика довгострокового розвитку: Моногр. / В.М. Геєць, В.П. Александрова, Т.І. Артьомова та ін.; НАН України. Ін-т екон. прогнозування. — К.: Фенікс, 2003. — 1006 с.

38. Геєць В.М. Економічні передумови стабільного соціального розвитку в середньостроковій перспективі / В.М. Геєць // Економіка і прогнозування. — 2002. — № 2. — С. 9–33.

39. Геєць В.М. Інституційні перетворення і суспільний розвиток / В.М. Геєць // Економіка і прогнозування. — 2005. — № 2. — С. 9–36.
40. Геєць В.М. Нестабільність та економічне зростання — Х.: «Форт», 2000. — 344 с.
41. Геєць В.М. Перспективи розвитку економіки України та можливий вплив на нього інноваційних факторів / В.М. Геєць // Наука та наукознавство. — 2006. — № 3. — С. 24–28.
42. Геєць В.М. Проблемные вопросы инновационного пути развития экономики Украины / В.М. Геєць // Вісн. Ін-ту економіки та прогнозування. — 2008. — № [1] . — С. 3–10.
43. Геєць В.М. Суспільство, держава, економіка: феноменологія взаємодії та розвитку: монографія / В.М. Геєць; Ін-т економіки та прогнозування НАН України. — К., 2009. — 863 с.
44. Геєць В.М. Трансформаційні процеси та економічне зростання в Україні: монографія / В.М. Геєць, М.І. Скрипниченко, Т.І. Приходьмо та ін.; НАН України. Ін-т екон. прогнозування. — Х.: Форт, 2003. — 437 с.
45. Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. [Пер. с англ.] / Э. Гидденс. — М.: Издательство «Весь Мир», 2004. — 120 с.
46. Гилфасон Т. Мировая экономика природных ресурсов и экономический рост // Экономический журнал ВШЭ. — 2008. — Т. 12. — №2. — С. 201–216.
47. Головінов О. М. Людський капітал у системі виробничих відносин / О.М. Головінов // Донецький держ. ун-т економіки і торгівлі ім. М. Туган-Барановського. — Донецьк, 2004. — 161 с.

48. Гриценко А. Про інституціональну архітектоніку як новий науковий напрямок / А. Гриценко // Економіка і прогнозування. — 2003. — № 1. — С. 132–141.

49. Гриценко А. Про інституціональну архітектоніку як новий науковий напрямок / А. Гриценко // Економіка і прогнозування. — 2003. — № 2. — С. 127–147.

50. Грішнова О. Економічна природа і значення категорії «людський капітал» / О. Грішнова, Л. Тертична // Україна: аспекти праці. — 2003. — № 7. — С. 33–37.

51. Грішнова О.А. Людський капітал: формування в системі освіти і професійної підготовки / О.А. Грішнова. — К.: Знання, 2001. — 254 с.

52. Гугнін Е. Феномен соціального капіталу / Е. Гугнін, В. Чепак // Соціологія: теорія, методи, маркетинг. — 2001. — № 1. — С. 49–56.

53. Гэлбрейт Дж.К. Экономические теории и цели общества / Дж.К. Гэлбрейт. — М.: [б.в.], 1986. — 230 с.

54. Дарендорф Р. Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы. / Р. Дарендорф. [Пер. с нем. Л.Ю.Пантиной].— М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2002. — 288 с.

55. Дементьев В.В. Институциональная теория в Украине: направления исследований, особенности, перспективы / В.В. Дементьев // Научные труды ДонНТУ. — 2006. — № 103(1). — С. 17–31.

56. Доклад о развитии человека 2005. Международное сотрудничество на перепутье: Помощь, торговля и безопасность в мире неравенства : [Пер. с англ.]. — М.: ПРООН, Изд-во «Мир», 2005. — 416 с.

57. Доклад о развитии человека 2006. Что стоит за нехваткой воды: власть, нищета и глобальный кризис водоснабжения : [Пер. с англ.]. — М.: ПРООН, Изд-во «Мир», 2006. — 408 с.

58. Доклад о развитии человека 2009. Преодоление барьеров: человеческая мобильность и развитие / Пер с англ.; ПРООН — М.: «Весь Мир», 2009. — 232 с.
59. Доклад о развитии человека 2010. [20-е изд.] Реальное богатство народов: пути к развитию человека / Пер. с англ.; ПРООН. — М.: «Весь Мир», 2010. — 244 с.
60. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии / Э. Дюркгейм. — М., 1991. — С. 508–510.
61. Дюркгейм Э. Социология. Её предмет, метод, предназначение / Э. Дюркгейм. / Пер. с фр., составление, послесловие и примечания А. Б. Гофмана. — М.: Канон, 1995. — 352 с.
62. Ємельяненко Л.М. Теоретико-методологічні основи забезпечення збалансованого людського та технологічного розвитку в умовах становлення постіндустріального суспільства / Л.М. Ємельяненко // Науковий журнал „Український соціум”. — К., 2006. — № 6(17). — С. 62–72.
63. Зелінська Г.О. Регіональні особливості формування, оцінювання та використання людського капіталу / Г.О. Зелінська, У. Я. Садова, Я. С. Витвицький / ред. М. О. Данилюк. — Івано-Франківськ: ІФНТУНГ, 2006. — 124 с.
64. Иванов А. М. Корруптология – правовая наука и учебная дисциплина: путь совершенствования уголовной политики и законодательства о воздействии на организованную преступность и коррупцию. Монография. — Владивосток, 2002. — 300 с.
65. Иноземцев В.Л. На рубеже эпох: Экономические тенденции и их неэкономические следствия: [Аутентичные тексты статей и рецензий 1998–2002 гг.] / В.Л. Иноземцев. — М.: «Экономика», 2003. — 776 с.

66. Иноземцев В.Л. «Постиндустриальное хозяйство» и «постиндустриальное общество». К проблеме социальных тенденций XXI века / В.Л. Иноземцев // Общественные науки и современность. — 2001. — № 3. — С. 140–152.

67. Иноземцев В.Л. Социально-экономические модели в современном мире и путь России: [Монография] / В.Л. Иноземцев, Ю. Князев, К. Павлов [под ред. Микульского К.И.] / [В 2 кн.]: [Кн. 2]: Социально-экономические модели (из мирового опыта):. — М.: «Экономика», 2005. — 911 с.

68. Иноземцев В.Л. Технологический прогресс и социальная поляризация в XXI столетии / В.Л. Иноземцев // Полис. — 2000. — № 6. — С. 28–39. Институциональная экономика: новая институциональная экономическая теория: [учебник] / Под общей ред. д.э.н., проф. А.А. Аузана. — М.: ИНФРА-М, 2005. — 416 с.

69. Кейнс Джон Мейнард Общая теория занятости, процента и денег. — М.: «Гелиос АРБ», 1999. — 352 с.

70. Кендрик Дж. Экономический рост и формирование капитала / Дж. Кендрик // Вопросы экономики. — 1976. — № 1. — С. 15–29.

71. Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России / С.Г. Кирдина. — М.: ТЕИС, 2000. — 213 с.

72. Кирдина С.Г. Современные российские реформы: поиск закономерностей / С.Г. Кирдина // Общество и экономика. — 2002. — № 3–4.

73. Кирдина С.Г. Собственность в Х-матрице / С.Г. Кирдина // Отечественные записки. — 2004. — № 6 (20).

74. Кирдина С.Г. Х- и Y-экономики: институциональный анализ / С.Г. Кирдина. — М.: Наука, 2004. — 256 с.

75. Климко С.Г. Людський капітал: світовий досвід і Україна / С.Г. Климко, В.М. Пригода, В.О. Сизоненко. — К.: «Основа», 2006. — 224 с.
76. Кодацкий В.П. Инфляция: влияние на экономику и пути преодоления / В.П. Кодацкий // Вісник економічної науки України. — 2005. — №1. — С. 145–147.
77. Колодій А.М. Права людини і громадянина в Україні: навчальний посібник / А.М. Колодій, А. Ю. Олійник ; М-во освіти і науки України. — Київ: «Юрінком Інтер», 2004. — 336 с.
78. Корицкий А.В. Человеческий капитал как фактор экономического роста регионов России : [монография] / А.В. Корицкий; ред. Т.В. Григорова; Сибирский ун-т потреб. кооперации. — Новосибирск, 2010. — 368 с.
79. Коуз Р. Фирмы, рынок и право [пер.с англ.] / Р. Коуз. — М.: Новое издательство, 2007. — 224 с.
80. Коулмен Дж. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. — 2001. — № 3. — С. 121–139.
81. Кривенко К., Чернишук В. Відчуження праці і його форми в перехідній економіці України // Науковий вісник Волин. держ. ун-ту ім. Л. Українки. — 1998. — № 12. — С.28–32.
82. Критский М. М. Человеческий капитал / М. М. Критский. — Л. : Изд-во ЛГУ, 1991. — 120 с.
83. Кузнецова М. А. Інформаційне суспільство та процес його становлення // Вісник соціально-економічних досліджень: Зб. наук. пр. ОДЕУ. — Одеса, 2003. — Вип. 15. — С. 146–150.
84. Кульчицький Б.В. Економічні системи суспільства: теорія, методологія, типологізація. — Львів: ЛНУ, 2003. — 352 с.

85. Лавров П.Л. Философия и социология. Избранные произведения. В 2 т. — М., Мысль, 1965. — Т. 2. — С. 73–402.
86. Лесечко М. Д. Соціальний капітал: теорія і практика : [монографія] / М. Д. Лесечко, О. Г. Сидорчук. — Львів : ЛРІДУ НАДУ, 2010. — 220 с.
87. Литвинцева Г.П. Институциональная экономическая теория: [учебник]. — Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2003. — 336 с.
88. Макарова О.В. Методика вартісної оцінки демоекономічного потенціалу / О.В. Макарова, О.В. Позняк // Зайнятість та ринок праці: Міжвід. наук. зб. — Вип. 6. — К.: РВПС України НАН України. — 1998. — С. 160–167.
89. Манхейм К. Диагноз нашего времени. / К. Манхейм [Пер. с нем. и англ.]. — М.: Юрист, 1994. — 700 с.
90. Маркс К. Капитал / Маркс Л., Энгельс Ф. Соч., 2 изд., Т. 23. — М.: Политиздат, 1960. — 560 с.
91. Маршалл А. Принципы экономической науки. — М.: «Прогресс», 1993. — Т. 1. — 315 с.
92. Маршалл, А. Принципы политической экономии / А. Маршалл. — М., 1993. — Т. 2. — 310 с.
93. Менделеев Д.И. Заветные мысли. — СПб.: Наука, 1903–1904. — 74 с.
94. Мизес Л. фон. Человеческая деятельность: Трактат по экономической теории. — Челябинск: Социум, 2005. — 878 с.
95. Михайловский Н.К. Герои и толпа: [Избранные труды по социологии в 2 т.]. — СПб., Изд-во Алетейя, 1998. — т. 2. — 267 с.

96. Мочалова Л.А. Аналитическая модель новой институциональной экономической теории: вопросы полноты и достаточности / Л.А. Мочалова // Экономический вестник РГУ. — 2007. — Т. 5. — № 1. — С. 69–80.
97. Найденов В.С. Інфляція і монетаризм. Уроки антикризової політики / В.С. Найденов, А.Ю. Сменковський. — Б.Ц.: „Білоцерківська книжкова фабрика”, 2003. — 352 с.
98. Нестеров Л. Национальное богатство и человеческий капитал / Л. Нестеров, Г. Аширова // Вопросы экономики. — 2003. — № 2. — С. 103–110.
99. Номоконов В. А. Коррупция в мире и международная стратегия борьбы с ней : Монография / В. А. Номоконов. — Владивосток, 2004. — 200 с.
100. Норт Д. Институциональные изменения: рамки анализа // Вопросы экономики. — 1997. — № 3. — С. 6–17.
101. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. / Д. Норт / Пер. с англ. под ред. Б.З. Мильнера. — М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. — 188 с.
102. Новий курс: реформи в Україні 2010–2015. Національна доповідь / ред. В. М. Гейця [та ін.]. — К.: НВЦ НБУВ, 2010. — 232 с.
Режим доступу: http://www.idss.org.ua/monografii/nandop2010_2015.pdf
103. Овчинский В.С. XXI век против мафии. Криминальная глобализация и Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности / В.С. Овчинский — М.: ИНФРА–М, 2001. — 148 с.
104. Ойкен В. Основы национальной экономики. — М., Директ-Медиа, 2007. — 326 с.

105. Основні причини високого рівня смертності в Україні. — К.: ВЕРСО-04, 2010. — 60 с.
106. Панасюк Б. Я. Державна планова система України: історія становлення та розвитку / Б. Я. Панасюк. — К. : КНЕУ, 2005. — 412 с.
107. Пантин В.И. Волны и циклы социального развития: Цивилизационная динамика и процессы модернизации. — М.: Наука, 2004. — 246 с.
108. Папієв М. Світовий досвід застосування соціальних стандартів / М. Папієв // Економіка України. — 2004. — № 1. — С. 4–8.
109. Парсонс Т. О построении теории социальных систем: интеллектуальная автобиография. — М.: Директ-Медиа, 2007. — 195 с.
110. Парсонс Т. О структуре социального действия. — М.: Директ-Медиа, 2007. — 1246 с.
111. Парсонс Т. Система современных обществ. — М.: Директ-Медиа, 2007. — 380 с.
112. Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения // Американская социологическая мысль. — М., 1996. — С. 494–526.
113. Патнем Р., Нанетті Р. Творення демократії. Традиції громадянської активності в сучасній Італії. — К. : Основи. 2001. — 300 с.
114. Петрик О., Половнєв Ю. Базова інфляція: концепція та деякі методи розрахунку// Вісник НБУ. — 2002 р. — № 12. — С. 47–48.
115. Пинчук И. Я. Распространенность психических расстройств в Украине // «Журн. АМН України». — 2010. — т. 16. — № 1. — С. 168–176.
116. Поланьи К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени / К. Поланьи. — СПб.: Алетейя, 2002. — 320 с.

117. Поланьи К. Саморегулирующийся рынок и фиктивные товары: труд, земля и деньги // THESIS. — 1993. — Вып. 2. — Т. 1. — С. 10–17.
118. Поланьи К. Два значения термина «экономический» [1953] / К. Поланьи [Под ред. Теодора Шанина] // Неформальная экономика. Россия и мир. — М.: Логос, 1999. — С. 498–504.
119. Поланьи К. Экономика как институционально оформленный процесс // Западная экономическая социология: Хрестоматия современной классики. — М.: РОССПЭН, 2004. — С. 62–74.
120. Постсоветский институционализм / Под ред. Р.М. Нуреева, В.В. Дементьева. — Донецк: Каштан, 2005. — 480 с.
121. Потенціал України та його реалізація: спільний аналітичний звіт Міністерства економіки України, Міністерства фінансів України та національного банку України (2008 р.) [Електронний ресурс]. — Режим доступу : <http://www.icps.kiev.ua>
122. Прибыткова И. М. Миграции и время. Украинский вариант развития // Постсоветские трансформации: отражение в миграциях / Под ред. Ж. А. Зайончковской и Г. С. Витковской. — М.: ИТ "Адамант" — 2009. — С. 63–115.
123. Розгортання фінансово-економічної кризи в Україні у 2009 році: негативні наслідки та засоби їх пом'якшення: наук.-аналіт. доп. / Ред.: В.М. Геєць; Ін-т економіки та прогнозування НАН України. — К., 2009. — 159 с.
124. Резнік В.С. Соціально–економічні орієнтації громадян сучасної України за оцінками експертів: спроба аналізу історичних передумов генезис // Науковий журнал „Український соціум”. — К., 2006. — № 6(17). — С. 81–91.

125. Рязанцев С.В. Трудовая миграция из Украины за рубеж: новые подходы к оценке реальных масштабов // Формування ринкової економіки: Зб. наук. праць: Спец. вип.: Матеріали Міжнар. наук.-практ. Конф. «Демократичний розвиток України та пріоритетні завдання демографічної політики». — Т. 2: Демографічні аспекти регулювання та відтворення трудового потенціалу. — К: КНЕУ, 2006. — С. 24–31.

126. Сивуха С.В. Социальная сеть общественных организаций как форма социального капитала / С.В. Сивуха // Социология. — 2003. — № 4. — С. 52–63.

127. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. — М.: Эксмо, 2007. — 956 с.

128. Сорокин П.А. Кризис нашего времени / П.А. Сорокин // Американская социологическая мысль. — М., 1996. — С. 356–371.

129. Сорокин П.А. Социализм и социальное равенство / П.А. Сорокин // Социологические исследования. — 2001. — № 5. — С. 105–109.

130. Сорокин П.А. Обзор циклических концепций социально-исторического процесса / П.А. Сорокин // Социологические исследования. — 1998. — № 12. — С. 3–14.

131. Сорокин П.А. Социология вчера, сегодня и завтра / П.А. Сорокин // Социологические исследования. — 1999. — № 7. — С. 115–124.

132. Сорокин П.А. Социокультурная динамика и эволюционизм / П.А. Сорокин // Американская социологическая мысль. — М., 1996. — С.372–392.

133. Степаненко В. Социальный капитал в социологической перспективе: теоретико-методологические аспекты исследования // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2004. — № 2. — С. 24–41.

134. Стиглиц Дж. Ю. Глобализация: тревожные тенденции [Пер. с англ.] / Дж.Ю. Стиглиц. — М.: Мысль, 2003. — 302 с.
135. Стиглиц Дж. Ю. Экономика государственного сектора [пер. с англ.]. — М.: Изд-во МГУ: ИНФРА-М, 1997. — 720 с.
136. Тамбовцев В.Л. О разнообразии форм описания институтов. // ОНС. — 2004. — № 2. — С. 107–118.
137. Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории: Сборник / Пер. с англ. — М.: «Рольф», 2002. — 592 с.
138. Тойнби А. Дж. Постигание истории: Сборник / Пер. с англ. Е.Д. Жаркова. — М.: «Рольф», 2001. — 640 с.
139. Токвиль де А. Демократия в Америке. — М.: Весь Мир, 2001. — 560 с.
140. Тоффлер Э. Третья хвиля [Пер. з англ. А. Євси] / Е. Тоффлер. — К.: Всесвіт, 2000. — 453 с.
141. Тоффлер Э. Метаморфозы власти: [Пер. с англ.] / Е. Тоффлер. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. — 669 с.
142. Тоффлер Э. Шок будущего : [Пер. с англ.] / Е. Тоффлер. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. — 537 с.
143. Туроу Лестер К. Будущее капитализма : как сегодняшние экономические силы формируют завтрашний мир : пер. с англ. / Лестер К. Туроу. — Новосибирск: Сибирский хронограф, 1999. — 431 с.
144. Уильямсон О. Экономические институты капитализма. Фирмы, рынки и отношенческая контрактація / О. Уильямсон. — СПб.: Лениздат, 1996. — 702 с.
145. Филиппова И.Г. Деформация институциональной матрицы в Украине / В.Г. Сумцов, И.Г. Филиппова // Збірник наукових праць

Східноукраїнського національного університету ім. В. Даля. — № 17. — 2011. — С. 243–247.

146. Филиппова І.Г. Інституціональна пастка: моделювання ринку праці в Україні / І.Г. Филиппова, Г.С. Балахнін // Формування ринкової економіки: збірник наукових праць. — Спец. випуск: у 3 т. — Т. 3. — К.: КНЕУ, 2010. — С. 369–377.

147. Филиппова І.Г. Інфляція і перерозподіл доходу в Україні / І.Г. Филиппова, В.Г. Сумцов // Часопис економічних реформ: науково-виробничий журнал. — № 3. — 2011. — С. 10–17.

148. Филиппова И.Г. Макроэкономические модели в реальной экономике: Монография / И.Г. Филиппова, В.Г. Сумцов, Г.С. Балахнин. — Луганск: изд-во ВНУ им. В. Даля, 2010. — 630 с.

149. Филиппова И.Г. Модели рынка труда в Украине / И.Г. Филиппова, Г.С. Балахнин // Вісник Східноукраїнського національного університету ім. В. Даля. — № 11 (153). — Луганськ, 2010. — С. 261–266.

150. Филиппова И.Г. Отчуждение труда в экономической системе / В.Г. Сумцов, И.Г. Филиппова // Збірник матеріалів науково-практичної конференції „Формування та розвиток трудового потенціалу України: проблеми і перспективи”. — Луганськ-Євпаторія, 2011. — С. 174–176.

151. Филиппова І.Г. Експлікація категорії „відчуження” через систему соціальних інститутів / І.Г. Филиппова, В.Г. Сумцов // Збірник матеріалів науково-практичної конференції „Формування та розвиток трудового потенціалу України: проблеми і перспективи”. — Луганськ-Євпаторія, 2011. — С. 181–182.

152. Филиппова І.Г. Україна: моделі економічного зростання / В.Г. Сумцов, І.Г. Филиппова // Формування ринкової економіки: збірник

наукових праць. — Спец. випуск: у 3 т. — Т. 3. — К.: КНЕУ, 2010. — С. 336–346.

153. Фишер С. Экономика / С. Фишер, Р. Дорнбуш, Р. Шмалензи; [пер. с англ. со 2-го изд.]. — М.: «Дело ЛТД», 1995. — 864 с.

154. Флигстин Н. Государство, рынки и экономический рост / Н. Флигстин // Экономическая социология. — 2007. — Т. 8. — № 2. — С. 41–60.

155. Фромм Э. Человек одинок / Э. Фромм // «Иностранная литература», 1966. — № 1. — С.230–233.

156. Фукуяма Ф. Великий разрыв. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2008. — 474 с.

157. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию: Пер. с англ. / Ф. Фукуяма. — М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2004. — 730 с.

158. Фукуяма Ф. Социальный капитал. Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / Под ред. Л. Харрисона, С. Хантингтона. — М., 2002. — С. 129–149.

159. Фуруботн Э.Г., Рихтер Р. Институты и экономическая теория: Достижения новой институциональной экономической теории / Пер. с англ. под ред. В.С. Катькало, Н.П. Дроздовой. — СПб.: Изд. дом Санкт-Петерб. гос. ун-та, 2005. — 702 с.

160. Хайек Ф. Индивидуализм и экономический порядок / Ф. Хайек. — М.: Изограф, 2000. — 256 с.

161. Хайек Ф. Право, законодательство и свобода: Современное понимание либеральных принципов справедливости и политики / Ф. Хайек. — М.: ИРИСЭН, 2006. — 644 с.

162. Харрод Рой Теория экономической динамики : [пер. с англ. В.Е. Маневича] / [Под ред. В.Г. Гребенникова]. — М.: ЦЭМИ, 2008. — 210 с.

163. Харчук Т.В. Управління розвитком людського капіталу в організаціях системи вищої освіти: дис. канд. економ. наук: 08.06.01. / Т.В. Харчук. — К.: Європейський ун-т., 2005. — 184 с.

164. Ходжсон Дж. Экономическая теория и институты: Манифест современной институциональной экономической теории: [пер. с англ.]. — М.: Дело, 2003. — 464 с.

165. Холод Н.И. Незавершеність інституційного середовища як основна причина негативних процесів у сфері розподілу доходу населення / Н.И. Холод // Научные труды ДонНТУ. — Вип. 89–3. — Донецьк, 2005.

166. Цыренова А.А. Развитие человеческого капитала в условиях трансформации институциональной среды / А.А. Цыренова. — Улан-Удэ: изд-во ВСГТУ, 2006. — 176 с.

167. Чернишук В.Р. Зростання норми безробіття, як прояв поглиблення відчуження праці / В.Р. Чернишук // Економіка та підприємництво: Зб. пр. молодих вчених та аспірантів. Вип. 3. — К.: КНЕУ. — С.44–46.

168. Чухно А.А. Постіндустріальна економіка: теорія, практика та їх значення для України / А.А. Чухно. — К.: ЛОГОС, 2003. — 632 с.

169. Шапошнікова О.М. Інфляційні процеси в Україні / О.М. Шапошнікова // Соціальні та економічні проблеми розвитку України, регіонів та підприємств: зб. наук. Праць Донецького державного університету управління. — Донецьк, 2007. — Т.VIII, вип. 84, серія „Економіка”. — С. 96–107.

170. Швец Е.В. Некоторые аспекты международно-правового сотрудничества государств-членов Совета Европы в области борьбы с

коррупцией / Е.В. Швец // Журнал российского права. — 2000. — № 7. — С. 65–73.

171. Шевчук О.Б. Глобально-інформаційна економіка та синергетичний підхід до її дослідження. / О.Б. Шевчук. — К., 2004. — 112 с.

172. Щенин Р. Наркобизнес – глобальная проблема XXI века / Р. Щенин, Г. Сулейманова // Мировая экономика и международные отношения. — 2006. — № 6. — С. 50–57.

173. Щетинин В. Человеческий капитал и неоднозначность его трактовки // Мировая экономика и междунар. отношения. — М., 2001. — № 12. — С. 42–49.

174. Шлезингер А.М. Циклы американской истории / А.М. Шлезингер. — М.: Изд. группа «Прогресс», «Прогресс-Академия», 1992. — 688 с.

175. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. / О. Шпенглер / [Пер. с нем. и примеч. И.И. Маханькова]. — М.: Мысль, 1998. — 606с.

176. Шпенглер О. Пруссачество и социализм / О. Шпенглер / [Пер. с нем. Г.Д. Гурвича]. — М.: Праксис, 2002. — 240 с.

177. Штомпка П. Социология социальных изменений : пер. с англ. — М., 1996. — 416 с.

178. Шумська С.С. Національне багатство: методологічні підходи та оцінки по Україні // Економічна теорія. — № 4. — 2006. — С. 62–76.

179. Эггертссон Т. Экономическое поведение и институты: [пер. с англ.] / Т. Эггертссон.— М.: Дело, 2001. — 408 с.

180. Эдвинссон Л. Интеллектуальный капитал / М. Эдвинсон, М. Мэлоун // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / под ред. В.Л. Иноземцева. — М. 1999. — С. 435–436.
181. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. В связи с исследованиями Л.Г. Моргана. — М.: Политиздат, 1973. — 239 с.
182. Юрьева Л. Н. Динамика распространения психических и поведенческих расстройств в мире и в Украине // Медицинские исследования. — 2001. — Т. 1, вып. 1. — С. 32–33.
183. Aron J. Growth and Institutions: A Review of the Evidence / J. Aron // The World Bank Research Observer, 2000. — V.15. — No.1. — P. 99–135.
184. Becker G. S. Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis with Special Reference to Education / G. S. Becker — Chicago, London: The University of Chicago Press, 1992. — 361 p.
185. Besley T. Health and Democracy / T. Besley, M. Kudamatsu // The American Economic Review, May 2006. — Volume 96. — Number 2. — P. 313–318.
186. Borgatti S.P., Jones C., Everett M.G. Network Measures of Social Capital // Connections. — 1998. — 21(2). — P. 27–36.
187. Bourdieu P. Forms of Capital // Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education / Ed. by J.G. Richardson. — N. Y., 1983. — P. 241–258.
188. Coas R. The New Institutional Economics / R. Coas // American Economic Review, 1998. — Vol. 88. — № 2.
189. Coase R. H. The Problem of Social Cost // Journal of Law and Economics. — № 3 (1960). — P. 1–44.

190. Coleman J. Social theory, social research, and a theory of action. // American Journal of Sociology. — 1986. — № 91. — P. 309–1335.
191. Coleman J. Social Capital in the Creation of Human Capital // Social Capital. A Multifaceted Perspective / Ed. by P.Dasgupta, I.Serageldin.— Washington, 2000.— P. 6–39.
192. Commons J.R. Institutional Economics / J.R. Commons // American Economic Review, 1931. — Vol. 21.
193. Dixon J., Bakkes J., Hamilton K., Kunte A., Lutz E., Paggiolo S., Hie J. Expanding the Measure of Wealth: Indicators of Environmentally Sustainable Development. — Washington D.C.: The World Bank, 1997. — 112 p.
194. Eaton J. Foreign Public Capital Flow. [In: H. Chenery and T.N. Srinivasan (eds.)] / J. Eaton // Handbook of Development Economics. — Vol. II. — Elsevier Science Publishers B.V., 1989. — P. 1306–1386.
195. Fennema M., Tillie J. Civic Community, Political Participation and Political Trust of Ethnic Groups // Connections. — 2001. — Vol. 24(1). — P. 26–41.
196. Galor O., Weil D.N. From Malthusian Stagnation to Modern Growth // American Economic Review. —1999. — 89(2). — p. 150–154.
197. Hillman A.L. Political Culture, Political Liberalization and Economic Decline. [Preprint]. / A.L. Hillman, H.W. Ursprung // Economic Survey of Europe. — 1998. — №.1. — Economic Commission for Europe. — United Nations, 2001.
198. Hellman J.S. Measuring Governance, Corruption and State Capture / J.S. Hellman, G. Jones, D. Kaufmann, M. Schankerman // Policy Research Working Paper, No. 2312. — The World Bank Institute, 2000. — 44 pp.

199. Hellman J. Intervention, Corruption and Capture. The nexus between enterprises and the state / J. Hellman and M. Schankerman // *Economics of Transition*, 2000. — Vol. 8(3). — P 545–576.

200. Granovetter M. The Sociological Approaches to Labor Market Analysis: A Social Structural View // *The Sociology of Economic Life* / M. Granovetter, R. Swedberg (eds.). — Boulder: Westview Press, 1992. — P. 233–263.

201. Granovetter M. Economic Institutions as Social Constructions: A Framework for Analysis // *Acta Sociologica*. 1992. — № 35. — PP. 3–11.

202. Kuznets S. Economic Growth and Income Inequality // *American Economic Review* 45(1) (1955). — P. 1–28.

203. Lester C. Thurow *The Future of Capitalism. How Today's Economic Forces Shape Tomorrow's World*. — Penguin books, 1997. — 385 p.

204. Lin N. Building a Network Theory of Social Capital // *Connections*. — 1999. — 22(1). — P. 28–51.

205. McCallum J. Government, special interest groups, and economic growth / J. McCallum, A. Blais // *Public Choice*. — 1987. — V. 54. — P. 3–18.

206. Mincer J. The Production of Human Capital and The Lifecycle of Earnings: Variations on a Theme / J. Mincer // *Journal of Labor Economics* — 1997. — Vol. 15. — № 1. — P. 26–47.

207. Mulligan C. Measuring Aggregate Human Capital / C. Mulligan, X. Sala-i-Martin. — Working Paper of the NBER. — № 5016. — Feb. 1995. — 55 p.

208. Paldam M. Social Capital: One or Many? Definition and Measurement // *Journal of Economic Surveys*. — 2000. — Vol. 14. — Is. 5. — P. 629–654.

209. Polanyi K. On Belief in Economic Determinism // Sociological Review. — 1947. — Vol. 39. — P. 96–102.
210. Polanyi K. Livelihood of Man. — N.Y., 1977. — P. 19–27.
211. Polanyi K. Our Obsolete Market Mentality // Primitive, Archaic, and Modern Economies. — Boston, 1971. — pp.59–77.
212. Portes A. Social Capital: Its Origins and Application in Modern Sociology // Annual Review of Sociology. — 1998. — Vol. 24. — P. 1–24.
213. Przeworski A. The effect of IMF programs on economic growth / A. Przeworski, J.R. Vreeland J.R. // Journal of development Economics. — 2000. — Vol. 62. — P. 385–421.
214. Putnam R. The Prosperous Community. Social Capital and Public Life // The American Prospect. — 1993. — Vol.4. — № 13. — P. 1–8.
215. Putnam Robert D. Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community. — N.Y.: Simon & Schuster, 2000. — 544 p.
216. Schultz T. Investments in Human Capital / T. Schultz // The American Economic Review. March 1961. — № 51 (1). — P. 9–27.
217. Schiff M. Social Capital, Labor Mobility, and Welfare // Ration Society. — 1995. — Vol. 4. — P. 157–175.
218. Soares R. R. Mortality Reductions, Educational Attainment, and Fertility Choice // American Economic Review. — 2005. — № 95(3). — p. 580–601.
219. Stanfield J.R. The scope, method and significance of original institutional economics / J.R. Stanfield // Journal of Economic Issues. — Lincoln, 1999. — Vol. 33. — Issue 2.
220. Stiglitz J. Distinguished Lecture on Economics in Government. The Private Uses of Public Interests: Incentives and Institutions / J. Stiglitz // Journal of Economic Perspectives. — 1998. — Vol. 12. — № 2. — P. 3–22.

221. Stiglitz J. Scan globally, reinvent locally: knowledge infrastructure and the localization of knowledge. / J. Stiglitz. [In: Diane Stone (ed.) *Banking on Knowledge. The Genesis of the Global Development Network*]. — 2000. — P. 24–43.

222. Schultz T. Investments in Human Capital / T. Schultz // *The American Economic Review*. March 1961. — № 51 (1). — P. 9–27.

223. The WHO world mental health survey consortium. Prevalence, severity, and unmet need for treatment of mental disorders in the World Health Organization world mental health surveys // *JAMA*. — 2004. — 291. — P. 2581–2590.

224. Wallerstein Immanuel. Class conflict in the capitalist world-economy // *Race, nation, class*, ed. E. Balibar and I. Wallerstein. — London: Verso. L.: Verso, 1991. — P. 115–124.

225. Wallerstein I. The Three Instances of Hegemony in the History of the Capitalist World-Economy / Immanuel Wallerstein // *The Politics of the World-Economy: The States, the Movements and the Civilizations*. — Cambridge: Cambridge University Press, 1984. — P. 37– 46.

226. Where is the Wealth of Nations? Measuring Capital for the 21st Century. — The World Bank, Washington, D.C., 2006. — 188 p.